

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПЕРМЬ

16+

№ 28

ПЕРМЬ 2021

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПЕРМЬ

№ 28

ПЕРМЬ 2021

УДК 882(059)
ББК 84(2Рос-Рус)6я53
Л 55

Лауреат премии
Пермского края
в сфере культуры и искусства
за 2014 год

**Альманах «Литературная Пермь» издаётся
Пермской краевой общественной (профессиональной)
организацией Союза писателей России при поддержке
Министерства культуры Пермского края.**

**Электронная версия альманаха писателей Пермского края
«Литературная Пермь» в рамках проектов
«Пермская библиотека» (www.kulturaperm.ru)
и «Литературное Прикамье» подготовлена при поддержке
Министерства культуры Пермского края (www.mk.permkrai.ru).**

**ПКОО «Союз писателей России» и ПКОО «Пермский писатель»
благодарят Пермское отделение ВТОО «Союз художников России»
и галерею «Марис-Арт» за содействие в оформлении альманаха.**

Редакционная коллегия:
Главный редактор — А. Г. Гребнев
Отдел поэзии — В. В. Якушев
Отдел прозы — В. А. Богомолов
Отдел международных связей — И. Н. Тюленев
Отдел детской литературы — А. С. Зеленин

Л 55 **Литературная Пермь:** альманах. — Пермь: Пермский писатель,
2021. — 124 с. — (вып. 28).
ISBN 978-5-6044740-1-3

В оформлении альманаха использованы работы художника Лидии ЕРОХИНОЙ.

На обложке — «КОСМОС НАШ», 2021 г., дерево, акрил.

На шмуцтитуле части 1 — «УРА! ЮРА!», 2021 г., дерево, акрил.

На шмуцтитуле части 2 — «БУКЕТ ПЛАНЕТ», 2021 г., дерево, акрил.

На шмуцтитуле части 3 — «ВСТРЕЧА МИРОВ», 1970 г., гор. эмаль — работа члена Союза художников России Степана КОЛЮПАНОВА.

ISBN 978-5-6044740-1-3

© Пермская краевая общественная
(профессиональная) организация
Союза писателей России, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

РОДИНА

Николай ПОЛОТНЯНКО. ЦВЕТУТ СОЗВЕЗДИЯ МИРОВ. Стихи 4

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ПРОЗА

РОДИНА

2021-й — Год космоса
Михаил ДАВИДОВ. РАССКАЗЫ О КОСМОСЕ 8

*К 80-летию начала Великой Отечественной войны.
22 июня — День памяти и скорби*
Олег ЧЕРНЯК, ЕФРЕМЫЧ. Рассказ 49

ГОЛОС РЕАЛЬНОСТИ

Александр АБДУЛАЕВ. МЕЛОДИЯ ВОЙНЫ. Рассказ 53

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ПРОЗА

ЗЕМЛЯ

Нина БОЙКО. ЖУРАВЛИ. Рассказ 60
Надежда ТРОНИНА. Длинная дорога домой. Рассказ 81
Илья ДОМНИН. ПОДРАНОК. Рассказ 86

ЭТОТ МИР ПРИДУМАН НЕ МАРКСОМ

Светлана ЭСТ. СОВСЕМ ПРОСТОЙ СЛУЧАЙ. Рассказ 93

ПОЭЗИЯ

ЗЕМЛЯ

Фёдор ВОСТРИКОВ. МОЙ ДРЕВНИЙ СНЕЖЕНЬ... Стихи 66
Наталия ГУМЕРОВА. И ПОТЕПЛЕЕТ НА ДУШЕ. Стихи 88

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ПРОЗА

ЗЕМЛЯ. ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА

Виталий БОГОМОЛОВ. ЖИЗНЬ ЗАСТАВИТ. Статья-отзыв 110

ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ. ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА

Владимир КРУПИН. О РАСПУТИНЕ. ПИСЬМО ИЗДАТЕЛЮ. Очерк 115
РАСПУТИНСКОЕ СЛОВО. Рассказ-эссе 119

ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Александр БАЛТИН. ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОСМОС КОМИ. Заметка 122

Николай ПОЛОТНЯНКО

ЦВЕТУТ СОЗВЕЗДИЯ МИРОВ. Стихи

ЗИМА ПРИШЛА

Снегопад шьёт, стежок за стежком,
Дивной русской зиме одеянье.
Покрывает летучим снежком.
Озаряет волшебным сияньем.

Стала белой вечерняя тьма.
И лишь солнце успело умыться,
Как явилась хозяйкой зима
В сарафане из снежного ситца.

И в лесу сразу стало светлей.
Где заждавшись её словно дети,
Под подол сразу спрятались к ней
И уснули в берлогах медведи.

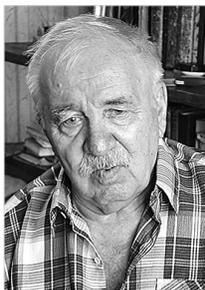
Залегли спать ежи и сурки.
Вмёрзнув в лёд, почивают лягушки.
В тёплых норах храпят барсуки –
Не проснутся, пали хоть из пушки.

Успокоились все, лишь река
Плещет волнами, светом играет.
Час настанет — уснёт, а пока
Ледяное пальто примеряет.

ЗИМЫ СМОТРИНЫ

Пал иней. Грибы отошли.
Журавушки скрылись за далью.
И веет от холодной земли
Чарующей, чистой печалью.

Прошай, листопада пора...
Земли обновление, здравствуй!

Николай Алексеевич ПОЛОТНЯНКО родился 30 мая 1943 года в посёлке Тальменка Алтайского края. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. С 2006 года — главный редактор журнала «Литературный Ульяновск». Первая творческая публикация относится к 1968 году. Первый поэтический сборник вышел в 1977 году в городе Саратове — «Братина». Издавался в Москве, Саратове, других городах. Автор нескольких поэтических сборников и книг прозы, в т. ч. «Круги земные» (1989), «Симбирский временник» (2003), «Русское зарево» (2011). Член Союза писателей России. Лауреат Всероссийской литературной премии им. И. А. Гончарова (2003, 2008). Кавалер медали им. Н. М. Карамзина (2011), ордена Достоевского I степени (2014). Живёт в городе Ульяновске.

Над городом, сонным с утра,
Снег взвихрился зябкий и ясный.

Природа свой круг годовой,
Едва завершив, продолжает.
И падает снег молодой,
И ветер им в окна швыряет.

И весело заняты мы,
Отставив дела, повсеместно
Смотринами юной зимы:
Вся в белом она, как невеста.

Как гроздь алмазов, снега
Зазывно играют, сверкая.
Но нет для зимы жениха,
Поскольку она ледяная.

ОСНОВА ВСЕХ ОСНОВ

Луна по небу бродит слепо.
К ней миражи восходят снов.
И чернозёме влажном неба
Цветут созвездия миров.

Как много их, огней предвечных,
Зовущих грешного меня.
Душа, как бабочка, трепещет
От плесков звёздного огня.

Но и во сне мне нет покоя,
И дивный чудится простор.
Ведь каждый спящий со звездой
Душой своей соединён.

Над нею всходит свет прозрачный,
Простой и ясный, словно мысль,
Что в звёздном мире многозначном
Нет низа — только высь и высь!

Наш мир на атомы в мгновенье
Распался б, если не любовь.
Она есть сила притяженья,
Основа Божия основ.

НАПУТСТВИЕ

Среди порой тоскливых будней
Не верь, что век наш нехорош.
Другого времени не будет,
Кроме того, где ты живёшь.

Не огорчай печалью сердце,
Что наша жизнь имеет край,
Что все мы, все стоим пред дверцей,
Гадая ад за ней иль рай.

Своё грядущее встречая,
Прими спокойно всё как есть.
Там тоже жизнь, но не такая,
И вряд ли хуже той, что здесь.

В концертном зале, иль на плахе,
Или прервав счастливый сон,
Жизнь отлетит, взметнётся прахом
И сгинет в сумраке времён.

Среди порой тоскливых будней
Не верь, что век наш нехорош.
Другого времени не будет,
Кроме того, где ты живёшь.

Часть 1

Михаил ДАВИДОВ

РАССКАЗЫ О КОСМОСЕ

60 лет назад Юрий Гагарин совершил первый полёт в космос. По этому поводу сейчас каждый день поют дифирамбы. И правильно делают. Первые космонавты (и среди них Гагарин) и первопроходцы космодрома Байконур действительно совершили подвиг.

Время летит неудержимо. Кажется, совсем недавно мы восхищались полётом Юрия Гагарина, а часы уже начали отсчёт седьмого десятилетия космической эры. Космонавтика за эти годы проделала колоссальный путь. От первого в мире космического путешествия Гагарина, длившегося всего 108 минут, до многомесячной работы на орбите современных космонавтов. От первых, простейших космических кораблей «Восток» до орбитальных станций, оснащённых тысячами уникальных приборов!

Выросло новое поколение людей, которое плохо знает о становлении и развитии российской космонавтики. Но сегодняшние мальчишки и девчонки хотят знать больше.

Я не понаслышке знаю, что такое священная земля Байконура. С августа 1979-го по октябрь 1981 года мне довелось проходить там двухгодичную воинскую службу в качестве врача военно-строительного отряда. Знакомство с ракетно-космическими объектами космодрома, его памятными местами, беседы с ветеранами Байконура, а в дальнейшем изучение исторических документов и материалов в архивах, подтолкнули меня к написанию некоторых заметок, зарисовок, которые я представляю на строгий суд читателя под общим названием «Рассказы о космосе».

КОМАНДА УРАЛЬСКИХ ЛЕЙТЕНАНТОВ

«Станция Тюра-Там!» — объявил проводник. Мы с Володей Ивановым, подхватив свои небольшие дорожные сумки, сошли с поезда на исходе ночи 17 августа 1979 года, очутившись в грязном, пыльном казахском посёлке с одноэтажными домиками. Я вдруг вспомнил, как моего приятеля во время службы в армии пугали этим загадочным, «страшным» местом: «Будете плохо служить — отправим на Тюра-Там!» Пока мы подыскивали транспорт, чтобы добраться до войсковых частей, где отныне нам, молодым лейтенантам из Перми, предстояло служить, чёрно-синее покрывало ночи незаметно исчезло, погасли россыпи звёзд, и первые солнечные лучи высветили окружающую посёлок голую, выжженную, однообразную степь, простирающуюся до самого горизонта. Лишь с одной стороны, в нескольких километрах

Михаил Иванович ДАВИДОВ родился в 1954 году в Пермском крае. В 1979–1981-м служил на космодроме Байконур, в дальнейшем активно занимался историей космонавтики, публиковал статьи, участвовал в экспедициях к месту приземления космонавтов, передачах на центральном телевидении, посвящённых освоению космоса. Награждён медалью Ю. А. Гагарина, почётным знаком «Строитель Байконура». Писатель, историк литературы. Автор 11 литературно-художественных книг. Его произведения публиковались в журналах «Москва», «Великоросс», «Наука и жизнь», «Литературная Пермь», «Урал», «Уральский следопыт» и других изданиях. Член Союза писателей России (2016). Кавалер ордена Достоевского II степени (2017). Живёт в городе Перми.

от нас, среди этой безжизненной пустыни сказочным зелёно-голубым оазисом выступали очертания прекрасного современного города. Слева от чудесного, нереального нагромождения зданий плавной неслла свои серебристые воды широкой извилистой лентой красавица Сырдарья. Через полчаса, проехав через КПП, мы оказались в городе, который невозможно было отыскать ни на одной карте мира. Это был Ленинск — жилой и административный центр ракетно-космического полигона Байконур.

Через несколько часов каждый из нас был направлен в свой ВСО (военно-строительный отряд), и началась наша нелёгкая служба на священной земле Байконура. Помимо нас с Володией Ивановым, осенью 1979 года целая группа молодых пермских и свердловских врачей (около 15 чел.) были призваны на двухгодичную воинскую службу и направлены в качестве лейтенантов медицинской службы на космодром. Почему выбор пал преимущественно на уральцев, для меня до сих пор остаётся загадкой. Первое, что приходит в голову, — прозаическое слово «разнарядка». Действительно, в Советской армии многое делалось по разнарядке. Скажем, пришли пермскому и свердловскому облвоенкомам задания на призыв полутора десятков молодых врачей, и они, особенно не задумываясь, выполнили приказ. Но, наверное, всё же это был обдуманый ход. Нужны были не нытики, а высокопрофессиональные, стойкие, закалённые, не обременённые семьями ребята, готовые к тяжёлой службе с минимумом бытовых удобств. Таким требованиям в полной мере соответствовали уральцы. Между прочим, в ВСО, где я служил, среди солдат, офицеров и прапорщиков не было ни одного москвича! Интересный факт для размышления.

Многие сейчас не знают, что такое система офицеров-двухгодичников, которая в 1970–1980-е годы существовала в Советской армии. Армия была многомиллионной. Офицеров, несмотря на большое количество военных училищ, не хватало. Поэтому недостающих офицеров набирали из числа выпускников вузов, где имелись военные кафедры и где, по окончании, выпускникам вуза присваивали звание лейтенанта запаса. Призывали их не на один, а на два года, причём могли призвать до 34-летнего возраста.

Вернёмся к неунывающей «команде уральских лейтенантов», как нас ласково называли на космодроме. Я думаю, они достойны того, чтобы назвать их имена. Это Валерий Новиков, Володя Иванов, Анатолий Пушкарёв, Михаил Насарей, Юрий Гришин, Борис Дильман, Владимир Поляков, Сергей Багандов и другие ребята. Именно ребята — ведь нам было по 23–24 года!

Все мы были старшими (и единственными) врачами ВСО, передислоцированными в тот год из различных районов страны на Байконур. В 1978 году в состав УИР (управление инженерных работ) Байконура входило всего 20 ВСО, а в 1979 году — уже более 40! Строительный бум был связан с решением руководства страны в кратчайшие сроки построить стартовый комплекс для ракеты-носителя «Энергия» и посадочную полосу для создающегося отечественного корабля многоразового использования, который в дальнейшем был назван «Буран». Будучи раскиданными по различным ВСО, мы, «команда лейтенантов», уральские врачи, дружили, тесно общались друг с другом, и об этих годах настоящей мужской дружбы в условиях довольно суровой службы у меня сохранились самые светлые воспоминания.

Город Ленинск (ныне — город Байконур) расположен в Кызылординской области Казахстана, на правом берегу красавицы Сырдарьи. Первое здание было заложено 5 мая 1955 года военными строителями нашего УИР, а именно войсковой части N 12253, о чём возвешает глыба розового гранита, установленная на первой улице города около Дома культуры строителей и нашей 54-й поликлиники, где мы дежурили. До той поры на многие сотни километров вокруг лежала безмолвная, безлюдная степь.

В 1979 году город, 100-тысячное население которого составляли преимущественно военнотруженики и члены их семей, являлся закрытым и со всех сторон был обнесён колючей проволокой. Тем не менее Ленинск был необычайно красив и уютен. Комфортабельные многоэтажные жилые дома, прямые широкие улицы, красивые площади, шикарные магазины, два дворца культуры, рестораны, кафе, отличный стадион, прекрасный кинотеатр «Сатурн», больницы, роддом, школы, детские сады, филиал Московского авиационного института, гостиницы, бани и многое другое, без чего не может существовать современный город. Очень много зелени — карагачи, пирамидальные тополя, акации и другие деревья, причём к каждому деревцу (!) подведена оросительная система. Великолепный аэродром рассчитан на все типы самолётов. Много памятников украшают город: Сергею Павловичу Королёву, конструктору Михаилу Янгелю и другие. На проспекте Маркса взору открывается установленная на пьедестале устремлённая ввысь настоящая ракета (40-метровый ракетоноситель с космическим кораблём «Союз»). Это монумент в честь 25-летия космодрома. В сквере напротив нашего УИР находится братская могила с обелиском в память о солдатах и офицерах, заживо сгоревших 24 октября 1960 года на стартовой площадке во время аварии межконтинентальной ракеты. Тогда погибло около 200 человек, и с ними главный виновник — маршал М. И. Неделин, который демонстративно уселся на стул рядом с ракетой и заставил воинов устранять перед запуском неисправность без слива топлива из ракеты.

В центре города расположен Дом офицеров, где часто проходили встречи жителей с космонавтами. За домом — красивейший парк, через который можно выйти к источнику с сероводородной водой и на берег Сырдарьи, на пляж. Здесь всегда многолюдно. Вода в реке удивительно тёплая — в летние месяцы она прогревается обычно до 28–30°C! Яркое солнце образует на ровной глади реки множество бликов, и поверхность воды имеет красивый серебристый оттенок.

На территории другого парка, также расположенного на берегу Сырдарьи, находится гостиница «Космонавт». Здесь живут космонавты в период их пребывания на космодроме. Отправляясь в космический полёт, каждый из них расписывается на дверях своей комнаты. В этом парке имеется Аллея космонавтов, в которой у каждого космонавта есть посаженное им дерево. Самым старым является 60-летний карагач, у которого красуется табличка: «Посажено Ю. А. Гагариным».

Прелести жизни в городе-сказке касаются в основном жён и детей военнотружеников, потому что сами офицеры и прапорщики с раннего утра и до позднего вечера находятся на службе, в очень тяжёлых условиях, за десятки и даже сотни километров от Ленинска. С 5 до 6 часов утра огромная лавина людей в военной форме устрем-

ляется с разных концов Ленинска к конечной остановке железной дороги, которая связывает город с так называемыми «площадками». С короткими промежутками времени один за другим отправляются в путь набитые до отказа железнодорожные пассажирские составы из 10–15 обычных плацкартных вагонов. Традиционно их здесь называют не поезда, а «мотовозы», на которых нужно ехать до своей войсковой части от 30 минут до 3 часов. Представляете расстояния!

Весь космодром состоит из разбросанных по пустынной песчаной степи, на большом удалении друг от друга, множества «площадок». На каждой площадке расположены войсковые части ракетчиков и строителей, а также пусковые установки боевых межконтинентальных ракет или космические старты. Площадки соединены с Ленинском, помимо железнодорожных путей, хорошими шоссейными дорогами.

Нас, «команду уральских лейтенантов», разбросали по разным площадкам. Толя Пушкарёв и я служили в разных ВСО 9-й площадки, Миша Насарей — на 113-й площадке, и т. д. Однако по своим служебным обязанностям медикам, и в том числе мне, довелось побывать абсолютно на всех площадках.

Сердце космодрома — легендарная «двойка», или 2-я площадка. Здесь расположен первый стартовый комплекс, строительство которого началось в январе 1955 года. Отсюда ушли в космос первый искусственный спутник Земли 4 октября 1957 года, Юрий Гагарин 12 апреля 1961 года и ряд других космонавтов. От Ленинска до «двойки» по спидометру медицинского «уазика», на котором пришлось немало поколесить по космодрому, ровно 29 км. Самое большое здание 2-й площадки — МИК (монтажно-испытательный корпус). В нём ракета собирается перед стартом, а затем по рельсам на платформе доставляется к самому стартовому комплексу (площадка N 1), где устанавливается в вертикальное положение, удерживаемая специальными опорами.

Старт космического корабля с космонавтами или спутником представляет собой очень волнующее зрелище. Меня всегда поражали оглушительный треск, а также момент зависания ракеты, когда она только-только начинает отрываться от стартового стола. С близкого расстояния мне посчастливилось наблюдать запуски «Союза-35» с космонавтами Леонидом Поповым и Валерием Рюминым 9 апреля 1980 года, «Союза-36» (космонавты Валерий Кубасов и венгр Берталан Фаркаш), «Союза-38» (космонавты Юрий Романенко и кубинец Арнальдо Тамайо Мендес), «Союза Т-4» (космонавты Владимир Ковалёнок и пермяк Виктор Савиных) и «Союза-39» (космонавты Владимир Джанибеков и монгол Жугдэрдэмидийн Гуррагча).

Торжественной получилась встреча в Ленинске легендарного революционера Рауля Кастро, прибывшего во главе кубинской правительственной делегации днём 18 сентября 1980 года, перед запуском «Союза-38», состоявшимся поздно вечером. От аэродрома до гостиницы «Космонавт» был образован живой коридор из десятков тысяч людей с кубинскими и советскими флагами (нас всех попросили выйти на встречу из учреждений, школ и ближайших к городу войсковых частей).

Рауль Кастро ехал в открытой машине, со счастливой улыбкой, а сидящий позади него помощник, Хосе Рамон, кричал «Венсеремос!» («Мы победим!»).

— Венсеремос! — закричали и мы, группа офицеров, переодетых в штатское, стоявших на центральной площади города, где кавалькада машин делала поворот на 90 градусов, замедляя ход. Кричали так громко, что Рауль Кастро удивлённо посмотрел на нас, а особист после проезда «кубинских революционеров» погрозил нам пальцем и пообещал отобрать у меня фотоаппарат.

— Венсеремос! — закричал кубинский космонавт Арнальдо Тамайо Мендес, когда ближайшей чёрной ночью «Союз-38» оторвался от стартового стола.

Через несколько дней после приземления космонавтов устраивалась встреча их с жителями Ленинска в Доме офицеров. Присутствовал на подобной встрече с Виктором Горбатко и вьетнамским космонавтом Фам Туаном, Юрием Романенко и кубинцем Арнальдо Тамайо Мендесом, Леонидом Поповым и румыном Думитру Прунари. Но особенно мне запомнилась встреча 8 июня 1981 года с Владимиром Ковалёнком и пермским космонавтом Виктором Савиных. Удалось поговорить (в апреле 1981 года) с космонавтами Владимиром Джанибековым и монголом Жугдэрдэмидийном Гуррагчой, а также с Алексеем Леоновым.

Джанибеков и Гуррагча через несколько дней после космического полёта возлагали цветы к монументу в месте закладки первого здания города, что рядом с нашей 54-й поликлиникой. Естественно, мы с фельдшером выскочили, чтобы понаблюдать это событие. После возложения цветов и фотографирования космонавты пообщались с «народом», тем более что в этом старом участке города всегда малолюдно. Гуррагча сам подошёл к нам, увидев белые халаты. Говорит он на русском языке лучше многих русских. Оказывается, мы заинтересовали его потому, что он всю жизнь мечтал быть врачом, а стал первым монгольским космонавтом! Мы же вместе с замечательным фельдшером Игорем Луценко, тоже уральцем, который сейчас живёт на Украине, как сейчас помню, страшно завидовали Гуррагче! Ну и, естественно, Владимиру Джанибекову, интеллигентному, скромному полковнику авиации. Кстати, Джанибеков совершил пять полётов в космос, причём уже в 1980-х годах он вместе с пермяком Виктором Савиных прилетели на «Союзе Т» к совершенно неработающей орбитальной станции и, испытывая страшный холод и другие неудобства, отремонтировали её. Событие это было уникальным, и никто до сих пор такое не повторил.

Удалось близко видеть Валерия Рюмина, Владимира Ляхова, Юрия Малышева и некоторых других космонавтов. До сих пор храню значок, который подарил Герман Титов. Он тогда уже не состоял в отряде космонавтов, но изредка прилетал на космодром, поскольку являлся ведущим специалистом Министерства обороны по космосу, генерал-лейтенантом авиации. Космонавт N 2 выступал на встрече с личным составом одной части, на которую я попал по большому благу, так как до призыва в армию успел поработать урологом, а командиры частей и их замы также иногда болеют простатитом. Солдатский клуб был переполнен, воины-ракетчики были в восторге! Когда минут через 20 после выступления раскрасневшийся Герман Степанович вышел из клуба в окружении войсковых старших офицеров, он ещё успел до прихода транспорта рассказать нам по памяти изрядный отрывок из «Евгения Онегина», и несколькими обступившим

его лейтенантам, в числе коих был и я, подарил по значку, вытащив горсть их из кармана кителя. Помню, как я имел наглость, когда Герман Степанович устал и на мгновение замолчал, продолжить следующие несколько строчек, касающихся медведя, который подхватил и понёс «бесчувственно-покорную» Татьяну. Тот значок хранил до сих пор. На нём — установленная на старте белая ракета со звездой и надписью «СССР»; у подножия ракеты — фигурки двух космонавтов, прощально машущих рукой; внизу надпись — «Байконур». На обороте значка указано «10 коп.», но он для меня ценнее всего на свете.

Герман Степанович Титов похоронен на Новодевичьем кладбище. Каждый раз, приезжая в Москву, я посещаю это кладбище, обязательно подхожу к его могиле, кладу букет цветов и низко кланяюсь. Он остался в истории космонавтом № 2, но для меня он имеет такую же величину, как Юрий Гагарин. Оба — первопроходцы космоса, оба — звёзды недосыгаемой высоты!

Нужно отметить, что запуски космонавтов осуществляются и с другого старта, расположенного на 32-й площадке. Его некоторые на космодроме называли «Терешковский старт», ибо отсюда, по их словам, впервые умчалась в небо «Чайка» — Валентина Терешкова. Величественное зрелище представляют два рядом расположенных стартовых комплекса для запуска грузовых кораблей «Прогресс» на 200-й площадке. Недалеко от 110-й площадки в то время были расположены 2 огромных старта для запуска космонавтов на Луну, которые мы называли «Геркулесы». В 1979 году их всю демонтировали, ибо все 4 пуска «лунного» ракетносителя «Н-1», осуществленные в начале 1970-х годов (без космонавтов на борту), закончились неудачно. Старты спутников осуществляются с 95-й и других площадок.

ВСО, в которых нам, уральским медикам, довелось служить с 1979 по 1981 годы, находились в очень тяжёлых бытовых и производственных условиях. Большинство их было развернуто прямо в степи и представляло собой 3–4 сборные одноэтажные казармы и несколько подсобных помещений. Военные строители работали на расположенных поблизости производствах или непосредственно на строящихся космических объектах. ВСО, где я служил, выпускал преимущественно железобетонные изделия для стартовых комплексов. Вокруг войсковых частей строителей была голая степь, без всякой растительности, если не считать верблюжьки колючки и перекати-поле. Абсолютно никаких бытовых удобств. Вода полностью привозная, вонючая, мутная. Жара с апреля по сентябрь от 30 до 40 °С в тени до 50–60 °С на солнце! Дожди выпадали только 4–5 дней в году. Зима малоснежная, но морозы достигали минус 30 °С с холодным, пронизывающим ветром.

Иногда бывали пыльные бури, когда тучи песка и пыли поднимались в воздух и ничего вокруг не было видно. Помню, сходил в баню и по пути попал в пыльную бурю. Захожу в медпункт, а там командир части и группа офицеров: «Ты откуда?» — «Из бани», — ответил я простодушно, и дружный хохот буквально сотряс стены, ибо я, покрытый с головы до ног пылью, с совершенно чёрным лицом, был похож на шахтёра, только что вылезшего из забоя.

Военным строителям я бы поставил памятник. Работали по «семидневке»: по 12 часов ежедневно 7 дней в неделю. Выходные были только в Новогоднюю ночь, 23 февраля, 9 Мая и в День строителя.

Все работы велись круглосуточно. На 2-й год службы по графику, один раз в 4–5 дней, меня стали ставить ответственным по войсковой части за производство в ночную смену. Пришлось научиться ругаться и громко кричать. Но план в моё дежурство всегда выполняли, за производственные успехи мне 6 раз выдавали премии и поместили фотографию на Доску почёта войсковой части.

Хочется вспомнить всех, кто показывал героизм в труде: командир ВСО подполковник Юрий Васильевич Денисов, начальник УНР (управление начальника работ) полковник Дробышевский и его заместитель майор Алфёров, офицеры нашей части Иван Ермолаевич Ермолаев, литовец Жукаускас, белорус Стёпа Коленкович, казах Казбек Бекмагамбетов, Птах, Щёголев, Добрынин, прапорщики Царьков, Сафьян, Крамар и Игорь Луценко, военные строители Лукин, Крысак, Курдюмов, Никишин, Шантур, Трикин, начальник медицинского отдела УИРа подполковник Петров и многие, многие другие.

Основное строительство было развернуто на 250-й и 251-й площадках. Все другие ВСО, в том числе наш, работали на эти важнейшие объекты. На 250-й площадке, или 858-м объекте, сооружался стартовый комплекс для ракеты-носителя «Энергия» и корабля многоразового использования. Крепко врезался в память день, когда мы стояли на краю гигантского котлована, на дне которого копошились сотни едва различимых фигурок людей, а вершины громадных башенных кранов находились внизу под нами. На 251-й площадке сооружалась посадочная полоса для космического корабля «Буран» длиной 4,5 км и шириной 84 м. В глубокий котлован укладывался пескобетон, а сверху — полуметровый слой армированного высокопрочного бетона. Качество покрытия должно было быть таким, чтобы на протяжении 3 м шероховатость не превышала 3 см. Запомнился бригадир ударной бригады укладчиков из 84 военных строителей — молодой капитан в форме военного моряка, но с эмблемами железнодорожных войск, с головы до ног вымазанный в песке и цементе. Задорная белозубая улыбка светилась на его лице. И ещё я удивился тому энтузиазму, с которым работали подчинённые ему военные строители. Где ты сейчас, бравый «морячок»? Ведь на «твою» полосу приземлился тот самый «Буран» в 1988 году! А наш «уазик» прокатил по готовым к августу 1981 года 2,6 км полосы удивительно ровно и гладко.

Медпункт нашего ВСО находился в отдельном, но ветхом и приспособленном помещении. С февраля по март его ежегодно заливало грунтовыми водами. Уровень воды достигал 10–25 см от пола. Строили мостки, убирали медикаменты и оборудование на верхние полки и продолжали работать в таких условиях. В летние месяцы в медпункте появлялись ядовитые тарантулы. Мы обезвреживали их таким образом: ловко накрывали тарантула перевернутой стеклянной банкой, а затем подкладывали в банку ватку с эфиром. Мёртвого тарантула заливали эпоксидной смолой, и сформированный красивый камень с пауком в центре дарили знакомым женщинам — служащим Советской армии.

Врач, которого я заменил в ВСО, не мог вызывать уважения. Он по знакомству переводился в другую строительную часть, расположенную непосредственно в Ленинске, и с нетерпением ожидал

моего прибытия на службу. Впервые появившись в части, я застал его во время приёма больных. Врачебный стол был завален горками больших таблеток соды. Рядовой пожаловался на боли в голове и животе. Доктор взял таблетку соды, разломил её на две половинки и по частям с насмешкой подал больному: «Это тебе от головы, это — от живота». Самое главное — в медпункте полностью отсутствовали средства местной анестезии (обезболивания); врач их продал или пропил. «Будешь оперировать под "крикаином"», — небрежно бросил он, упаковывая свои вещи. До нового получения медикаментов оставалось более 4 месяцев. Мучить военных строителей у меня не хватило совести. Поехал в Ленинск и в обычной аптеке закупил ампульный новокаин на все свои деньги. Потом 2 недели, до получения первого жалования, пришлось питаться в солдатской столовой части.

В строительных частях наблюдалась очень высокая заболеваемость дизентерией и вирусным гепатитом. Ужасная вспышка гепатита произошла осенью 1979 года. Появились больные и у меня. Поезд их за сотню километров в организованный командованием лазарет на 45-й площадке.

Лазарет представлял из себя жуткое зрелище. Представьте себе недостроенную одноэтажную казарму с цементным полом и разложенными охапками соломы, на которых лежали военные строители; многие из них не имели даже одеял. Крыша была не достроена, в одном месте она отсутствовала совсем, и часть больных лежали прямо под открытым небом! Госпиталь строителей находился на 118-й площадке, в 30 км от ближайшего населённого пункта (Гюра-Тама). Посреди голой степи сиротливо стояли 6 одноэтажных барачков. Медицинская помощь — самая примитивная. Питание плохое, вода привозная и мутная, туалетов нет.

Увидев такую картину, твердо решил большую часть больных лечить у себя в медпункте. Операции выполнял сам, для полостных хирургических вмешательств увозил пациентов в госпиталь ракетчиков. Кожные и терапевтические заболевания лечил в медпункте. Дизентерия исчезла после организации мной регулярных проверок работников столовой и тщательно налаженной дезинфекции в части. Выполнял все положенные прививки, часто договаривался с санитарно-эпидемиологическим отрядом, чтобы они проводили у нас серопрфилактику вирусного гепатита путем введения гамма-глобулина. В 1980–1981 годах не имел в части ни одного случая вирусного гепатита.

На производстве наблюдался очень большой травматизм. В связи высокими темпами работ техника безопасности соблюдалась плохо. Помнишь ли ты, Игорь Луценко, как мы с тобой откачивали, реанимировали военного строителя, которого в цехе ударило током? Сердце остановилось. Прошло 5, 10 минут после остановки сердца, а мы всё «качали» и «качали», выполняя закрытый массаж сердца и искусственное дыхание. Уже несколько раз ты сказал мне: «Всё, шеф, конец». А я с каким-то остервенением продолжал закрытый массаж сердца, и ты, весь в поту, усталый, снова принимался помогать. И сердце запустилось! Спасли тогда солдата, как спасали и многих других — с повреждениями позвоночника, переломами рук и ног, обширными ожогами, травмами черепа.

Помимо работы в своих ВСО, врачи по графику выполняли большой объём общеполigonной медицинской работы. Мы вели

приём больных и несли дежурства в расположенной в Ленинске поликлинике № 54, осуществляли суточные дежурства в лазарете на 95-й площадке (самой удалённой части полигона), развозили больных из госпиталей на своих санитарных машинах по всем площадкам, а также участвовали в разнообразных военно-медицинских учениях. Район полигона эндемичен по чуме (у сусликов регулярно находили чуму, были единичные смертельные исходы в отдельных частях у личного состава). Поэтому нас постоянно привлекали к работам по дератизации* местности.

Быстро пролетели два года службы. Все уральцы отслужили добросовестно, и старшими лейтенантами в сентябре 1981 года возвратились в свои родные уральские города и посёлки. Большинство были награждены почётным знаком «Строитель Байконура», грамотами от руководителя стройки генерала Фёдорова. Запомнилась мне поощрительная экскурсия, когда часть из нас, в числе передовиков строителей, была ознакомлена со святой святынь космодрома — домиками Ю. А. Гагарина и С. П. Королёва на 2-й площадке, стартовым комплексом на 1-й площадке — «гагаринским» стартом.

А 15 ноября 1988 года ракетоноситель «Энергия» с «нашего» стартового комплекса вывел на орбиту 100-тонный космический корабль «Буран», который, совершив витки вокруг земного шара, благополучно приземлился на ту самую полосу, которую сооружали военные строители наших частей.

После службы мы, навечно уральские лейтенанты, часто перезванивались, нередко встречались. Судьба сложилась по-разному. Валерий Николаевич Новиков стал профессором, Владимир Иванов — замечательным хирургом, Анатолий Пушкарёв трудится в городе Березники врачом-эндоскопистом. Михаил Насарев — кристальной чистоты и совести человек — уехал через много лет на родину, в Абхазию. Юрий Гришин трагически погиб, как погибла и моя жена, которая весь второй год нашей службы добросовестно служила рядом — медицинской сестрой в госпитале ракетчиков в Ленинске. Она умерла от инфаркта миокарда.

...В апреле на Байконуре наступает короткое и прекрасное время. Бескрайняя степь вдруг чудесно преображается и вся на сотни километров вокруг покрывается бесчисленным количеством красных и жёлтых тюльпанов. Тюльпаны с космодрома врезались в нашу память и оставили короткий, но яркий след в наших сердцах!

УТРО КОСМИЧЕСКОЙ ЭРЫ

На второй площадке ракетно-космического полигона «Байконур» прямо у шоссе, ведущего к монтажно-испытательному корпусу (МИКу), выстроились рядом несколько одноэтажных домиков. Один из них является уникальным. На стене его, слева от входа, установлена мемориальная доска с барельефом первого космонавта Земли и надписью ниже: «В этом доме провёл ночь перед первым в мире полётом в космос Юрий Алексеевич Гагарин 11–12 апреля 1961 г.». Это мемориальный музей «Домик Гагарина».

* Дератизация — уничтожение больных грызунов химическими средствами.

Домик очень небольшой, сборно-шитовой. Общая площадь его по документам составляет 35 квадратных метров, своими шагами я намерил 8 м в длину и около 4 м в ширину. Стены деревянные, но снаружи они покрашены известью в белый цвет. Крыша двускатная, крыта шифером. Кирпичная труба печного отопления. Всего несколько окон. Узкая входная дверь. Перед ней — узкое, с низкими ступеньками и невысокими перильцами крылечко. Над ним — деревянная небольшая крыша — козырёк.

Вокруг домика — уютный садик, где растут кусты, пирамидальные тополя, карагачи. Тихо и спокойно, хотя по шоссе до МИКа отсюда менее километра, а до площадки № 1 («гагаринского» стартового комплекса) около 3 км. Вокруг площадки № 2 расположены ещё несколько площадок ракетчиков и строителей, госпиталь военных строителей, а дальше во все стороны — бескрайняя, выжженная, раскалённая степь.

Выезжая по делам службы на Вторую или отдаленные площадки или в госпиталь строителей, что на 118-й площадке, я нередко заезжал сюда. Как магнитом тянуло к этому, с виду неприметному, домику. Особенно хорошо здесь было в конце рабочего дня, под вечер. Все дела сделаны. Сворачиваешь на «узике» с шоссе, где от солнца буквально плавится асфальт. До Ленинска — центра Байконура — и моей 9-й площадки ехать ещё около 30 км. А здесь — не жарко, тишина и покой. Любил сидеть по-деревенски, прямо на низеньких ступеньках крылечка домика Гагарина, отдыхая от нервотрёпки, напряжения и сутолоки дня и думая, наконец, о вечном, великом, святом. О Гагарине, Королёве, истории космонавтики. Домик обычно был закрыт на ключ. Когда люди приезжали с экскурсией, приходила добрая, спокойная женщина и открывала «святая святых». Мне также несколько раз удалось побывать внутри этого мемориального музея.

Особенно вспоминается первое (с экскурсией военных врачей) посещение. С трепетом и волнением (чувствую, как учащённо бьётся сердце!) захожу внутрь домика. Маленький коридорчик. Три небольшие комнаты: спальня, комната отдыха и кухонька. Довольно тесновато.

Обстановка в комнатах, по словам экскурсовода, сохранена такой, какой она была в канун гагаринского старта, в ту апрельскую ночь. В спальне две кровати (космонавта и его дублёра). Они аккуратно заправлены простенькими пикейными (с узорами) одеялами. Возле кровати Гагарина, расположенной у стены, на стуле висит его личная гимнастёрка с погонами старшего лейтенанта. Юра её снял перед полётом, и так она превратилась в музейный экспонат. На окнах комнат тюлевые занавески и плюшевые шторы, чтобы яркий свет жаркого Байконура не пробивался в комнату, не мешал космонавтам, особенно по утрам. Из мебели — стулья, кресла, диван, столик для игры в шахматы (в последний перед полётом вечер Юра сыграл с Германом Титовым несколько партий), шкаф для одежды. Имеются радиоприемник «Сакта», который любил слушать Юра перед отбоем, холодильник «Саратов», телефон. Видна стопка книг.

На стене комнаты отдыха — китель полковника авиации Ю. А. Гагарина. Здесь же висят портреты всех космонавтов, которые провели в домике ночь перед стартом в космос. Между прочим, Гагарин и Титов жили в этом домике все дни предполётной подготовки к запуску

«Востока», то есть около 2-х недель. Ночь перед стартом провели здесь все первые космонавты (Ю. Гагарин, Г. Титов, А. Николаев, П. Попович, В. Быковский, Валентина Терешкова со своей замечательной дублёршей свердловчанкой Ириной Соловьёвой, В. Комаров, К. Феоктистов и Б. Егоров). Последними жильцами были Алексей Леонов и Павел Беляев в марте 1965 года. После этого космонавтов стали размещать в выстроенной прекрасной гостинице «Космонавт», что напротив «Универсама» в городе Ленинске (ныне — город Байконур).

Перед стартом Юрия Гагарина врачи всю ночь просидели в комнате отдыха, по датчикам следили за сном и состоянием космонавтов — Гагарина и Титова.

В маленькой кухоньке обеденный стол застелен той же самой клеёнкой, какая была в то утро, которое лиричные журналисты называли «Утро космической эры» — очень удачное, на мой взгляд, и поэтичное название.

...Последние закатные лучи солнца пробиваются сквозь листву сада. Скоро стемнеет. Сидеть в темноте здесь не рекомендуется — объект «полузакрытый». Водитель моей санитарной машины уже несколько раз звал меня в дорогу. Он настроен более прозаически и думает об ужине. Мои мысли о Гагарине и космосе его порою нервируют и квалифицируются как чудачество.

Честно говоря, подниматься со ступенек крылечка не хочется. Сам Юра Гагарин ступал на эти доски, сотни раз спускался по крылечку, любовался садом, мечтал о космическом полёте.

Наконец я нехотя поднимаюсь. Обрадованный водитель мигом запрыгивает в кабину: «Поехали, шеф!» Дорогой он ворчит: «Вот всегда так: как заедем с вами на "двойку", всегда я на "рубон" опаздываю... И что в этом домике хорошего — старый, сборно-шитовой. Вот у нас на Украине хаты так хаты! И сады настоящие, с фруктами». Я успокаиваю его: «Заедем во вторую столовую, или давай лучше ко мне домой, поужинаем — и уедешь в часть». Он окончательно добреет: «Жена у меня, во-первых, чудная черноволосая красавица, а во-вторых, прекрасно готовит, её изысканные блюда — это не мешанина из огромных солдатских котлов».

Мягко шуршат по асфальту шины. Лента шоссе несёт наш «уазик» в сторону Сырдарьи. Справа от бетонки тянется железная дорога с пробегающими мотовозами. Вот уже миновали отворот на 45-ю площадку с будкой ВАИ, вот слева показался «Третий подъём» — пункт дальней космической связи с гигантскими спутниковыми антеннами, впереди вдаль видны огоньки Тюра-Тама (казахского селения с поэтичным названием, которое обозначает «Чёрная дыра»).

Радостно от встречи с образом улыбающегося, вечно живого Юрия Гагарина, радостно от мысли, что это шоссе — бетонные плиты и асфальт — плод труда военных строителей нашей части, радостно от осознания того, что судьба забросила служить на эту священную землю, имя которой — Байконур. Я начинаю негромко напевать знакомый мотив. Водитель охотно подхватывает, несмотря на то что мы оба любим более модные мелодии. Эта замечательная песня Бориса Мокроусова на слова Александра Романова «Домик космонавтов», сейчас всеми забытая, была тогда популярна на Байконуре. Посвящена она домику Юрия Гагарина. В памяти сохранились некоторые куплеты.

*«Нам по сердцу всё: и фонарик над крышей,
И строй тополей, и туман до утра,
И ветер ночной, что гуляет неслышно,
И Главного голос: "Вставайте, пора!"
...Горит, не погаснет фонарик над домом,
На старте, как стрелы, стоят корабли.
Чудесен наш край, что зовут космодромом,
Отсюда дороги к планетам легли».*

* * *

После службы в армии я много лет в свободное время работал с документами и материалами по истории космонавтики. Служба на космодроме запала мне в душу и не оставляет до сих пор. По документам и воспоминаниям очевидцев я проследил в хронологическом порядке, как провёл Юрий Гагарин со своим дублёром Германом Титовым последние вечер и ночь перед стартом в космос.

11 апреля 1961 года в 13 часов состоялась встреча личного состава стартовой команды с космонавтом и его дублёром. Прошла она прямо у подножия ракеты. Люди сошли вниз с ферм, которые подступали к серебристой ракете. Кроме стартовиков, в митинге участвовали члены Государственной комиссии, Главный конструктор, учёные, техники. Появившегося старшего лейтенанта Ю. А. Гагарина встретили громом аплодисментов. На митинге выступили представители стартовой команды и учёных, которые заверили космонавта, что ракета и корабль-спутник «Восток» готовы к старту. Юрий Гагарин горячо поблагодарил присутствующих за их труд по подготовке ракетного комплекса и заверил, что сделает всё от него зависящее, чтобы полёт прошёл успешно.

После встречи со стартовой командой, в предполётный день, как вспоминал Гагарин, «нам [с дублёром Г. С. Титовым] дали полный отдых. Работал магнитофон, вечером мы сыграли партию на бильярде»*.

Ошибся Юрий Алексеевич. «Полного отдыха» не получилось. С. П. Королёв, как мне удалось документально установить, под вечер попросил К. П. Феоктистова — специалиста по кораблю «Восток», будущего космонавта, — сходить в домик к Гагарину и Титову для ещё одного подробного технического инструктажа. Втроём (Феоктистов, Гагарин и Титов) они сели за стол и ещё раз «прошлись» по устройству корабля и программе полёта.

Ужинали втроём: Гагарин, Титов и доктор. Питались они уже по-космически, выдавливая еду из тюбиков, приобретая навыки приёма пищи в условиях космоса. Затем доктор в течение часа укреплял на Юрии Алексеевиче и его дублёре всевозможные датчики. Будущий космонавт в это время слушал музыку.

Пришёл наставник космонавтов, участник знаменитой эпопеи спасения челюскинцев, генерал Н. П. Каманин.

«А знаете, Николай Петрович, — вдруг сказал Юра, — я, наверное, не совсем нормальный человек».

«Почему? Что случилось?» — встревожился Каманин.

«Завтра полёт! Такой полёт! А я совсем не волнуюсь», — ответил Гагарин.

* Гагарин Ю. А. Дорога в космос. М.: Воениздат, 1981. С. 129.

В домик на несколько минут заглянул С. П. Королёв, сообщил, что на стартовой площадке всё нормально, продолжается подготовка ракеты к запуску. Сергей Павлович пошутил: «Через 5 лет можно будет по профсоюзной путёвке летать в космос». Все расхохотались.

Гагарин сел играть с Титовым в шахматы. В это время пришли кинооператоры, чтобы заснять для истории космонавта и его дублёра, готовящихся к старту. Врачи категорически запротестовали: по их мнению, съёмка помешает и нарушит предполётный отдых. Тогда кинооператоры В. Суворов и А. Филиппов, считающие, что делают не менее важное дело, чем врачи, сбегали в соседний домик, где жил Главный конструктор. Они постучали в окно С. П. Королёву. Тот внимательно выслушал просьбы кинодокументалистов и позвонил врачам, разрешая произвести киносъёмку.

Удивительный факт: Гагарин и Титов помогли операторам перенести в свою комнату громоздкую аппаратуру, то есть будущие космонавты использовались «киношниками» как рабочая сила. После этого Юрий и Герман уселись играть в шахматы, затем слушали музыку, что и попало в кинохронику.

В домик снова зашёл Королёв. Когда кинооператоры выносили из комнат свою аппаратуру, Королёв, Гагарин и Титов мимо них вышли из домика на улицу, подышать перед сном. Они медленно двинулись по шоссе, беседуя. Было темно, тихо. Шоссе было абсолютно пустым, так как вечером и ночью все машины направляли в объезд, чтобы не нарушать покой космонавтов. Кинооператоры в темноте сняли для истории три удаляющихся силуэта, направляющиеся в сторону стартовой площадки.

В 21 час 50 минут руководитель первого отряда космонавтов Евгений Анатольевич Карпов, врач по специальности, проверил физиологические показатели у вернувшегося Гагарина и записал их в его медицинскую карточку: артериальное давление 115/75 мм ртутного столба, пульс 64 удара в минуту, температура тела 36,7 градуса Цельсия. Кроме того, о полном здоровье Гагарина свидетельствует его электрокардиограмма от 11 апреля 1961 года, выполненная в 19 часов 35 минут. За прошедшие с 1961 года десятилетия кардиология ушла далеко вперёд. Поэтому данную электрокардиограмму я внимательно изучил в Мемориальном музее космонавтики в Москве. И не нашёл совершенно никаких отклонений. Однако на этом не успокоился: ксерокопировал, а затем дал в Перми на расшифровку трём ведущим специалистам-кардиологам, докторам медицинских наук, не сообщив, чья это кардиограмма. Все трое единодушно вынесли вердикт: электрокардиограмма совершенно нормальная. Это свидетельствует об абсолютно здоровом сердце космонавта перед стартом.

Измерив давление, пульс и температуру, Е. А. Карпов властно сказал: «Теперь спать!»

«Спать? Пожалуйста», — покорно ответил Гагарин.

Юра и Герман улеглись в одной комнате, на соседних койках. Перекинулись парой шуток. Вошёл Е. А. Карпов в белом халате, спросил: «Мальчики, может быть, вам помочь спать?» Но от снотворного оба отказались и вскоре быстро уснули.

В 22 часа космонавты уже спали, что зафиксировали датчики. В течение ночи Карпов несколько раз заглядывал к ним. Сон

Юры и Германа был ровным, спокойным. А Евгений Анатольевич не сомкнул глаз и всю ночь проходил вокруг домика, окружённого серебристыми тополями. Дежурные врачи до утра сидели у пультов в соседней со спальней космонавтов комнате, следя за пульсом и артериальным давлением Гагарина и Титова, которые крепко спали, как младенцы. Почти до утра не мог уснуть Н. П. Каманин, думал о полёте, о Гагарине, волновался.

В 3 часа ночи в домик зашёл С. П. Королёв. Приоткрыв дверь в спальню, поглядел на спящих и тихо закрыл. Сам он провёл бессонную ночь. Много раз его видели на стартовой площадке, где шли последние приготовления. Были проведены заключительные проверки систем, заправляли ракету. Главный конструктор ходил внизу, у подножия ракеты. Лицо уставшее. В глазах напряжение...

* * *

Разворачиваем золотую страницу истории человечества — 12 апреля 1961 года.

Ровно в 5 часов 30 минут утра Евгений Анатольевич Карпов решительно вошёл в спальню и легонько тронул Гагарина за плечо: «Юра, пора вставать...» Юрий моментально поднялся. Встал и Герман, напевая песенку о ландышах.

Их встретило чудесное утро — Утро космической эры!

Гагарин и Титов сделали физзарядку, умылись и позавтракали снова по-космически, отведав из туб мясного пюре, черносморodinного джема и чёрного кофе. Выдавливая очередную тубу, Юрий пошутил: «Такая пища хороша только для невесомости — на земле с неё можно протянуть ноги...»

Выехали на заседание Государственной комиссии, которое началось в 6 часов и было очень коротким: начальники всех служб рапортовали, что всё готово и можно производить пуск. После заседания было подписано полётное задание № 1 космонавту Юрию Гагарину.

На примере полёта Ю. А. Гагарина давайте проследим, как идут последние часы предполётной подготовки космонавтов и запуск космического корабля.

Первый важный этап — надевание скафандров или, точнее, как говорят специалисты по космосу, вхождение в скафандры. Происходило оно у первых космонавтов в специально оборудованной «комнате одевания» МИКа. Вначале облачили в скафандр Титова, и только затем — Гагарина, чтобы тому поменьше пришлось париться. Дело в том, что вентиляционное устройство скафандра можно было подключить к источнику питания только в автобусе.

Юра одевается спокойно, помогает одевающим его людям. Их было четверо: двое следили за правильностью одевания, двое — одевали. Контролировал экипировку Гагарина и помогал ему выдающийся парашютист Николай Константинович Никитин, который в первом отряде обучал будущих космонавтов парашютным прыжкам.

Сначала были установлены датчики, затем Гагарин надел на себя тёплый, но лёгкий комбинезон лазоревого цвета. В костюме было несколько карманов. Один — для удостоверения космонавта, другие — для запасного радиоприёмника, для электронных часов и прочее. Затем космонавт вошёл с помощью ассистентов в ярко-оранжевый скафандр, обеспечивающий сохранение жизни даже в случае

разгерметизации корабля. На одном рукаве скафандра прикреплено зеркальце, на другом — часы. На голову Гагарин надел белый шлемофон, сверху — гермошлем с красными буквами «СССР». Юрию надевают высокие шнурованные ботинки, примеряют перчатки.

Одевание закончено. Гагарину вручают удостоверение личности космонавта и, на случай приземления в малонаселенной местности, пистолет Макарова и охотничий нож (повстречавшийся зверь не читает удостоверений!). Фигура любого космонавта в скафандре кажется неуклюжей. Она напоминает медвежонка, вставшего на задние лапы. В руке у космонавта — переносной блок вентиляции, который вентилирует скафандр, чтобы космонавт не вспотел.

Экипажи «Восхода-1» и некоторых первых «Союзов» скафандров не имели. Поэтому одевание их в космические куртки и брюки происходило очень быстро. Но после трагической смерти Добровольского, Волкова и Пацаева, погибших в результате разгерметизации корабля, вновь вернулись к скафандрам.

В комнату одевания вошел С. П. Королёв. Он выглядел усталым. В минувшую ночь Главный конструктор не сомкнул глаз. Юрий, взглянув на Королёва, сразу всё понял: Сергей Павлович очень переживал за исход полёта.

«Сергей Павлович, Вы не переживайте! Всё будет нормально», — сказал ему Юрий.

Королёв дал Гагарину несколько дельных советов, сел в свою машину и уехал на стартовую площадку.

После облачения в скафандры космонавты должны сесть в специально оборудованный, бело-голубого цвета, изготовленный по индивидуальному заказу на Львовском автозаводе, автобус (ЛАЗ с номерными знаками 01) и ехать в нём на стартовую позицию для посадки в корабль. По шоссе от МИКа до стартовой площадки всего лишь около трёх километров. Космонавт в автобусе занимает удобное «космическое» кресло, скафандр подключается к системе жизнеобеспечения, источникам питания, которые имеются в специальном отсеке автобуса.

Гагарин и дублёр прошли 10 м от комнаты одевания до бело-голубого автобуса, который медленно повёз их к стартовой площадке. Утро было изумительным! Солнце, показавшееся за горизонтом, тёплыми лучами касалось лиц Гагарина и провожающих, блестящих боков автобуса, серебристой ракеты, которая высилась впереди. Небо было чистым, безоблачным.

Космонавты должны прибывать на стартовую площадку за 2 часа до старта, где начинается волнующий ритуал проводов. Именно с полёта Гагарина и начались все эти ритуалы (встреча со стартовой командой, провода и т. п.).

В 6 часов 50 минут автобус доставил Гагарина и Титова на стартовую площадку № 1 (в дальнейшем журналисты и историки космонавтики образно нарекут её «гагаринским стартом»). У подножия запрошенной ракеты космонавта ждёт Государственная комиссия. Автобус останавливается в 20 м от неё. Юрий и Герман прощаются и «чокаются» шлемами. Дублёр в скафандре, подключённом к системе жизнеобеспечения, должен остаться в автобусе на весь период, пока космонавт готовится в корабле к полёту. Титов остался в автобусе один-одинёшенек и просидел там полтора часа.

Гагарин выходит из дверей автобуса и, неуклюже ступая в оранжевом комбинезоне по плитам, подходит к председателю Государственной комиссии К. Н. Рудневу. Здесь же, рядом с председателем, стоят Главный конструктор С. П. Королёв и маршал К. С. Москаленко.

Гагарин рапортует: «Товарищ председатель Государственной комиссии! Лётчик, старший лейтенант Гагарин к первому полёту на космическом корабле «Восток» готов!»

«Счастливого пути! Желаю успеха!» — за всех остающихся на Земле ответил Гагарину председатель Государственной комиссии и пожал Гагарину руку.

Затем Юрий подходит в своём тяжёлом скафандре поближе к ракете, разворачивается лицом к провожающим и через микрофон делает заявление для радио и печати. С большим воодушевлением звучат его слова, которые в тот же день облетят весь мир: «Через несколько минут могучий космический корабль унесёт меня в далёкие просторы Вселенной. Что можно сказать вам в эти последние минуты перед стартом? Вся моя жизнь кажется мне сейчас одним прекрасным мгновением. Всё, что прожито, что сделано прежде, было прожито и сделано ради этой минуты...» У лестницы, ведущей к лифту, Юрия тепло обнял Главный конструктор. Что думал в эти мгновения Сергей Павлович? Ведь ведущие специалисты вероятность благополучного исхода полёта оценивали только в 50%, а из пяти пробных запусков кораблей-спутников типа «Восток» с подопытными животными и манекенами на борту, три были неудачными. Думал ли Королёв о том, что, возможно, в последний раз видит Гагарина?

Сейчас известно, что было подготовлено три сообщения ТАСС о полёте Гагарина в космос. Первое — «Успешное», которое и прозвучало, второе — «Обращение к правительствам других стран» — на случай, если он упадёт на территории другой страны или в океане — просьба о помощи в поиске. Третье — «Трагическое», если Гагарин погибнет. Достоверно не установлено, знал ли Королёв о последнем варианте сообщения.

Космический корабль, закрытый обтекателем, расположен на самом верху ракеты. Подняться к нему нужно через небольшой лифт, при старте «Востоков» он был одноместным. Олег Ивановский — ведущий конструктор «Востока» — берёт Гагарина под руку и ведёт к двери лифта. Космонавт один поднимается в лифте. Вот человек в ярком оранжевом скафандре уже стоит на верхней площадке ферм обслуживания, перед кабиной корабля «Восток». «До скорой встречи!» — сказал Гагарин и поднял обе руки в прощальном приветствии. Главный конструктор, члены Государственной комиссии, будущие космонавты — члены первого отряда Павел Попович и Андриян Николаев, специалисты по кораблю и стартовики с красными повязками, словом все, кто провожал Юрия в полёт, заворожённо смотрели снизу и видели эти две руки, вытянутые в приветствии.

На верхней площадке рядом с Гагариным — пять человек. Двое, ведущие конструкторы «Востока» Алексей Иванов и Олег Ивановский, помогают ему сесть в кабину и затем подключить все системы. Кинооператор Владимир Суворов снимает Гагарина: на кинокадрах запечатлено, как Гагарин, ухватившись руками за верхний обрез люка кабины, на мгновение задержался, а затем ловко скользнул

в кресло. Вот где пригодилась предполётная репетиция! Ещё двое рабочих-монтажников снимают защитную плёнку с крышки люка, готовясь к его заdraиванию.

Итак, космонавт занял своё рабочее место в кабине. Объявлена двухчасовая готовность. Митинги и приветствия закончились. Космонавту нужно, не теряя ни минуты, напряжённо трудиться. Он должен проверить состояние всех систем корабля, линий связи, работы всего оборудования.

За 30 минут до старта проводится контроль блока цифровой информации корабля. Ещё через 10 минут космонавт затягивает привязную систему, надевает перчатки, опускает стёкла гермошлема.

Около люка на верхней площадке, кроме кинооператора, который отснял для истории кадры и уехал на лифте вниз, оставалось четверо: два специалиста-конструктора по кораблю и два монтажника, которые должны были заdraить люк. Объявили часовую готовность. Пришло время закрывать люк. Попрошались с Юрием. Он им улыбнулся, подмигнул и сказал: «В следующий раз полечу — для вас забронирую место». Два монтажника накинули крышку люка на замки, все четверо быстро стали навинчивать гайки, а их было не менее 30. Ура! Закончили — люк закрыт. Все четверо облегчённо оттирают пот со лба.

Вот здесь-то и случилось первое ЧП. Через 1–2 минуты звонит из командного бункера (пультовой) раздражённый, гневный Королёв: «Почему не докладываете? Правильно ли установлена крышка люка? Нет ли перекосов?» «Всё нормально», — отвечает ведущий конструктор кабины «Востока» Олег Ивановский. «Вот в том-то и дело, что ненормально! Нет КП-3!» — яростно обрушивается на них СП, как его все называли на полигоне по первым буквам имени-отчества. Положение серьёзное! КП-3 — сигнал от специальных контактов. Отсутствие сигнала означает или неисправность самих контактов или неисправность в установке крышки люка. Последнее означает опасность разгерметизации кабины «Востока» в полёте. Страшно подумать! Да и сам старт сейчас — под угрозой срыва.

За несколько минут до этого у СП, который невыспавшийся расхаживал по бункеру («Главный не в своей тарелке», — тихо произнёс один из стартовиков), произошёл такой разговор с Павлом Поповичем (будущим космонавтом № 4): «Павел, не подпускай меня к красному телефону!» По красному телефону сигнализировали стартовой команде отмену запуска. Когда случилось ЧП с люком, Королёв рванулся к красному телефону. Старший лейтенант Попович преградил ему путь. Лицо СП начало краснеть от гнева. Но он сдержался. Позвонил на «верх» ракеты и спросил у ведущего конструктора Олега Ивановского: «Успеете снять и снова установить крышку?» Тот пообещал. Специалисты и монтажники вчетвером бросились откручивать гайки. Они очень торопились: могли не успеть! Сняли крышку люка, взглянули на космонавта. Гагарин, который уже узнал по связи с «Зарёй» (бункером) о неисправности, сидел совершенно спокойно, безмятежно посматривал на взмыленных монтажников через зеркальце, прикреплённое к рукаву скафандра. Между прочим, не обратил внимание Королёв на отсутствие сигнала КП-3, космонавт в полёте мог погибнуть от разгерметизации корабля. Но Юрий не накричал на монтажников и не торопил их сейчас, он негромко запел песню:

«Родина слышит, Родина знает, где в облаках её сын пролетает...» Монтажники чуть-чуть переместили кронштейн с контактом и вновь закрыли крышку люка. В бешеном темпе вчетвером они закручивают гайки. Вот уже закручена последняя.

Звонит Королёв: «КП-3 в порядке!»

После проверки герметичности рабочие, когда была уже объявлена 30-минутная готовность, быстро спускаются вниз. Успели закрыть люк вовремя, ибо уже через несколько минут по плану должны были опустить фермы обслуживания.

Уже после приземления Гагарина Главный конструктор похвалил Павла Поповича: «Молодцом вёл себя там, у телефона!» А Гагарин, когда повстречал ведущего конструктора Олега Ивановского после полёта, улыбаясь спросил: «Здравствуй, ведущий! Как чувствуешь себя?» Тот удивился: «Почему ты меня об этом спрашиваешь? Сегодня этот вопрос задают только тебе — меня он не касается». Гагарин перестал улыбаться и очень серьёзно посмотрел на собеседника: «Положим, касается! Посмотрел бы ты на себя вчера, когда крышку люка открывал...»

...Постепенно стартовая площадка пустеет. Одни специалисты отправляются на командный пункт в бункер, другие — на наблюдательный, который расположен значительно дальше, в двух километрах, но там имеется смотровая площадка и оттуда хорошо видно ракету и стартовую площадку.

Объявляется 15-минутная готовность. По этому сигналу весь обслуживающий персонал должен оставить стартовую площадку, даже и люди с красными нарукавными повязками, имеющие право дольше других оставаться на старте.

Продолжается активный радиобмен. С Гагариным (его позывной «Кедр») говорят Королёв, Каманин и Попович (их позывной «Заря»).

«Кедр»: Самочувствие хорошее, настроение бодрое.

«Заря»: Пульс у вас 64, дыхание 24.

«Кедр»: Понял. Значит, сердце бьётся.

«Заря»: Объявлена 10-минутная готовность. Как у вас гермошлем, закрыт?

«Кедр»: Гермошлем закрыт. Всё нормально, самочувствие хорошее, к старту готов.

«Заря» (Королёв): Минутная готовность.

«Кедр»: Вас понял — минутная готовность. Занял исходное положение.

Команда «Минутная готовность» имеет очень большое значение. Заблуждение журналистов и других несведущих лиц, что до старта остается всего 1 минута. Только посвящённые в тонкости запуска и стартовая команда знают, что от объявления минутной готовности до отрыва ракеты от стартового устройства проходит более 5 минут.

Что же тогда означает эта команда?

Это предупреждение, что через минуту по команде «Ключ на старт!» управление системами ракеты будет полностью передано автоматике и наступит завершающая фаза подготовки ракеты к пуску.

Далее идут следующие команды.

«Ключ на старт!» Поворотом специального ключа включается автоматика запуска. Это последняя команда, которая исходит от человека. Все последующие команды будут поданы автоматикой.

Человек голосом лишь дублирует команды, констатирует факт прохождения этой команды.

«Протяжка один!» Включаются механизмы протяжки магнитных лент системы телеметрии, включаются все наземные станции слежения за состоянием и полётом корабля.

«Продувка!» Все топливные магистрали ракеты-носителя продуваются инертным газом (азотом, гелием). Инертный газ мгновенно вытесняет находящийся во всех магистралях воздух, который является средой активной и может оказать вредное воздействие на полёт.

«Ключ на дренаж!» Прекращается подпитка ракеты компонентами топлива, закрываются дренажные клапаны.

До этой команды выпущенные в атмосферу через клапаны избыточные пары кислорода образуют туманную завесу вокруг ракеты, ракета словно бы «дышит». После этой команды облачко тумана вокруг ракеты рассеивается.

«Протяжка два!» Выполняется вторичная протяжка ленты телеметрической записи, включаются автоматические кинокамеры и средства измерения старта.

«Земля-борт!» От борта ракеты отходят заправочная и кабельная мачты. Система электропитания ракеты перешла на бортовые источники. Ничто не связывает больше ракету с Землей.

«Зажигание!» Срабатывает пирозажигание, пусковое горючее воспламеняет основное топливо, поступающее в камеры сгорания. Под ракетой появляется робкое пламя, которое через несколько секунд превращается в водопад огня.

Двигатели сначала выходят на предварительную ступень, затем на промежуточную, и почти сразу — на режим главной ступени. Как только тяга двигателей превысит вес всей ракеты, последняя начинает медленно подниматься.

«Подъём!» Освобождаются и расходятся в стороны поддерживающие фермы пусковой установки, ракета отрывается и устремляется ввысь.

При старте в космос Ю. А. Гагарина последние команды ему озвучивал сам Главный конструктор.

Королёв («Заря»): Даётся зажигание, «Кедр».

Гагарин («Кедр»): Вас понял! Дается зажигание.

Королёв: Предварительная ступень... Промежуточная... Главная! Подъём!

И здесь раздалось молодецкое, поистине русское, удалое гагаринское «По-е-ха-ли!».

Ракета устремилась ввысь, в глубину неба. Стрелки часов показывали 9 часов 7 минут по московскому времени. Начался исторический рейс к звёздам.

Гагарин позже, после полёта, делился своими впечатлениями с товарищами. Начали расти перегрузки. Он почувствовал, что какая-то непреодолимая сила вдавливает его в кресло, трудно было пошевелить рукой и ногой. Нарастала вибрация. До Гагарина в космический полёт отправляли только манекена «Ивана Ивановича» и собачек. Человек летел впервые, и до полёта не знали, сможет ли человеческий организм выдержать огромные перегрузки при подъёме ракеты. Гагарин доказал, что выдержит, но нужны очень основательные предполётные тренировки.

Подошло время, когда должен был быть сброшен головной обтекатель. На командном пункте с волнением ждали, как сработает автоматика. Она сработала безупречно. Во время отделения обтекателя космонавты слышат скрежет. Словно невидимый меч ударяет по этому колпаку (обтекателю), и он, разрубленный вдоль, двумя половинками разлетается в стороны. В иллюминаторы в это время брызжут яркие солнечные лучи.

При выходе корабля на орбиту наступает невесомость. До полёта Гагарина не знали, сможет ли человек вообще существовать в условиях невесомости! Юрий Алексеевич первый из землян испытал, что это такое. Он повис на привязных ремнях, тело как бы отклеилось от сиденья и повисло между потолком и полом. Гагарин почувствовал, что руки, ноги, всё тело стали как будто чужими, они ничего не весили. Не сидишь, не лежишь, а как бы висишь в кабине. Всплывают мельчайшие пылинки и медленно перемещаются перед глазами космонавта. Капли жидкости, пролившиеся из шланга, приняли форму шариков, свободно перемещались по кабине, а затем прилипли к стенке её, будто роса на цветке. От Гагарина уплыл карандаш. Он не стал ловить его, а вместо записей в бортовом журнале стал громко говорить обо всём увиденном, и его голос записывался на магнитофон.

По полётному заданию Гагарину не полагалось отвязываться от ремней. Но он доказал, что при 108-минутном полёте работоспособность в состоянии невесомости у тренированного человека сохраняется полностью.

Вред невесомости для здоровья человека при длительном её воздействии был выявлен при последующих, значительно более продолжительных полётах в космос.

В первом пилотируемом полёте экзамен держала даже психика человека! Некоторые психологи и психиатры не исключали, что в условиях космоса возможны нарушения психической деятельности, человеческого разума. Поэтому в содружестве медиков, психологов и инженеров-конструкторов родилась идея так называемого логического замка.

Как известно, первый полёт в космос предполагал автоматическое управление кораблём. Однако на «Востоке» была возможность в случае отказа автоматики перейти на ручное управление. Сделать переход на ручное управление можно было лишь «открыв» логический замок. В кабине корабля располагались маленькие кнопки от 0 до 9, космонавту надлежало в определённой последовательности нажать три кнопки из 10. Только тогда включалось ручное управление. То есть космонавт должен был перед активным вмешательством в управление кораблём доказать, что пребывает в здравом уме, трезвом рассудке.

Юрию Гагарину не пришлось переходить на ручное управление. Но радиопереговоры Земли с ним показали, что в полёте психика его не страдала. В дальнейшем, уже в новых конструкциях кораблей, от логического замка отказались.

Во время полёта Юрий Гагарин не просто сидел в «шарике» «Востока», как утверждают современные фальсификаторы, а интенсивно работал. Он постоянно следил за оборудованием корабля, контролировал работу автоматики, осуществлял наблюдения через

иллюминаторы, вёл записи в бортовом журнале (до потери карандаша). Обо всём увиденном, подмеченном он наговаривал в магнитофон. Гагарин по нескольким каналам в телефонных и телеграфных режимах поддерживал радиосвязь с Землёй.

Юрий Гагарин в полёте по заданной программе, несмотря на то что не чувствовал голода и жажды, в определённое время питался «космической» пищей из специальных туб и пил воду из специальной системы водоснабжения. Во время полёта самочувствие Гагарина оставалось хорошим, артериальное давление, пульс, частота дыхания были в норме, мышление и работоспособность сохранялись полностью*. Сделав один виток вокруг земного шара, в 10 часов 55 минут московского времени, то есть через 108 минут после старта, «Восток» благополучно приземлился в заданном районе. Даже если бы полёт Ю. А. Гагарина был безо всяких технических неисправностей и ЧП, то и в этом случае первого космонавта планеты можно было бы назвать настоящим героем. И он заслуженно получил Золотую Звезду Героя Советского Союза.

Несколько лет назад проводилось телевизионное шоу с участием всех граждан России по определению самых великих людей нашей страны за всю историю её существования. По итогам общероссийского опроса телезрителей, Юрий Гагарин вошёл в число 10 самых великих людей, наравне с Александром Невским, Александром Суворовым и другими знаменитостями, причём большинство признало его самым великим из этой десятки. С другой стороны, по прошествии 60 лет с момента исторического полёта Ю. А. Гагарина, некоторые граждане, особенно молодого поколения, сомневаются в том, что он совершил подвиг: «Посадили, как подопытного, в шарик "Востока", пролетел один виток вокруг Земли, приземлился за счёт автоматики — любой мог сделать это». Конечно, молодые люди просто не знают о чудовишной перегрузке при подъёме ракеты, которую большинство из них элементарно не выдержит и погибнет. Не ведают об огромных знаниях систем корабля, которые имел Гагарин и применил при 2-часовой предполётной проверке и 108-минутном контроле их функционирования в полёте.

Но, самое главное, полёт Гагарина был исключительно сложен, крайне рискован, сопровождался большим числом нестандартных ситуаций и ЧП, часть из которых могли привести к гибели первого космонавта планеты. Если бы не мужество, отличное знание систем корабля, ловкость и находчивость Юрия Алексеевича — первый полёт в космос закончился бы трагически!

Большинство особенно серьёзных и опасных нестандартных ситуаций общество не знает, они знакомы только специалистам. Отчёт Ю. А. Гагарина Государственной комиссии, в котором Юрий Алексеевич правдиво излагает все неполадки в полёте, длительное время был засекречен.

В специальной литературе, документальных и малодоступных источниках мной найдено несколько нестандартных ситуаций и ЧП, случившихся в полёте 12 апреля 1961 года. Многое мне разъяснил друг и соратник Ю. А. Гагарина, ветеран космонавтики, полковник

* 7 побед в космосе и ещё 42 события отечественной космонавтики. М.: Эксмо, 2011. С. 53–54.

в отставке Дмитрий Панкратьевич Глотин. Об одной нештатной ситуации — перекосе крышки люка перед запуском, из-за чего мог погибнуть Гагарин в результате разгерметизации кабины, — уже упоминалось выше.

Следующая нештатная ситуация возникла во время подъёма ракеты на орбиту.

Отделилась первая ступень ракеты, ещё в большей степени должны были возрасти перегрузки. На командном пункте в бункере ждали доклад космонавта об отделении ступени и его физическом состоянии. Но в динамиках — молчание.

— «Кедр», как чувствуете себя? — тшето добивался ответа «Двадцатый» (Королёв). — «Кедр», отвечайте! «Кедр»! На связь! Я — «Двадцатый».

Из динамиков доносился только хрип.

Павел Попович, находившийся в тот момент на командном пункте, вспоминал позднее, что на него налетали невесёлые мысли: внезапная разгерметизация? Обморок от растущих перегрузок?

«Не знаю, как я выглядел в тот момент, но Королёв, стоявший рядом со мной, волновался очень сильно: когда он брал микрофон, руки его дрожали, голос срывался, лицо перекашивалось и изменялось до неузнаваемости», — читаю я запись в дневнике Николая Петровича Каманина. Очевидно, Королёв, да и не только он, уже подумали о гибели Юрия.

Вдруг на командный пункт ворвался приподнятый, радостный голос Гагарина! Как потом выяснилось, произошёл сбой в линии связи. Все в бункере облегчённо вздохнули, настроение повысилось, раздались даже радостные, ликующие голоса, так как Гагарин сообщил, что корабль вышел на орбиту. Но на Сергея Павловича, пережившего страшные минуты, было больно смотреть.

Следующие нештатные ситуации возникли на этапе спуска корабля с орбиты.

В заданное время (10 час. 25 мин.) произошло автоматическое включение тормозной двигательной установки. Но через некоторое время стало резко падать давление тормозного двигателя. Корабль стал медленно подрагивать, за обшивкой усиливался шум, перегрузка нарастала. После выключения тормозной двигательной установки, наступившего вовремя, должно было произойти отделение спускаемого аппарата «Востока» от приборного отсека. Этого почему-то не произошло!

Новое опасное состояние: корабль начало вращать.

«Кедр» сообщил об этом «Заре». Корабль крутило, словно юлу. Скорость вращения составила 30 градусов в секунду. После возвращения космонавт рассказывал на заседании Государственной комиссии: «Получался своего рода "кордебалет": голова — ноги, голова — ноги, да так, что дух захватывало». Вращающийся вместе с «Востоком» Гагарин только успевал закрываться от острых лучей солнца, бьющих в иллюминатор.

Через 10 долгих, тяжёлых минут раздался хлопок, и спускаемый аппарат разделился с приборным отсеком. Разделение это произошло потому, что температура вокруг корабля повысилась и, вследствие этого, кабели сгорели и модули разделились. Только поэтому миновала угроза катастрофы. Вращение продолжалось ещё какое-то

время. Затем «Кедр» передал в командный пункт, что вращение прекратилось.

Новые волнения космонавту доставили появившиеся признаки пожара на спускаемом аппарате: началось сильное потрескивание обшивки, кабину стали освещать отблески пламени. Дело в том, что корабль на спуске вошёл в плотные слои атмосферы, и его наружная оболочка от трения стала накаляться и обгорать. Королёв и ряд учёных прогнозировали это явление ещё до полёта, но не предполагали такую степень его выраженности. Судя по воспоминаниям Гагарина, «пожар» для него был неожиданностью. «Горю!» — думал он и уже мысленно стал прощаться с жизнью.

«Юрк! Скажи честно, страшно было?» — спросил героя при первой встрече с ним после полёта отец, Алексей Иванович Гагарин.

«А ты как думаешь?! Когда корабль вошёл в плотные слои атмосферы, загорелась обшивка, — признался честно сын. — Ты сидишь в самом центре пекла, за шитками иллюминаторов бушует тысячеградусное пламя. Но я верил в нашу технику. Иначе Главный конструктор не дал бы согласие на полёт»*.

Гагарин следил за температурой, в кабине корабля она составляла всего 20 градусов Цельсия. Он не предпринимал никаких суевливых действий, не паниковал, не кричал по радиосвязи, а спокойно выжидал. Пламя прекратилось.

Сейчас любой космонавт отлично знаком с таким «пожаром», вызванным трением специальной жаропрочной обшивки корабля об атмосферу при спуске корабля с орбиты. Но Гагарин-то был первым! До него, кроме манекена «Ивана Ивановича», никто не летал, а тот был немым; возвратившиеся из космоса собаки тоже не умели разговаривать, а зоологических знаний у учёных космодрома не хватало, чтобы понимать собачий лай.

Современные российские космонавты приземляются непосредственно в кабине спускаемого аппарата. Поэтому о спуске Гагарина сейчас в ходу небылицы двух вариантов.

По первому варианту, люди с «пенной у рта» тебя убеждают, что Юрий Алексеевич так и приземлился в кабине «Востока», и в «доказательство» приводят «шарик» «Востока», который они де своими глазами видели на ВДНХ (в действительности спускаемый аппарат «Востока» находится сейчас в Мемориальном музее космонавтики на улице Мира в Москве). Небылица второго варианта — корабль «Восток» из-за неполадок спускался с очень большой скоростью и, чтобы не погибнуть, Гагарин экстренно катапультировался и поэтому избежал смерти.

В действительности же все корабли системы «Восток» предусматривали запланированное по программе катапультирование космонавта, который приземлялся на парашютах. Круглый по форме спускаемый аппарат «Востоков» спускался на Землю на парашюте с высокой скоростью уже без космонавта, ударялся о поверхность с довольно большой силой, но не разрушался. Катапультирование справедливо считалось более безопасным для жизни космонавта.

«Восходь», «Союзы» и «Союзы Т» имели форму автомобильной фары, более плавную кривую спуска с орбиты, усовершенствованную

* Гагарина А. Т. Память сердца. М.: АПН, 1985. С. 166.

парашютную систему и двигатели мягкой посадки — всё это позволило уменьшить силу удара о поверхность Земли. Поэтому космонавты стали приземляться непосредственно в кабине спускаемого аппарата.

Приземление Гагарина происходило с приключениями и значительным риском для жизни. Отличная парашютная подготовка космонавта — в первом отряде этому разделу уделяли колоссальное внимание — и смекалка, находчивость в заключительной фазе спуска на парашюте спасли жизнь Юрию Алексеевичу.

На высоте 7000 м произошло автоматическое катапультирование Гагарина из «Востока»: проведён отстрел крышки люка, и космонавт вылетел из корабля вместе с креслом. Как и положено, отцепился стабилизирующий парашют, а затем раскрылся основной. Но кресло вдруг ушло из-под космонавта, а второй, запасной, парашют, приведённый в действие, не раскрылся, а повис.

В отчёте Госкомиссии Гагарин сообщил: «Тут слой облачков был, в облачке поддуло немножко, раскрылся второй парашют, наполнился, и на двух парашютах дальше я спускался». Повезло!

Ещё одна проблема при спуске — не открылся клапан, подающий в скафандр воздух. Дышать было нечем. Если бы Гагарин не решил эту проблему — он бы погиб от удушья. Ведь космонавт приземлялся в закрытом скафандре, уже отсоединённом от систем жизнеобеспечения корабля.

Оказывается, клапан, когда надевали скафандр, попал под демаскирующую оболочку. Около 6 минут Гагарин пытался этот клапан достать. Но потом расстегнул демаскирующую оболочку, с помощью зеркала вытащил тросик и открыл клапан. Спасительный воздух пошёл в скафандр. Смекалка и ловкость спасли космонавта от гибели.

Ю. А. Гагарин в 10 час. 55 мин. московского времени приземлился на парашюте в 26 км юго-западнее города Энгельса, вблизи села Смеловка, на вспаханное под зябь поле колхоза «Ленинский путь». Любопытное совпадение: он возвратился из космоса в те саратовские места, где 6 лет назад впервые научился летать на самолёте! Еще с парашюта он увидел знакомые по первым полётам места: широкая лента Волги, Саратов, кубики домов которого громоздились невдалеке, городок поменьше (Энгельс) по другую сторону великой русской реки.

Первой, кто увидел приземлившегося Юрия Гагарина, была жена лесника Анна Акимовна Тахтарова. Эта простая русская женщина навечно вошла в историю: в немецкой книге по космонавтике я с удивлением увидел её имя и заслуги — она первой из землян встретила «астронавта», вернувшегося из космоса. Женщина и маленькая девочка (это была 6-летняя внучка Анны Акимовны) стояли возле пятнистого телёнка, с удивлением и испугом втроём смотрели на Юрия. Одет-то он был не по-саратовски, не в колхозный ватничек, а в очень странный оранжевый комбинезон и появился не на мотоцикле или тракторе ДТ-54, а свалился откуда-то с неба, словно пришелец с НЛО.

«Оторопь меня взяла: человек одет странно, не по-нашему, и появился откуда-то с неба, — рассказывала позднее журналистам Анна Акимовна. — Потом гляжу: человек улыбается. И до того у него улыбка душевная, что весь страх прошёл. Хотела даже его молочком попить, а он не стал пить — надо, говорит, позвонить в Москву срочно».

В это время прибежали трактористы с соседнего полевого стана, крича: «Юрий Гагарин! Юрий Гагарин!», и давай обнимать его, оставляя на новеньком оранжевом скафандре трудовые пятна чёрного тракторного мазута. Трактористы были просвещённой жены лесника: читали газеты, с ними проводили политзанятия, сообщая политические новости, чтобы воодушевить на победу в социалистическом соревновании с колхозом «Красный лапоть». О Гагарине они знали уже несколько минут, а тут счастье подвалило: он прямо из космоса «уселся» на их вспаханное поле...

Через несколько минут к месту приземления на грузовой машине из близлежащей войсковой части прибыла группа солдат во главе с офицером, майором Гасиевым. Космонавт отрапортовал по всей форме: «Товарищ майор, старший лейтенант Гагарин приземлился после выполнения полёта на корабле-спутнике «Восток»...»

Гасиев прервал его: «Не надо рапорта, Юра, ты уже майор!» Юрию объяснили, что приказом министра обороны ему присвоено внеочередное звание через одну ступень.

Гагарину помогли снять скафандр, он остался в тёплом комбинезоне лазоревого цвета. От предложенной шинели отказался, а вот офицерскую фуражку, подаренную майором Гасиевым, с удовольствием надел, так как головного убора после снятия гермошлема у него не было. Эту фуражку он затем хранил как память о приземлении и встрече с добрыми, простыми людьми.

Обгоревший шар — спускаемый аппарат «Востока» — приземлился недалеко от места приземления Гагарина, ударившись о поверхность ещё не вспаханного участка поля того же колхоза «Ленинский путь», в нескольких метрах от края глубокого оврага, наполненного шумным потоком талых вод. Гагарин с военными подошли к «Востоку», осмотрели его. На вертолёте прибыла специальная группа поиска, в которой находился спортивный комиссар ФАИ (Международной федерации астронавтов) Игорь Григорьевич Борисенко, который официально потребовал у Гагарина предъявить удостоверение. Переписал все данные из него, проверил опознавательные знаки космического корабля, на котором были надписи «Восток» и «СССР», и в итоге зарегистрировал три мировых рекорда: высоты полёта — 327 км, поднятого максимального груза на эту высоту — 4725 кг, продолжительности полёта — 108 минут. Первая цифра остаётся мировым рекордом до сих пор: никто на одноместных кораблях не поднимался выше, чем Гагарин*.

Гагарина осмотрел врач, кандидат медицинских наук, мастер спорта по парашютному спорту Виталий Волович и констатировал, что артериальное давление, пульс и другие показатели здоровья космонавта хорошие. После непродолжительного митинга в расположенной поблизости войсковой части, Гагарина с сопровождающими лицами отправляют на самолёте в Куйбышев. На короткий отдых и передышку перед встречей с ликующей Москвой, которая поздравляла Героя 14 апреля 1961 года. На месте приземления установили столб со словами: «Не трогать! 12.04.61 г. 10 час. 55 мин. мос. вр.» Гагарин и члены группы поиска взяли скафандр, бортовой журнал,

* 7 побед в космосе и ещё 42 события отечественной космонавтики. М.: Эксмо, 2011. С. 54.

некоторые приборы космического корабля, а сам обгорелый шар «Востока» пока оставили на поле, выставив пост. Через несколько минут Гагарин спохватился и попросил комиссара И. Г. Борисенко вырезать из скафандра часы, которые были вшиты в левый рукав его. Эти большие красивые наручные часы с голубым кругом по циферблату Юрий Алексеевич оставил себе на память, сказав: «Они мне очень дороги».

Длительное время эти часы, скафандр и спускаемый аппарат «Востока» экспонировались на ВДНХ в павильоне «Космос», а в настоящее время они бережно хранятся и являются самыми ценными экспонатами в Мемориальном музее космонавтики в Москве.

Сейчас на месте приземления Гагарина, у села Смеловка Энгельсского района Саратовской области, установлен видимый издали огромный обелиск — взлетающая в небо ракета, у подножия которой — фигура первого космонавта планеты Юрия Алексеевича Гагарина. Большая площадь бывшего колхозного поля вокруг памятника забетонирована и асфальтирована, по периметру высажены красивые ели. Сложилась традиция: молодожёны Саратова и Энгельса после регистрации брака едут к месту приземления Ю. А. Гагарина и возлагают у обелиска цветы.

Это священное место мне удалось посетить в 2015 году.

Прошло 60 лет со времени первого полёта человека в космос. Всё новые и новые земляне штурмуют небо. Полёты стали значительно более сложными, длительными, но, с другой стороны, обыденными. Современные космонавты часто говорят: «В космос — на работу».

Однако космическая борозда, проложенная в небесной целине российским парнем Юрием Гагариным, навсегда останется в памяти человечества!

ЮРА ГАГАРИН

Гагарин... Русский человек с доброй душой и открытой, приветливой улыбкой. Люди всех стран мира хорошо знают его. Он стал одним из самых знаменитых землян за всю историю человечества.

И одновременно Гагарин оставался простым, доступным человеком. Он никогда не зазнавался.

Вспоминается такой эпизод.

За два дня до запуска Гагарина в космос Павел Романович Попович ночевал в одной комнате с ним. «Юра, а ты не зазнаешься? — спросил с украинской хитрецой будущий космонавт-4. — Вернёшься оттуда, здороваться перестанешь...» Юра Гагарин очень удивился и даже обиделся: «Да как ты мог подумать такое? Нет, ты меня совсем не знаешь! Понимаешь, обидно такое слышать!»

И действительно, после полёта Юра остался таким же непосредственным, простым, замечательным парнем, без тени зазнайства.

Его очень уважали и любили люди, нередко писали ему проникновенные письма. Из всех изученных мною писем (сохранившихся в архивах или опубликованных) меня особенно взволновало письмо земляка, глубокого инвалида из Перми. Он не имел ни рук, ни ног! Но выучился писать протезированной рукой и сам написал письмо дорогому для него человеку. Вот выдержки из этого письма: «Дорогой

Юрий Алексеевич! Много Вы получаете писем с поздравлениями за свой полёт, но я уверен, что у Вас нет ни одного письма, написанного человеком, у которого нет рук. Именно таким человеком являюсь я. У меня нет обеих кистей рук. К тому же у меня нет и обеих ног, но зато имею 14 ран на теле и сильное желание жить. Свою инвалидность я получил, защищая Родину от фашизма. В 1942 году, защищая Сталинград... И вот сейчас я инвалид, но это письмо пишу сам, без чьей-либо помощи, пишу Вам, открывшему новую эру, эпоху полётов в космос.

Спасибо Вам, прославившему нашу Родину навечно! Такое не забывается — это история и наша слава! Спасибо Вашим родителям, воспитавшим такого героя. Спасибо Вашей жене, поддержавшей Вас в столь трудном деле.

Антон Иванович Пустозеров».

Инвалид Пустозеров имел полное право не работать, но, выучившись писать, пошёл трудиться старшим счетоводом в собесе, был депутатом райсовета в Перми.

Вспоминаются интересные случаи из жизни Гагарина, которые я узнал из бесед со старожилками космодрома, из воспоминаний людей, близко знавших его, а также из публикаций в прессе.

Да, он встречался с английской королевой в её дворце, беседовал с Фиделем Кастро, Хо Ши Мином, президентами и премьер-министрами очень многих государств мира, но по сути он остался простым смоленским пареньком!

Интересные факты для размышления.

В космос он полетел старшим лейтенантом, в возрасте 27 лет. Все последующие советские и российские космонавты совершали полёты в космос в более высоком звании и старше по возрасту. В 1970–1980-х годах большинство космонавтов отправлялись даже в свой первый полёт в звании полковника или, на худой конец, подполковника. Гагарин погиб в возрасте 34 лет, едва успев получить звание полковника. Большинство из 20 первых космонавтов-военнослужащих, знавших лично Гагарина, стали в дальнейшем генералами, занимая в конце жизни высокие посты. Гагарин для этих седых ветеранов остался вечно молодым — Юрой!

Любопытный эпизод произошёл после приземления Гагарина, когда его на самолёте Ил-14 в тот же день переправили в Куйбышев (Самару). До полёта на старшего лейтенанта Гагарина никто внимания не обращал. А после того, как он за 108 минут превратился в мировую знаменитость, появилось очень много подлипал и желающих подружиться. Особенно усердствовал командующий Приволжским военным округом генерал Андрей Стученко, который в Куйбышеве устроил сначала завтрак в честь космонавта, затем ужин и всё крутилось вокруг да около. Гагарин же к этим «ухаживаниям» старого генерала отнёсся прохладно. Узнав от корреспондентов, что Юра родом из Гжатска, генерал страшно обрадовался.

«Твой Гжатск наша часть освободила! А ты случайно меня не помнишь, когда я проходил по городу?» — просяще заглядывая герою в глаза, спрашивал командующий. — Ты подумай, подумай, может всё-таки вспомнишь!» — упрямо твердил потерявший достоинство генерал. Гагарин вслух ничего ему не сказал, но в душе посмеялся вволю и ребятам-космонавтам несколько раз затем рассказывал о «приставучем» генерале, который безуспешно набивался в друзья.

Первый космонавт планеты Земля Юрий Гагарин. Байконур, 12 апреля 1961 г.

Автор «Рассказов о космосе» М. И. Давидов. Байконур, 17 сентября 1979 г.

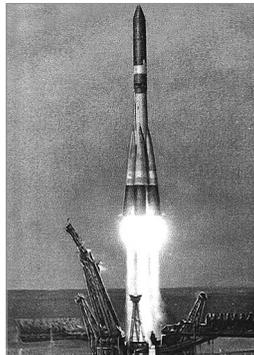
Домик Юрия Алексеевича Гагарина на Байконуре. 1980 г.

Ракета-носитель с космическим кораблём «Союз» на пути к стартовому устройству. 1979 г.

Космонавты перед полётом отдают рапорт председателю Государственной комиссии

Пуск космического корабля с «Гагаринского старта» (площадка N 1). 1979 г.

Город Ленинск. Юные пионеры у памятника С. П. Королёву. 1979 г.

Гостиница «Космонавт». Здесь живут космонавты во время пребывания на космодроме. Рядом — Аллея Космонавтов. 1980 г.

Дело в том, что, во-первых, при освобождении Гжатска Юре было всего лишь восемь с половиной лет, во-вторых, жил он тогда вместе с отцом, матерью, двумя братьями и сестрой совсем не в Гжатске, а в селе Клушино! Это уже после войны отец, Алексей Иванович Гагарин, перевёз из села свой дом в Гжатск, где и прошло отрочество будущего космонавта.

Между прочим, вопрос, где родился космонавт N 1, не такой простой, как кажется. По литературным источникам, получается полный разнобой. Кто-то указывает Гжатск, но большинство — село Клушино. Пришлось изучить этот вопрос по документам. Да, действительно, Гагарины при рождении Юры жили в селе Клушино, но родился Юрий Алексеевич Гагарин 9 марта 1934 года в роддоме в Гжатске! Дело в том, что отец, Алексей Иванович Гагарин, при появлении родовых схваток отвёз свою жену, Анну Тимофеевну, на лошади в Гжатск, где в родильном доме и увидел свет будущий космонавт. Любопытно, что председатель колхоза дал лошадь с большой неохотой, заявив: «Только быстрее, лошадь в хозяйстве нужна, а вы тут рожать надумали...»

С родителями космонавту N 1 повезло. Они были строгими, требовательными, но одновременно — добрыми, заботливыми. Алексей Иванович не давал сыну зазнаваться.

Уже в 1960 году, когда Юра усиленно готовился к полётам в космос, находясь в отряде космонавтов (но никто в семье об этом не знал), по приезду в гости к родителям вышел такой интересный разговор. Среди семейной беседы возникла тема о полёте в космос собак, которых только что запустили с космодрома. Сестра Юры, Зоя, заметила: «Так, пожалуй, и человек полетит». «Полетит!» — уверенно сказал Юрий. Алексей Иванович вступил в разговор: «Ты, что ль, собрался?» В тоне сына ему почудилась нескромность, вот он и вмешался. Юра ответил отцу: «Поручат — и полечу». «Тю-тю-тю, полетишь! — передразнил Алексей Иванович. — Там учёный потребует, не тебе чета». Так Алексей Иванович успешно проводил воспитательную работу с будущей звездой. Вот что удивительно: другой бы на месте Юрия оскорбился, начал бы спорить, может быть, и выдал секрет, что является членом отряда космонавтов, Юра же нисколько не обиделся, весело поулыбался и перевёл разговор на другое.

Интересна реакция родителей Юрия на известие о его полёте в космос.

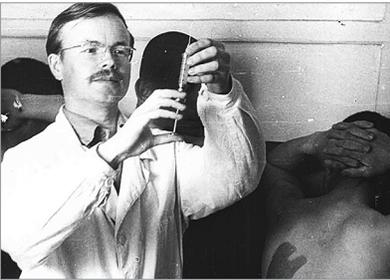
Услышав сообщение ТАСС, старшая сестра Юры, Зоя, прибежала в дом к матери и кричит: «Мама! Включи радио, про Юру передают». Анна Тимофеевна испуганно обернулась, едва не уронив чугунок с картошкой на пол: «Разбился?» — «Да нет, в космосе он!» — «Что же он наделал? У него же две малютки, доченьки», — запричитала Анна Тимофеевна и заплакала.

Алексей Иванович 12 апреля 1961 года рано утром отправился пешком за 12 км от Гжатска, в село, где плотничал в составе бригады: помогал строить колхозную чайную. На перевозе через реку старик лодочник спросил его: «Алексей Иваныч! Не твой ли сын сейчас к звездам улетел? По радио сказали: майор Гагарин». «Нет, не мой сын. Мой — старший лейтенант», — уверенно ответил Алексей Иванович. Лодочник не унимался: «Так имя — отчество тоже совпадают. Юрий Алексеевич». «Мало ли на свете Гагариных Юриев

*Ленинск (Байконур).
Братская могила по-
гибших при испытании
межконтинентальной
ракеты Р-16 24 октября
1960 г.*

*Старший лейтенант
медицинской службы
М. И. Давидов, врач
военно-строительного
отряда на Байконуре.
1980 г.*

*М. И. Давидов выполняет
профилактические прививки военным
строителям Байконура. 1981 г.*

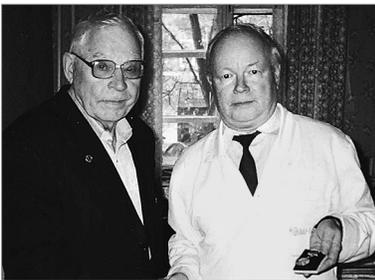
*Премьер-министр Кубы Рауль Кастро
провождает в полёт российско-ку-
бинский экипаж корабля «Союз-38»
Ю. В. Романенко (справа) и А. Т. Мен-
деса (слева). Сентябрь, 1980 г.*

*Экипаж космического
корабля «Союз Т-4»
В. Ковалёнок и
В. Савиных. 1981 г.*

*«Детище» российских
инженеров и военных
строителей — старто-
вый комплекс для ра-
кетносителя «Энергия»
с орбитальным косми-
ческим кораблём «Буран».
1988 г.*

*Друг Ю. А. Гагарина, полковник
в отставке, ветеран космонавтики
Д. П. Глотин и доцент М. И. Давидов
после награждения медалью
Ю. А. Гагарина. 2011 г.*

Алексеевичей?» — скромно ответил отец первого космонавта планеты и пошёл дальше по топкой весенней дороге, торопясь быстрее начать тяжёлую плотницкую работу. Позднее он признался, что сомнение стало грызть его («может быть, действительно, в спутнике мой Юрка?»), но он решил из скромности не подавать виду и, как положено, отработать целый день. «Начнём сейчас выхваляться — с кого Юрке пример брать? — объяснял он позже семейным. — Его и так со всех сторон расхваливают». Но не дали поработать в этот день плотнику. Позвонил секретарь райкома, и отправили его, не спрашивая даже согласия, образно говоря, «добровольно-принудительно», в Москву, вместе с другими родственниками.

Мать героя, Анна Тимофеевна, как только прослушала по радио сообщение ТАСС, накинула поверх домашнего халата колхозную телогрейку и в одних калошах побежала к железнодорожной станции. Села на поезд и приехала в Москву, а затем электричкой добралась в Звёздный городок, где жила Валентина Гагарина с дочками Леночкой и новорожденной Галей. Огромная, запредельная радость за сына тесно переплелись в её сознании с острой необходимостью помочь в трудную минуту снохе: такое событие, а Валя там одна, с двумя малышками на руках. Ведь совсем недавно, 7 марта 1961 года, Валентина Ивановна родила Галю. Юра был вынужден улететь на Байконур, оставив Валентину с крохотной малюткой.

13 апреля, когда уже все родственники Юрия собрались в Москве, Алексею Ивановичу вручили конверт с надписью: «Гагарину А. И. с супругой». Там лежали два приглаательных билета на Торжественный приём в Кремль на 14 апреля. Плотника Алексея Ивановича очень позабавило «городское» слово «супруга». «Супруга, вы в чём же в Кремль идти собираетесь?» — спросил он жену, показывая на её домашний халат и калоши. Анна Тимофеевна обомлела. Но всё обошлось. Помогли добрые люди одеться.

Пригласили родителей Юрия Гагарина и на торжественный концерт в честь полёта их сына. Анастас Иванович Микоян — один из руководителей государства в те годы — сидел в зале рядом с Алексеем Ивановичем. Танцевала красавица-балерина. Анастас Иванович не отводил от неё восхищенных глаз и дружески, по-мужски подтолкнул Алексея Ивановича: «Вот это женщина! Нравится? Какая фигура!» Алексей Иванович неодобрительно посмотрел на одного из руководителей партии и государства и строго сказал: «Да, платье-то ей надо бы подлиннее». Микоян сконфуженно что-то прохихикал в ответ.

Во время торжественной встречи космонавта в Москве 14 апреля, когда, после приземления самолета Ил-18 во Внуково, Ю. А. Гагарин шёл по красной ковровой дорожке навстречу руководителям партии, правительства и армии, вдруг многие, в том числе родственники, стоявшие стайкой поблизости от руководства, обратили внимание, что у него развязался шнурок на ботинке. Шла прямая телетрансляция на весь мир. Если бы Гагарин во время строевого шага наступил на шнурок, запнулся и растянулся на ковровой дорожке во весь рост — был бы большой конфуз.

Вот как описывает это сам Юрий Алексеевич: «К правительственной трибуне от самолёта пролегла красная ковровая дорожка. Дорожка была длинная-предлинная... Знаю: все глядят на меня.

И вдруг чувствую — развязался шнурок ботинка. Вот сейчас наступлю на него и при всём честном народе растянусь. То-то будет конфузу и смеху...»*.

Но бог миловал. Все увидели, как Гагарин покосился на развязавшийся на ботинке шнурок и ещё чётче, собраннее, с невозмутимым видом заработал руками в такт встречному маршу.

В киностудию на просмотр отснятого материала привезли Гагарина (вроде бы даже вечером 14 апреля — когда же спал Юра в эти горячие апрельские дни?). После просмотра идут дебаты: вставлять или не вставлять эпизод со шнурком? Большинство хотели убрать. Единицы призывают к правде: ведь было же! Спор рассудил Юрий: «Конечно, оставить! Пусть будет уроком мне и другим». Так эпизод со шнурком не вырезали, и он не только навечно остался в гагаринской кинохронике, но и стал изюминкой торжественной встречи Гагарина в Москве.

Когда в 1962 году после полёта на «Востоке-3» и «Востоке-4» Андриян Николаев и Павел Попович готовились выходить во Внуково из самолёта, чтобы предстать перед правительственной трибуной, Гагарин шутя напомнил им: «Ребята! Шнурки на ботинках проверьте!»

Анна Тимофеевна Гагарина своим детям дала очень многое. Закончила она всего три класса школы в Петрограде, но при этом грамотно писала, помогала детям готовить школьные уроки, запоем читала, была ходячей энциклопедией. Каждый день перед сном читала маленькому Юре и другим детям книжки. При этом выполняла тяжёлую крестьянскую работу по дому и в колхозе, где работала дояркой на молочно-товарной ферме.

Любовь и уважение к родителям космонавт сохранил до конца жизни. Даже когда он стал всемирно известным, мама и отец могли сделать ему внушение.

Очень горевала Анна Тимофеевна об утрате семейных фотографий и писем Юры. Когда вернулись Гагарины домой из Москвы, с торжеств по поводу полёта Юрия, обнаружили, что ящик комода, где хранились эти фотографии и письма, пуст. Растерянные внуки, 14-летняя Тамара и Юрик, сообщили, что приехали из какой-то московской газеты корреспонденты и выпросили «на время» фотографии и письма. И не вернули их. Так Анна Тимофеевна их больше и не увидела.

Космонавт любил приезжать на родину, в Гжатск. Встречали его земляки всегда восторженно.

В один из приездов собрались его у въезда в Гжатск встретить и потом нести по всему городу на руках! Организовывало это «мероприятие» партийное и комсомольское начальство. Но Юра всех перехитрил! Приехал на несколько часов раньше запланированного, заходит в дом к родителям. Вскоре в родительский дом пожаловали секретарь райкома с другими ответственными товарищами: «Что же вы, Юрий Алексеевич, раньше времени? У нас же планы были...» Юра улыбнулся: «В планы я небольшую поправочку внёс». Юра, видимо, о такой помпезной встрече узнал, и решил её избежать. Гагарин желал, чтобы к нему относились как к живому человеку, а не как к античной

* Гагарин Ю. А. Дорога в космос. М.: Воениздат, 1981. С. 154.

статуе или памятнику коммунизму. Узнав про этот случай, Павел Попович любил подкалывать Гагарина: «Юра! Ты, наверное, испугался, что тебя уронят?»

Гагарин приезжал в Гжатск отдохнуть от напряжённой службы, множества забот. Но отдыхать не давали различными мероприятиями, торжествами, митингами. Замучили фотокорреспонденты.

Однажды пришёл очередной фотограф. Юрий был в домашней обстановке, очень уставший от публики, отдыхал. Настырный фотограф упросил Юру надеть китель, чтобы запечатлеть его со всеми наградами. Надел Юра китель, а брюки надевать не стал. Получилась фотография: Гагарин сидит в кителе, увешанном многочисленными наградами разных стран мира, а под столом видны его голые ноги. Правда, фотография эта в широкую публику не пошла. Говорят, что Юрий Алексеевич забрал негативы у «коварного» фотографа.

Кстати, Гагарин и сам был отличным фотографом. Ещё в школе, в 12-летнем возрасте, Юра страстно увлёкся фотографией. Вместе со школьным другом, Лёвой Толкалиным, они нашли поломанный старенький фотоаппарат. Много дней они его ремонтировали, и наконец он заработал. Именно этим нехитрым фотоаппаратом сделаны все детские снимки Юры в Гжатске.

После отъезда из Гжатска Юра продолжал заниматься фотографией. Снимки в Люберцах, Саратове, Оренбурге сделаны им самим. Он отлично проявлял фотоплёнки и печатал фотографии. Между прочим, космонавт должен быть отличным фотографом, чтобы делать фотоснимки на орбите, порой в очень сложных условиях для съёмки.

Как-то летом 1961 года упросили Гагарина и Королёва сфотографироваться вместе. Присели они рядом на скамейку, беседуют. Фотограф достал фотоэкспонометр, долго колдовал, определяя экспозицию. Не выдержал Гагарин, и подсказывает условия съёмки без всякого экспонометра: «Выдержка — одна шестидесятая, диафрагма — 2,8». «Ему можно верить», — заметил Королёв. Поверил фотограф, установил «гагаринские» выдержку и диафрагму, занял точку съёмки, подсказанную Юрием. И в результате вышел фотошедевр! Когда рассекретили Главного конструктора, снимок сидящих на скамейке Гагарина и Королёва был опубликован газетами всего мира и до сих пор тиражируется в больших количествах в альбомах и книгах.

Известно, что Гагарин был страстным охотником, очень любил и уважал оружие. У него был прекрасный карабин с оптическим прицелом и другие виды оружия. Юрий Алексеевич увлечённо охотился на лося, кабана, утку, зайца. На охоту с Гагариным часто выезжали друзья-космонавты, например Владимир Комаров, Андриян Николаев, Владимир Шаталов. Охотился Гагарин с друзьями чаще всего в лесах около Загорска, Переяславля-Залесского, Петушков и в других прекрасных районах Подмосковья, где в те времена строго охранялись охотничьи угодья, а леса и озёра изобиловали зверем и птицей. Несколько раз удачно охотились в Гжатске, на родине Юрия.

Накануне праздников космонавты во главе с Юрием Гагариным обязательно выезжали на охоту с установкой: «без кабана не возвращаться». Юра любил в праздники и другие дни угощать семью космонавтов и друзей нашипованной лосятиной и кабанятиной своего личного приготовления.

Юра был и заядлым грибником. Вообще очень любил природу, лес. У него были свои любимые грибные места, где можно было насобирать целые корзины и вёдра белых грибов, груздей, рыжиков.

Генерал-лейтенант Владимир Александрович Шаталов утверждает, что Гагарин погиб около своего любимого грибного места. Осенью 1967 года Гагарины (Юра и Валентина) взяли Шаталова с собой по грибы. Они на двух «Волгах» (Гагарина и Шаталова) проехали городок Киржач, деревню Новосёлово, старую полуразрушенную церковь и углубились в нехоженный дремучий лес. Переночевали в машинах, а рано утром за два часа насобирали по несколько корзин белых грибов. Были очень веселы и счастливы в этот день. В. А. Шаталов свидетельствует: «Только в кошмарном сне можно было представить, что через шесть месяцев буквально на этом месте, недалеко от этой церквушки, разыграется трагедия — гибель Гагарина»*.

После полёта в космос Ю. А. Гагарин был избран депутатом Верховного Совета. К своим депутатским обязанностям относился очень ответственно. Вообще был очень внимательным человеком, любил людей и заботился о них.

В. А. Шаталов вспомнил случай, когда Гагарин помог его родителям. Шёл 1964 год. Шаталов входил в отряд космонавтов, но был еще никому не известным кандидатом для полёта в космос. Как-то Юрий Алексеевич подметил, что Владимир чем-то удручён: «Ты что, соколик, грустишь?» Тот рассказал, что отец — заслуженный ветеран, фронтовик, Герой Социалистического Труда — ютится с женой в подвальной комнатухе с печным отоплением. Он прислал ему письмо вместе с ленинградской партийной газетой, где с гордостью сообщалось, что все ветераны войны и защитники города получили новые двухкомнатные благоустроенные квартиры. В письме отец спрашивает: «Почему забыли меня?»

С лица Юрия Алексеевича мгновенно исчезла улыбка. Он тут же написал на депутатском бланке запрос в ленинградский горисполком. Владимир Александрович из-за скромности стал возражать против запроса, что, мол, не надо беспокоиться. Юрий Алексеевич возмутился: «А при чём здесь ты? Я пишу как депутат о несправедливости, допущенной по отношению к Герою войны, защитнику Ленинграда, это моя обязанность!» Вскоре родители Шаталова переехали в двухкомнатную благоустроенную квартиру.

С верующими Юрий Гагарин разговаривал без насмешек, с уважением, хотя сам был убеждённым атеистом. Подошла к нему одна старушка, говорит: «Юрочка, я ведь за благополучное окончание твоего полёта молилась». Он ей совершенно серьёзно, без всякого подвоха, отвечает: «Большое спасибо. Видите, помогло».

В селе Клушино, на родине Юры, его окликнула старая женщина: «Юрушка, бога-то там не видел?» «Не видел», — спокойно ответил Юра, но смеяться над старушкой и читать ей лекцию на атеистическую тему не стал. Наоборот, поклонился в пояс и говорит: «Спасибо Вам, Вера Дмитриевна!» Он вспомнил, что эта седая женщина в 1943 году, на третий день после освобождения села от немцев, пустила в половину своего дома школу. «Спасибо, Юрушка, уважил!» — прослезилась Вера Дмитриевна. Не думала она, что Юра вспомнит её

* Шаталов В. А. Космические будни. М.: Машиностроение, 2008. С. 36.

через 20 лет, тем более что Гагарины сразу после окончания войны переехали в Гжатск.

Между прочим, Юрий Гагарин был крещённым.

Когда Юрий Алексеевич, после героического полёта, триумфально объезжал страны мира (он объехал более 50 государств!), иногда возникали интересные и даже курьёзные ситуации.

К примеру, на приёме у королевы Великобритании Елизаветы II в Букингемском дворце требовалось строгое соблюдение королевского этикета. Там всё было расписано до мелочей. Гагарин не знал, конечно, всех этих тонкостей. Он держал себя естественно, просто. Во время завтрака, выпив стакан чая, он достал лимон из чашки и съел его. Это было грубым нарушением этикета, о чём чопорные аристократы сразу зашептались. Тогда сама королева Елизавета, чтобы скрасить неловкость, достала лимон из своей чашки и, по примеру Гагарина, съела его.

Любопытно, что английские монархи приглашали на торжественный завтрак в Букингемский дворец за всю историю только двух русских: до Гагарина это был император Николай I.

Кстати, в зарубежных газетах после полёта Юрия Алексеевича была «утка», что он — потомок знатных русских князей Гагариных, до революции владевших дворцами и крепостными. На пресс-конференциях были вопросы иностранных журналистов по этому поводу. Но интерес пропал, когда Юрий сообщал, что он смоленский парень, а его родители — простые крестьяне, плотник и доярка.

В день прилёта Гагарина на Кубу вся Гавана высыпала на улицы, по которым он проезжал. Когда приземлился Ил-18, разразился страшный тропический ливень. Несмотря на грозу, все встречающие оставались на своих местах, в том числе стояли прямо под дождём Фидель Кастро, Че Гевара и Рауль Кастро.

Учитывая, что на Кубе всегда жарко, для Ю. А. Гагарина в Москве сшили специальную (неуставную) форму: белую рубашку с короткими рукавами, белые брюки, военную фуражку с белыми чехлами. Он выглядел в этой форме очень импозантно и готовился таким красивым предстать перед очаровательными кубинскими мулатками. Когда самолёт подлетал к Гаване, он свою новенькую наглаженную белую форму надел. Все эти приготовления оказались напрасными, так как пошёл тропический ливень.

Вот Гагарин показался на трапе. Кто-то накинул ему на плечи плащ. Но Юрий сбросил его и, пока спускался по трапу, вымок до нитки. Вся красивая форма его намокла и потеряла вид. Но для встречающей толпы он сразу стал своим, близким. Раздались бурные аплодисменты.

С Гагариным на Кубе тесно общались Фидель и Рауль Кастро, вёл с ним душевные беседы легендарный революционер Эрнесто Че Гевара. Все они были примерно одного возраста. Например, Гагарину было 27, Фиделю — чуть больше 30.

Космонавта привезли на отдых в Варадеро. Юра пошёл на многолюдный пляж отеля «Интернациональ». Там был хороший бассейн с вышкой. Юра забрался на самую высокую площадку вышки и прыгнул. Его прыжок вызвал возгласы восхищения и аплодисменты. Сначала космонавта никто не узнавал, но после третьего отличного прыжка кто-то закричал: «Гагарин!» Толпа мгновенно окружила его,

заклучив в объятия. Когда Гагарин зашёл в море, все отдыхающие на пляже пошли за ним. Получился массовый заплыв! Несколько раз он отрывался от плывущих кубинцев и уплывал далеко от берега. Люди, отвечающие за его безопасность, волновались: они не могли заплывать так далеко. По Кубе мигом разнеслась весть, что Гагарин — простой, симпатичный и обаятельный человек, отличный спортсмен.

Гагарину на Кубе хотели устроить отдых. Но какой может быть отдых, когда все тебя узнают, окружают, не дают покоя?

Тогда Фидель Кастро придумал следующее. Юру одели в обычную белую рубашку, без погон, на голову Фидель накиннул ему свой берет. Фидель всюду брал Юру с собой, отвлекая внимание на себя, а космонавта, в таком виде походившего на кубинца, принимали за человека из его свиты. Но через несколько дней секрет раскрыли: один из гаванцев, пристально рассматривающий белого человека в берете, воскликнул на радость толпе: «Гагарин!»

Когда Ю. А. Гагарин находился с визитом в Африке, в Либерии, его привезли в край, населённый туземными племенами. Люди здесь ходили голыми, прикрываясь только набедренными повязками, и жили в хижинах.

Юрия Алексеевича избрали почётным вождём племени, вручили копьё и набедренную повязку, предложив раздеться и скинуть с себя неудобные, неестественные одежды. Гагарин копьё взял, но от раздевания и нанесения татуировок воздержался. Тогда перед ним устроили туземные танцы: чёрные женщины в одних только набедренных повязках плясали по кругу вокруг белого космонавта, а мужчины племени исполнили очень опасный и захватывающий «танец с ножами».

Космонавты в Звёздном городке позже шутили, что нового вождя упрасивали остаться навсегда с племенем, предлагая самую лучшую девушку племени в жёны, потом предложили сразу трёх, но Гагаринде остался верен своей жене Валентине и «родной Коммунистической партии», не остался в Африке.

Ю. А. Гагарин после полёта продолжал служить в Центре подготовки космонавтов, который в будущем был назван его именем. Нередко он выезжал вместе с космонавтами и их дублёрами на Байконур. С ними на космодроме был вездесущий политработник Николай Фёдорович N по прозвищу «наш комиссар».

Однажды вечером N появляется в холле гостиницы, где собрались, тихо отдыхали и скучали члены отряда космонавтов, и заявляет: «Есть новенький анекдот!» Все моментально сгрудились около «комиссара». Но анекдот оказался старым, как говорится, «с бородой». Когда все терпеливо слушали, зевая от скуки, Юрий ускользнул в свою комнату и быстро вернулся. Николай Фёдорович закончил. Гагарин, достав из-за спины ножницы, срезал галстук рассказчика под завязку. «По нашему уговору, у тех, кто рассказывает старые анекдоты, полагается отрезать галстук», — объяснил Юрий Алексеевич опешившему «комиссару». Дружный хохот сотряс стены холла. Лицо Николая Фёдоровича стало багроветь. Но Гагарин вытащил из кармана новый военный галстук защитного цвета и протянул его политработнику. «Предупреждаю всех, — сказал Гагарин, — это у меня последний галстук». Последовал новый взрыв хохота разрядившихся после тяжёлого дня космонавтов.

Юрий Алексеевич был очень самокритичен. Например, никогда не скрывал своих временных неудач юности, когда во время учёбы в Чкаловском (Оренбургском) военном авиационном училище осваивал реактивные МиГи. К примеру, при первых полётах ему не удавались глубокие виражи. Из-за небольшого роста (рост Юрия был 165 см) затруднялась ориентировка при посадке машины. Приземление на полосу МиГа поэтому было иногда неточным. Юра подумал, и приспособил специальную подушку, которую клал на сиденье. После этого он стал хорошо видеть поверхность земли при посадке, обзор улучшился, ошибки исчезли. В дальнейшем настойчивый, упорный и очень способный Гагарин стал замечательным лётчиком, мастерски летал в тяжёлых условиях Заполярья.

Нужно признать, что Гагарину очень повезло с женой. Плохая жена, такая, например, как Натали Пушкина, может за несколько лет разорить дворянина, владельца нескольких имений, и привести к гибели мужа на дуэли, возникшей в результате неверности и ревности. Или всю жизнь так «пилить» и изводить мужа, что в 82 года в самую холодную ночь с 32 рублями в кармане он будет вынужден покинуть свой дом, как это сделал Лев Толстой. Или довести мужа, хотя бы и гражданского, до самоубийства, как это искусно сделала Лиля Брик с Маяковским. Или подушкой задушить, как это случилось с Николаем Рубцовым.

Валентина Ивановна Гагарина — настоящая русская женщина, красавица, отличная верная жена и заботливая мать! На таких-то женщинах и держится Россия. Без них она бы давно погибла!

Они познакомились в Оренбурге, когда Юрий Гагарин учился в Чкаловском военном авиационном училище. На танцевальном вечере в здании училища он увидел прекрасную девушку в простеньком голубом платице, робкую и застенчивую. Юра сразу пригласил её на вальс и, взглянув в глубину светлых карих глаз, был сражён.

Первое свидание Юра назначил Вале... на лыжне в лесу. Он сказал ей при прощании: «В следующее воскресенье приглашаю тебя на лыжную прогулку». Затем пригласил в кино и вскоре напросился к ней домой, чтобы познакомиться с родителями Вали.

Вале Горячевой было тогда 19 лет, Юре — 20. Валя, окончив десятилетку, работала на городском телеграфе, а вскоре поступила в медицинское училище на специальность фельдшера-лаборанта. Она родилась в Оренбурге и до встречи с Гагариным никогда ещё не выезжала из города.

Они полюбили друг друга, сыграли свадьбу. «Всё было как на настоящих русских свадьбах».

Гагарину предлагали после окончания училища остаться в Оренбурге лётчиком-инструктором. Но он попросился на Север. Хотел служить в трудной обстановке, научиться летать в сложных погодных условиях. Этому «странному» решению Юрия многие в училище удивлялись. Некоторые подсмеивались: вместо того чтобы остаться с молодой женой в южном городе на престижной, хорошо оплачиваемой службе, он норовил уехать в суровое, холодное и мрачное Заполярье, в полную неизвестность.

Север стал испытанием для обоих. Юра вначале уехал один. Они решили, что Валентина приедет к нему только после того, как окончит медицинское училище и получит специальность фельдше-

ра-лаборанта. Так и сделали. Но когда жена приехала к Юрию, жить было негде. Затем им дали крохотную комнатку в деревянном доме с печным отоплением. С вечера топились печка, но за ночь тепло выдувало, и при дыхании в воздухе появлялось белое облачко.

Юра в первый год службы был удручён тем, что молодёжь к полётам допускали плохо. Летали они мало. Но постепенно Гагарину стали доверять. Он освоил МиГи, успешно выполнял все полётные задания, в сложных погодных условиях, при плохой видимости, в жаркую ночь научился хорошо летать.

Родилась дочь Лена. Он примчался в роддом, возбуждённый, счастливый. Сам купал дочку, пеленал, носил на руках, укачивал, пел колыбельные песни.

Пришёл вызов в отряд космонавтов. Собрались за один день. В Москве сначала жили в маленькой комнате в помещении казарменного типа. Утром автобус увозил ребят-друзей из отряда космонавтов, возвращались они поздно вечером. Юра всё держал в секрете. Только постепенно Валентина догадалась: кто-то из этих ребят, молодых лётчиков, станет первым человеком, который «полетит на ракете». Юра занимался очень много, до полуночи сидел за столом над книгами, конспектами. Ребята из отряда космонавтов тянулись к нему, негласно считали лидером, добродушно звали «Гагарой», производным от фамилии. Лучшим другом Юры был «блондин» — так называли в отряде Алексея Леонова.

В феврале и марте 1961 года Юра занимался особенно упорно — шли государственные экзамены по программе полёта. На кухне протекал кран, капала вода. Он всё время собирался починить его, но не было времени. Так и не починил до полёта в космос.

7 марта 1961 года родилась вторая дочь — Галочка. В роддом Валю увёз Юра, а затем улетел в командировку. Из роддома Валентину Ивановну с новорожденной забрали мать Юры, Анна Тимофеевна, и Светлана, жена Алексея Леонова. Когда Юра прилетел из командировки, весь так и светился от радости. «Сейчас весна, и имя девочке дадим весеннее — Галчонок», — сказал он, таская дочку на руках.

В конце марта он с товарищами улетел на Байконур. Валя не знала, что он полетит в космос. Утро 12 апреля началось, как обычно. Валентина Леночку отправила в ясли, а сама занималась Галочкой. Позвонила соседка: «Валюша, включай радио! Юра в космосе!»

Гагаринские 108 минут и многие годы небывалого испытания славой... Для населения земного шара он был Космонавтом номер 1, величайшим гением. Но для семьи, родственников и товарищей оставался всё тем же простым молодым парнем — Юрой Гагариним.

Гагарин очень любил своих детей, много времени проводил с ними. Сохранились кинокадры, где он смешно, почти упираясь коленями в руль, ездит по кругу на детском двухколёсном велосипеде, показывая дочерям, как нужно кататься. Увлечённо читает детям книги, загадывает загадки. Юра для детей, по словам его жены, «домой ташил всё живое». В квартире постоянно появлялись то птицы, то зверюшки.

Как-то утром Валя зашла в ванную, а там утята плещутся и утка вместе с ними! Жена хотела вынуть утят из ванны, а утка её в руку клонула. Юра долго смеялся над женой, звал Лену и Галку на помощь: «Идите маму лечить, ей утята пальчики поранили!»

17 февраля 1968 года Юрий Гагарин на отлично защитил диплом в Военной академии им. Жуковского. Это было для него праздником. Ю. А. Гагарин страстно мечтал о втором полёте в космос, более трудном и более продолжительном. Он боролся за это право и обиженно рассказывал жене, что ему возводят преграды, говоря: «Первый космонавт — это символ, не надо рисковать его жизнью».

Юрий и Валентина Гагарины были счастливы. Это была замечательная пара, отличная семья.

Но он не мог не летать, его душа рвалась в небо.

Трагедия произошла 27 марта 1968 года. Гагарин совершал полёт на двухместном реактивном МиГе с командиром полка, Героем Советского Союза, лётчиком первого класса Владимиром Сергеевичем Серёгиным. Полёт был учебно-тренировочным, с задачей отработать технику пилотирования в зоне и по кругу. Такие полёты входят в программу подготовки всех космонавтов.

В 10 часов 19 минут Гагарин поднял самолёт в воздух с подмосковного аэродрома Чкаловский. Судя по магнитофонной записи, голос у Гагарина во время всего полёта был ровный, спокойный, ответы чёткие. Последние слова Гагарина: «625-й! Задание в зоне закончил, прошу разрешения на разворот». После команды руководителя полётов («Разворот разрешаю») — «Вас понял! Выполняю!»

На этом связь прервалась. Пропала отметка самолёта на индикаторе локатора в районе Киржача Владимирской области. Вылетели группы поиска. Наконец, донесение вертолётчика: «Виджу место падения самолёта — в двух с половиной километрах от деревни Новосёлово». Падение самолёта видел учитель из этой деревни Н. И. Шальнов. Он рассказал, что из облаков с рёвом выскочил истребитель и, покачивая крыльями, как по наклонной горке пошёл к земле. На мгновение самолет обрёл прочность и даже, подняв нос, стремился уйти в небо. Но запаса высоты не было, и истребитель с диким рёвом, ломая верхушки берёз, врезался в лес.

О причине катастрофы до сих пор существуют различные версии.

Оба лётчика были очень опытными. Предполётный осмотр показал, что они являлись здоровыми, в останках тел алкоголя и других токсических веществ не обнаружено. Самолёт перед полётом прошёл тщательную техническую проверку. Эти факты исключают часть наиболее простых и обывательских версий.

На мой взгляд, наиболее верна версия Алексея Архиповича Леонова. По его мнению, была нарушена организация полётов. В зону полёта МиГа-15 Гагарина и Серёгина попал, нарушив таким образом инструкции, другой реактивный самолёт. Самолёт-нарушитель в облаках опасно сблизился с МиГом Гагарина и Серёгина, истребитель последних оказался в вихревом следе и попал в штопор на высоте 3000 м, устремившись к земле. Экипаж Гагарина-Серёгина пытался вывести МиГ из штопора, но им не хватило, как показали расчёты, всего двух секунд. Экспертиза установила, что самолёт из штопора выводил Серёгин. К тому же перед вылетом экипаж был информирован о том, что нижняя граница плотной облачности проходит на высоте 900 м над землей вместо 200 м фактических. Находясь в плотных облаках, лётчики не видели землю, не могли хорошо сориентироваться. Землю они увидели поздно, ведь 200 м реактивный самолёт пролетает значительно быстрее секунды.

Заслуживает внимания также версия Владимира Шаталова об одновременной потере сознания обоими лётчиками. По этой версии, события разворачивались так. Гагарин развернул МиГ-15 в сторону аэродрома Чкаловский. В это время на встречном курсе летел сверхзвуковой самолёт Су-15, направлявшийся не на своей высоте (в результате нарушения организации полётов) в сторону аэродрома Раменское. На встречных курсах, в условиях облачности, лётчики могли не видеть друг друга или увидеть на мгновение в момент пролёта. Суммарная скорость полёта самолётов достигала при этом более 2 тыс. км/ч. В момент пролёта встречного Су-15 на высоте чуть выше, чем летел МиГ-15, лётчики (Гагарин или Серёгин), пытаясь отвернуть, рефлекторно резко отжали ручку управления от себя, направляя самолёт книзу. Резкий бросок самолёта вниз привёл к разрушению фонарей кабины и сильному удару лётчиков головами о каркас фонаря, к мгновенной разгерметизации кабины и потере лётчиками сознания. Летали тогда ещё в мягких шлемофонах, которые не могли защитить голову от удара. Самолёт Гагарина и Серёгина с работающим двигателем перешёл в пикирование и столкнулся через несколько секунд с землёй. Очевидно, лётчики ударились о землю, не приходя в сознание.

Эту версию В. А. Шаталов подробно описывает и доказывает фактами, полученными при расследовании катастрофы, в своей книге «Космические будни»*, изданной в 2008 году, почему-то ничтожно малым тиражом.

Версии А. А. Леонова и В. А. Шаталова имеют много общего. Главное, что их объединяет — это факт опасного столкновения с самолётом Гагарина другого реактивного самолёта, который нарушил инструкции и не должен был пролетать в этой зоне.

Пока точку в причинах гибели Гагарина и Серёгина ставить рано. Нужны дополнительные расследования, рассекречивание всех материалов, а также повторное изучение вещественных доказательств, найденных на месте гибели (как известно, они до сих пор хранятся в опломбированных бочках), с использованием новейших достижений науки и современных методик.

Существует негласная этическая норма, разрешающая беспристрастно рассматривать причины смерти известных людей по истечении 50 лет, вскрывая и обнародуя без утайки абсолютно все факты. Поэтому должна быть создана новая, представительная межгосударственная комиссия с привлечением лучших отечественных и зарубежных специалистов, которая, после изучения всех материалов, должна поставить точку в этом деле и раскрыть, наконец, всему миру причину гибели первого космонавта планеты.

После гибели мужа Валентина Ивановна Гагарина, будучи ещё очень молодой, осталась одна с двумя маленькими детьми. Работала она медицинским лаборантом в Звёздном городке, жила в двухкомнатной квартире, доставшейся от мужа. Зарплата среднего медицинского работника в нашей стране всегда была очень мала.

Вот что рассказала о Валентине Ивановне корреспонденту «Комсомольской правды» Тамара Дмитриевна Филатова, племянница Юрия: «Такая молодая, умная женщина, а свою судьбу после гибели Юры так и не устроила! Ведь она была очень красивая! Статная!

* Шаталов В. А. Космические будни. М.: Машиностроение, 2008. С. 38–46.

Огромные карие глаза, чернобровая. А волосы! Бывало, пойдём с ней в баню... И ещё — великолепная хозяйка. От отца, шеф-повара, она научилась хорошо готовить»*.

К Валентине Ивановне многие сватались, в том числе люди, облечённые большой властью и очень состоятельные. Но она осталась верна мужу! И категорически отвергла все предложения.

После гибели мужа жизнь свою она посвятила дочерям. Через некоторое время перестала общаться с журналистами: сначала было тяжело всё вспоминать, от малейшего напоминания о нём ей становилось плохо. Во время перестройки про Юру стали сочинять небылицы, подвергать сомнению значение его подвига. И она перестала уважать журналистов, замкнулась в себе.

Юрий Гагарин...

Один из самых притягательных людей на Земле. Человек с фирменной «гагаринской» улыбкой, добрым сердцем и чистой душой.

Где бы ни был Гагарин, людей всегда тянуло к нему, словно магнитом.

Он проторил землянам путь в космос. Будет ещё много космонавтов, тысячи и десятки тысяч. Но проложил им дорогу к звёздам Гагарин.

Американский художник Рокуэлл Кент сказал: «Русские друзья, ваш Юрий — не только ваш, он принадлежит всему человечеству!»

Жизнь Гагарина оборвалась, словно недопетая песня. Он погиб молодым, в самом расцвете сил. Мы будем стариться и умирать, оставляя после себя кучку пепла. Всё новые и новые поколения людей будут приходить нам на смену. Но Юрий Гагарин — бессмертен, он всегда будет жить в памяти людей, оставаясь навечно молодым!

* Петрова Т. Юрин день // Комсомольская правда. 2001, 12 апреля. С. 12–13.

Олег ЧЕРНЯК

ЕФРЕМЫЧ. Рассказ

Дождаясь окончания погрузки, Ефремыч раз за разом обходил прибывшую после ремонта полуторку. Осматривал он её с прищуром, придиричиво, проглатывая горечь ревности, словно и не машина это была вовсе, а загулявшая жена, вернувшаяся под утро: вроде своя, родная, но в то же время чужая и неприступная.

Ефремыч снял варежку и провёл ладонью по доскам кузова, пахнущим свежей краской. Он нахмурился, покачал головой и ощупал наспех выправленные вмятины на капоте. Пнул по переднему колесу, махнул рукой и сказал:

— Да чего уж там, прошаю! Не виновата ты, всё фашист проклятый! Досталось тебе от него, но мы ещё повоюем. Не дрейфь, не брошу тебя!

Он поднял воротник полушубка и подошёл к грузчикам.

Погрузкой каравана, готовящегося пересечь Ладугу, руководил молодой лейтенант. Увидев водителя, он улыбнулся и спросил:

— Как здоровье, Ефремыч? Говорят, потрепало тебя на днях. Тяжко ездить-то уже?

— Было дело! Меня-то не задело, а вот ласточку мою — да. А на здоровье не жалуясь, не бойсь. Я за рулём с пятнадцати годов, значится уже сорок пять лет шофёрю. Мне в кабине, как у мамкиной титьки, спокойно. Сразу все хвори проходят. Чего везём сегодня?

— Мука. Ещё пять мешков осталось закинуть. Инструкцию напомнить?

— Не смехи, лейтенант! — Ефремыч поправил ушанку. — Мы твои инструкции назубок помним.

— Всё! Отставить разговоры. Езжай! — скомандовал лейтенант, протянул Ефремычу документы и козырнул.

— Есть! — ответил Ефремыч. — С Богом!

— Отставить с Богом! — нахмурился лейтенант. — Ты же коммунист! Значит — за Родину и за Сталина.

— Эх, сынок! На Ладуге атеистов не бывает! Как бомбы повалятся, так и политруки креститься начинают. Уж поверь мне! Сталин-то где? В Кремле, а Бог — он рядом, он поможет.

Ефремыч сел за руль, завёл двигатель и выехал на ледовую переправу, покрытую утрамбованным снегом.

Олег Аронович ЧЕРНЯК родился 18 июня 1961 года в городе Перми. В 1976 году окончил восемь классов физико-математической школы N 9, поступил в Пермский строительный техникум на специальность «Промышленное и гражданское строительство». В 1980 году принят по распределению на работу инженером технического отдела в Пермское отделение Стройбанка СССР. В 1989 году завершил обучение в Пермском политехническом институте. Работал на промышленных предприятиях города Перми. С 2004 года перешёл на работу в систему образования, в настоящее время — директор МАОУ «Центр образования Индустриального района города Перми». Автор восьми книг. Лауреат Пермской городской литературной премии им. А. Ф. Мерзлякова (2019), Всероссийской литературной премии им. Д. Н. Мамина-Сибиряка (2019), Кавалер ордена Достоевского III степени (2020). Член Союза писателей России (2018), член Союза русскоязычных писателей Израиля (2018). Живёт в городе Перми.

Глухая темнота затянула небо над Ладожским озером. Отблеск блёклой луны, словно луч умирающего маяка, скитался в ночной черноте, пытаясь пробиться сквозь беспросветные мрачные тучи.

Фара полуторки, закреплённая на побитой осколками снарядами дуге, была наклонена. Её слабый свет позволял видеть дорогу не больше чем на метр. Караван ехал медленно: гнать по ледовой дороге запрещала инструкция, да и приближаться к идущей впереди машине было небезопасно.

Ефремыч крутил баранку и поглядывал на небо. После прошлой бомбёжки он не мог избавиться от появившегося страха. Это ноющее чувство застряло в груди часа через два после атаки немцев. Сначала, когда он услышал треск разлетающегося кузова и грохот скрежещущих по капоту осколков, страха не было. Он выпрыгнул из кабины, откатился в сторону и прикрыл голову руками. Тогда он думал только о том, что правильно сделал, держа дверь открытой всю дорогу: так делали многие, ведь это был единственный способ выскочить из машины во время бомбёжки. Пусть мороз выжигает лицо, пусть снег залетает в кабину, пусть ноги пронизывает холод, будто валенок и вовсе нет. Всё это мелочи по сравнению с заклинившей дверью полыхающей машины, когда пути к спасению просто нет. А вот потом, когда всё закончилось и он узнал, что от каравана из тридцати машин осталось только две, то впервые за шестьдесят лет понял, что боится. Боится по-настоящему, до дрожи в коленях, до головокружения.

«Ну а как ты хотел? — спрашивал он себя. — Война!»

Страх ненадолго отступал, а скорее затаивался, чтобы подкопиться силы и набраться снова. Тогда Ефремыч вспоминал кадры из документального фильма, который показывали водителям перед первым рейсом. Фильм о кошмаре, происходящем в блокадном Ленинграде. Он вспоминал измождённых от голода детей, трупы, лежащие на улицах города, и людей, безучастно проходящих мимо, шатающихся и падающих замертво. И никто из прохожих даже головы не поворачивал в их сторону. Люди привыкли к смерти, но к голоду привыкнуть нельзя. Он хорошо запомнил их почерневшие от горя лица, по которым невозможно было понять, ребёнок это или проживший долгую жизнь старик. Запомнил ввалившиеся, скорбные глаза и впалые щёки, и тончайшую посеревшую кожу, обтягивающую торчащие скулы.

«Вот видишь, — опять говорил он себе, — ты их единственное спасение! Они ждут тебя, и без тебя им никак. Так что не дрейфь, Ефремыч, прорвёмся!..»

Вдоль тёмной дороги мерцал свет — это женщины-регулирующие указывали путь. Они стояли в линию, метрах в пятистах друг от друга, и держали в руках зажжённые фонари. Если под какой-то из машин начинал трещать лёд, регулировщицы моментально отходили в сторону, чтобы обезопасить караван от затопления и направить его по другому пути. Водители боготворили их и называли богинями, хотя напоминали они огромных снежных баб. Стоять на трескучем морозе всю ночь было невыносимо. Если тело защищали ватные штаны, телогрейка, натянутый поверх неё тулуп и плотный белый маскировочный костюм, то ноги и лица раздирал мороз. Ни

К 80-летию начала Великой Отечественной войны. 22 июня — День памяти и скорби

валенки, ни намотанные до глаз шарфы не мешали пронизывающему ветру испытывать женщин на прочность. Куржак оседал на их бровях и ресницах, обмороженные носы чернели и становились похожи на дряблую запечённую картошку.

— Бедные мои, — глядя на регулировщиц, шептал Ефремыч. — Как же вам трудно, милые!

Проезжая мимо них, он кричал:

— Держитесь, девчонки! Нам без вас никак!

Он не ждал ответа, понимая, что от усталости у них не было сил даже просто кивнуть.

— Чёртова война! — заорал Ефремыч, стряхнул застывшие на щеках слёзы и заколотил по рулю. — Жаль, на фронт не взяли! Рвал бы сейчас гадов зубами, ох бы рвал!

Он прислушался: издалека потянулся нарастающий тревожный гул. Мгновенно включились прожекторы. Яркие широкие полосы заметались по небу в поисках немецких самолётов. Гул становился всё громче, и машины прибавили скорость. В острых лучах прожекторов Ефремыч увидел летящие бомбардировщики: чёрные, страшные, как огромные вороны, они кружили над дорогой, разрывая ночную тишину рокотом моторов. Загрохотали зенитки. Окутанные дымом гильзы вываливались на снег и стучались друг о друга с тревожным звуком набатного колокола. Но заградительный огонь не приносил нужных результатов. Меняя высоту, самолёты начали бомбёжку.

— Господи, пронеси! — прошептал Ефремыч, перекрестился и вдавил педаль газа в пол.

Один за другим гасли фонари регулировщиц. Изуродованные тела женщин разбрасывало в разные стороны, белые маскировочные костюмы пропитывали тёмно-бурые пятна.

— Господи, Господи! — шептал Ефремыч, ожесточённо выворачивая руль.

Едкая копоть от горящих машин и зениток вривалась в кабину через открытую дверь и шипала глаза. Колющие слёзы текли по нечувствующим мороза, красным, обветренным щекам. От яркого пламени стало совсем светло. Ефремыч взглянул в треснувшее боковое зеркало: позади полыхала разбитая техника. Казалось, что огонь охватил дорогу со всех сторон.

Удар по кузову был такой силы, что Ефремыч выпустил руль и вылетел из машины на снег. Задние колёса с грохотом лопнули. Полупорка замерла, как вздыбленный конь, задрав капот к небу. Постояв секунду, она завалилась набок, и тут же прогремел взрыв взорвавшейся бомбы...

— Живой, — прошептал Ефремыч.

Он не услышал себя: его голос растворился в протяжном звоне, наполнившем голову. Кровь сочилась из ушей, и капли её рубинами замерзали на воротнике полушубка. Встать не удалось, раздробленных ног он не чувствовал. Ефремыч попробовал пошевелить ими, но из этого ничего не вышло. Ватные штаны, разодранные осколками снаряда, медленно пропитывались тёплыми, липкими подтёками. Ефремыч выдернул ремень, перетянул им одну ногу и огляделся. Метрах в трёх от него, у разбитой зенитной установки, широко

раскинув руки, лежал мёртвый военный. Ефремыч подполз к убитому, снял с него портупею и перетянул вторую ногу.

Голова кружилась, он лёг на живот, закрыл глаза и потерял сознание. Неуёмный ветер срывал с дороги снежную крупу, поднимал, закручивал и снова швырял вниз, словно пытался затушить бушевавшее вокруг пламя. Но огонь не унимался. Топливо, выливающееся из взорванных машин, подхватывало его и разносило всё дальше и дальше.

Минут через двадцать Ефремыч очнулся. Он поднял голову, размазал по щеке набежавшую кровь и посмотрел по сторонам: рядом валялся присыпанный снегом мешок с мукой, уцелевший после бомбёжки. Ефремыч снова вспомнил кадры из фильма: измождённые, серые лица детей и стариков, умирающих от голода в блокадном Ленинграде.

«Сдохну, но дотащу! — подумал он. — Пока есть силы, нужно выбираться».

Откинув варежки, он ухватил мешок за углы, подтащил его к себе и разжал покрасневшие руки. Опираясь на локти, он немного прополз вперёд и вновь подтянул мешок к себе. Снег набивался в рукава, ветер хлестал в лицо. Валенки давно сползли с обездвиженных ног. Пропотевшие, застиранные портянки примёрзли к ступням, но Ефремыч не чувствовал ни боли, ни изнуряющего мороза. Он полз к берегу, оставляя после себя красные извилистые полосы.

Его нашли утром в ста метрах от оборонительного рубежа. Солдаты долго не могли разжать окоченевшие чёрные руки, обхватившие серый мешок с подмокшей мукой...

Александр АБДУЛАЕВ

МЕЛОДИЯ ВОЙНЫ. Рассказ

Рассказ записан со слов Алексея Зайцева (принимал участие в боевых действиях в Афганистане в 1979–1981 гг.).

Перед призывом на армейскую службу я успел окончить Чайковский политехникум лёгкой промышленности по специальности техник-механик. Успешно защитился и заодно получил водительские права. Немного передохнул и устроился в АТУ «ВГЭСС», на старенький, потрёпанный дорогами стройки самосвал ЗИЛ-555. Оформил документы в отделе кадров, и на следующий день вместе с завгаром, высоким и загорелым мужчиной, пошли в дальний угол, где стоял самосвал. Переднее колесо спущено, капот помят, и, видимо, кроме меня, никто не рискнул сесть за руль этого драндулета. Несколько дней занимался ремонтом, с волнением сел в кабину, повернул ключ зажигания, и двигатель заурчал под синим капотом, признавая во мне хозяина.

Утром получаю в диспетчерской путёвку, и сразу еду по дороге через шлюз на бетонный завод под погрузку и дальше — на строительные объекты: в то время город активно строился и росли новые дома. Так всю смену и кручусь по стройке. Лето... Солнце припекает сквозь стекло. После смены помыл машину на мойке, и мой зилко стоит почти как новый. Мне даже становилось немного грустно от того, что скоро мы с ним расстанемся, и он, работяга, всё понимает и не ломается.

После дневной смены прихожу домой, и отец, увидев меня, протягивает небольшой листок бумаги и говорит взволнованно:

— Вот, сынок, тебе повестку прислали из военкомата. Отправка команды задерживается на неопределённое время. Так что жди, известят.

Стоим на месте и смотрим друг на друга. Возникла неловкая пауза. Повертел её в руках и, пожав плечами, отвечаю ему:

— Хорошо, буду работать, пока не прояснится ситуация.

Следующие дни потянулись маетно, всё думал, скорее бы призвали, одnogодки уже в армии и приняли присягу. Всё разрешилось только к середине июля 1979 года. Отработал полную смену, потом поставил свой самосвал на место, обошёл вокруг и отнёс ключи

Александр Шарифович АБДУЛАЕВ родился 6 октября 1955 года в городе Душанбе ныне Республики Таджикистан. Окончил Чайковский политехникум лёгкой промышленности (1984), факультет риторики университета марксизма-ленинизма Пермского обкома КПСС (1991). Работал в тресте «Воткинскгэсстрой»: прошёл трудовой путь от рабочего до начальника участка СУ-2. Участник ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Первая творческая публикация относится к 1975 году. Первая книга вышла в 1998 году (в соавторстве) — «Имя сей звезды — горькая полынь». Автор более десятка книг. Заслуженный работник культуры Удмуртской Республики (2014). Член Союза писателей России (2008). Лауреат нескольких литературных премий и конкурсов. Кавалер ордена «За личное мужество», ордена Достоевского I степени (2017). Живёт в городе Чайковском Пермского края.

завгару. Он, увидев меня, вышел из-за стола, протянул руку, пожелал отслужить честно и достойно. Ему ответил коротко и просто:

— Постараюсь.

Нас, десятиртых городских новобранцев, собрали у военкомата и в сопровождении офицера отвезли на пермский сборный пункт. Там недолго пробыли, приехали «покупатели» из части. У рослого кудрявого сержанта, который приехал за нами, я поинтересовался по поводу дальнейшей службы. Он посмотрел на меня как-то недоумённо, и чётко, по-военному, вразумил, что служить придётся на самой южной точке Советского Союза, городе Кушка. И этим надо гордиться. Некоторое время я мысленно напрягался, вспоминая обширную карту страны, и успокоился тем, что дальше уже никуда не пошлют. Тогда все школьники знали, что Кушка находится в Туркмении.

Команда из двухсот пятидесяти призывников в сопровождении офицера и сержантов поездом добралась из Перми до Свердловска и, сев на площади возле вокзала в переполненный автобус, через некоторое время оказалась на аэропорту Кольцово. В душном и насквозь просвечиваемом стеклянном помещении вокзала томились коротко стриженные ребята. Впереди ждала глухая неизвестность. Время ещё оставалось, и я, отпросившись у сержанта, решил побродить возле вокзала, подошёл к ограждению и с интересом смотрел, как взлетают в небо пассажирские самолёты, похожие на белокрылых птиц. Короткий разбег — и самолёт круто взмывает вверх, в белёсое небо.

Сопровождающие, разбив нас на небольшие группы, посадили на Ту-134, и самолёт, разбежавшись по ВПП, набрав свой эшелон, взял курс на юг, в Ташкент. В иллюминатор была видна тайга, она зелёным ковром тянулась к горизонту. На солнце блестят небольшие озёрные блюдца. Кое-где тайга прорублена, и по лесным коридорам тянутся высоковольтные линии ЛЭП.

Ташкент, как потом оказалось, — это перевалочный пункт на войну. Красивый город, манящий тенью густых аллей, блеском струй фонтанов и запахом восточной кухни. Там дембеля, вернувшиеся с войны, пили вино, забываясь от недавнего прошлого. Обнимались на прощание с боевыми друзьями, с едва новыми знакомыми и разъезжались по городам и весям. Ташкент встретил азиатским зноем и незнакомой музыкой, которая лилась из динамика на столбе возле железнодорожного вокзала. Тут же на привокзальной площади под белым навесом торговал улыбчивый смуглолицый узбек с короткой стрижкой. Он одарил нас золотой улыбкой полных губ и радушно пригласил, будто увидел в нас своих старых знакомых:

— Подходи ближе, угощу так, что пальчики оближешь! Не стесняйся, подходи... Плов, шурпа, что душа пожелает.

Опять общий вагон в длинном составе. В открытое окно доносится удушливый запах от локомотива. Приехали в Ашхабад, и дальше в путь, всё ближе к афганской границе. Кушка — наш конечный пункт, наконец-то приехали, в окно виден пограничный наряд. Небольшой городок, в основном там военные, и стоит несколько полков. Они доукомплектовывались контрактниками и новым призывом, боевой техникой по штату военного времени.

Река Кушка мелководная и в летние знойные дни, когда температура воздуха поднималась выше сорока градусов, мелела или совсем высыхала. Кругом сопки. Старожилы рассказывали, что

весной все склоны — красные от цветущих маков. На самом верху стоит десятиметровый Южный крест, его поставили в честь трёхсотлетия дома Романовых.

Над головой солнце — огромный жаркий диск, и мы стоим на прокालённом дивизионном плацу. Молодых солдат построили и стали сортировать по специальностям. Так я попал в автомобильный батальон материального обеспечения. На своей машине возил кирпич, дивизия обустроивалась, все объекты строили сами. Всё время хотелось пить. Вода имела свою ценность, ни с чем не сравнимую. Сколько стоит стакан воды в пустыне? Наверное, за него можно отдать всё... Строго предупредили: из открытых грязноватых водоёмов и арыков воду не пить, можно подхватить целый букет болезней. Питьевую воду возили издалека в цистерне. Чай, заваренный из верблюжьей колючки, прекрасно утоляет жажду. Такой чай — необходимость; у азиатского климата свои условия.

Солдатская казарма внизу, и если подниматься вверх по «гадовой» дороге, то упрёшься прямо в туалет на два очка. Под лестницей в прохладе нашла себе место азиатская кобра. О ней слышал от некоторых солдат, но не видел до тех пор, пока однажды у меня как-то подозрительно не закрутило, не заурчало в животе, и, перепрыгивая сразу через несколько ступеней, я мчался вперёд к сортиру. Краешком глаза увидел заползающую под бетонную лестницу кобру, а точнее её хвост. Меня пробрала дрожь, по спине скользнули быстрые капли пота. Остановился, чтобы посмотреть, в какую сторону бежать. Кобра выползала охотиться по ночам; днём, если её не тревожили, она, свернувшись, лежала в своей норе.

Афганистан был неподалёку, примерно с километр. В Кушку за бензином и соляркой приезжали афганские водители на больших машинах немецкой марки «Мерседес». Смотрели по сторонам колкими чёрными глазами. И приезжали не только за топливом, но и поторговать из-под полы втихаря травкой, затяжка которой уносила в сладкие грёзы и отрывала от реальности.

Наша часть жила своим обыденным армейским укладом: строительство объектов, в промежутках замполит проводил политзанятия для укрепления солдатского духа. О войне старались не говорить ни слова, хотя в воздухе уже витал пороховой запах, приносимый с афганской стороны.

Так моя армейская жизнь текла своим чередом до 11 декабря 1979 года. В час ночи дежурный по роте поднял всех по тревоге. Меня послали на машине за командиром, он жил неподалёку. Приезжаю, настойчиво стучу в дверь. Командир выходит на площадку заспанный. Я докладываю, что нужно срочно возвращаться в часть. Он, глубоко зевнув, и сказал:

— Ты вот что... Езжай обратно в часть и уточни, тревога боевая или учебная.

Потом, когда я уже выходил из подъезда, он крикнул мне в спину:

— Подожди... сейчас выйду.

Стою возле машины, разглядываю звёзды, вижу, как окно на втором этаже ярко вспыхнуло, отбирая у ночи небольшой кусочек. В нём мелькали две фигуры, одна была женской.

Вернулся в подразделение. Получил автомат, патроны и, хлопнув дверцей машины, занял своё место в колонне, и она двинулась

в сторону артиллерийских складов. Мой «Урал» переделали для транспортировки зарядов для реактивной системы «Град», они умещались в кассете по сорок штук, как раз для одного залпового выстрела установки. После загрузки переехали на запасную площадку, там мы спали прямо в кабинах, ждали приказа. Изредка выводили на полигон пострелять из автомата Калашникова и учили бросать наступательную гранату РГ-42. Жили слухами: вот-вот отправят в Афганистан оказывать помощь дружественному афганскому народу.

Так прошли две недели, и мне они показались целой вечностью. Все гадали, встретим Новый год в части или уже будем на сопредельной территории. Ранним утром 28 декабря, когда ещё висела ночная темень, в небо взметнулась зелёная ракета. Завожу двигатель, крепко держу руль. Вскоре колонна машин, оставив после себя клубы дыма, поехала в сторону государственной границы. Так полки пятой мотострелковой дивизии втягивались в войну. Проезжаем по Кушке, и казалось, что почти все жители вышли на улицы. Мы уезжали в неизвестность и не догадывались, что нас будет ждать впереди. В свете фар мелькали женские фигуры, они на прощание махали руками, кто-то бросал на машины цветы, один небольшой букет прилетел прямо к лобовому стеклу, и это было напоминанием о прошлой мирной жизни. Я долго потом вспоминал букет.

Государственную границу проскочили не останавливаясь. Позади остался родной дом, в который я должен вернуться обязательно, во что бы то ни стало. По дороге обгоняли дехкан, местных крестьян. Они останавливались и с нескрываемым интересом разглядывали нас. Некоторые шли даже босиком, бедно одеты. Зима, холодный ветер треплет и пронизывает их хилую одежку. Обгоняю серого ослика, на котором сидит ещё не старый чернобородый афганец в чалме, а сзади идёт жена в тёмной чадре на голове, что-то несёт в узелке. У них ещё только 1358 год по мусульманскому летоисчислению и реальный феодализм в жизни.

Наш маршрут — в Шинданд через перевал Мир-Али, высота 1733 метра. Дорога хорошая, асфальт, колонна движется без остановок, наматывая на колёса километры. Прошли Герат, город раскинулся в низине. По обочинам дороги вытянулись голые стволы тополей, они, словно часовые, охраняют нас. Кандагар даже удивил: на улицах работают светофоры, стоят регулировщики. При виде колонны движение сразу прекращают, и мы без препятствий проезжаем. В центре города дома двухэтажные, за домом обязательно раскинут сад. Летом эти сады — словно спасительные небольшие островки в море жары и зноя. Конец марта, начало апреля — всё кругом полыхает красным цветом маков. Они везде: и тянутся по холмам, и убегают дальше, и вспыхивают далеко пятном. Красиво, но пройдёт неделя, и всё исчезнет, останется только зыбкий мираж и верблюжья колючка.

Так потекли день за днём, месяц за месяцем. Служба как служба, ездил за продовольствием и обмундированием в Кушку, несколько раз в город Мары, он тоже в Туркмении. Сначала войны на дорогах подрывов особо не было. Дехкане первое время относились к нам хорошо. Увидят нас, и приветливо машут руками: «Шурави, шурави!» Местная ребятня гонялась за машинами, кланчила хлеб или сахара.

В 1980 году едем по трассе в сторону Герата. В колонне машины с боеприпасами, двигатели натужно гудят. Колонна останавливается,

и выясняется, что сломалась одна машина: заклинило задний мост. Прижимается к обочине, и мимо нас идёт армейский автобат с продуктами. Ребята нам посигналили и ушли вперёд, навстречу своей смерти. На войне не знаешь, где она поджидает тебя. Они проехали около ста километров и напоролись на засаду. Душманы били из гранатомётов всегда по первой и последней машине, колонна сразу беспомощно вставала, и её начинали расстреливать из всего оружейного арсенала. Плохо, если колонна движется без вертолётного прикрытия с воздуха. Итог нападения: трое «двухсотых», шестеро «трёхсотых». Те «двухсотые» скоро улетят домой на «Чёрном тюльпане» и принесут горе и слёзы родным.

Водитель ГАЗ-66 весь обстрел от шока не выходил из кабины. Молодой был, ещё пороха не нюхал, и не смог выпрыгнуть из машины, прихватив автомат, и уткнуться лицом в землю. Оказался счастливым и чудом остался в живых, хотя вся кабина, как дуршлаг, в пулевых отверстиях, а он ничего. Потом его вытаскивали оттуда двое солдат, он сидел весь полотножно-бледный и мёртвой хваткой держался руками за баранку, не веря, что остался живой.

1981 год — мой дембель. Ждешь его, родимого, словно манны небесной, а он приходит ко всем по-разному. Ко мне явился в лице командира роты. Ночью дневальный по роте будит меня и почти шепчет:

— Иди... Командир зачем-то тебя срочно вызывает.

Спросонья ничего не могу понять. По-быстрому одеваюсь. Стучусь в дверь:

— Заходи! — слышу громкий голос. Ротный смотрит на меня ясными глазами почти в упор: — Домой хочешь?! — и, не давая мне опомниться от нахлынувшего счастья, добавляет: — В пять утра вертолёт летит на аэродром в Шинданд. Быстро подписывай обходной и домой, иначе передумаю.

Последние слова я не дослушал, так как был уже в дверях.

На аэродроме просидел, как на иголках, весь день. На бетонку ВВП приземлился Ан-24 из Союза, вскоре сел транспортник Ил-76, и я вижу, как по рампе выходят молодые солдаты после «учебки», ещё не обстрелянные.

После полудня нас, дембелей, посадили в вертолёт Ми-8, летим, и над горным перевалом все без команды встали и запели во весь голос «Интернационал». Радость возвращения домой переполняла душу.

Потом сел на поезд, и только через восемь дней оказался дома. Жили мы на Уральской, возле хлебокомбината. Подхожу ближе к дому и вижу — стоит отцовский автобус, он приехал на обед. Я постучался в дверь, и слышу материнский голос:

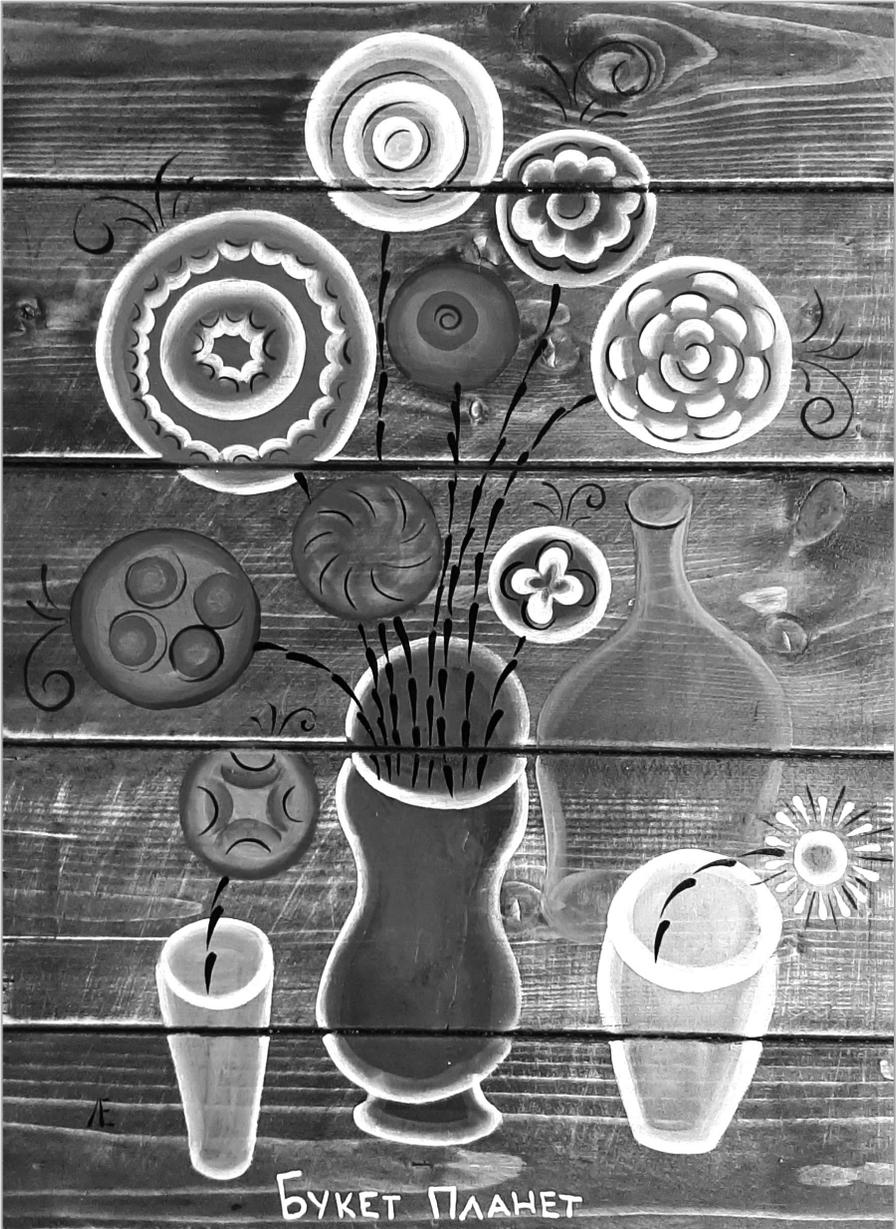
— Кто там? Проходите...

Видимо, меня ещё не ждали. Иду на голос. В прихожей темно. Мать на кухне, и только увидела, сразу в слёзы... Держала что-то в руках — всё выпало и покатилося по полу. Смотрим друг на друга, вижу, как у неё начинают подрагивать глаза, и полились слёзы. Уже вечером всей семьёй посидели за столом, поговорили о жизни. Никто не спрашивал о войне, не хотели меня тревожить. Мысленно я пока был ещё там. За окном стемнело, я вышел подышать на улицу, кругом стоит теплынь, а меня что-то озноб колотит, курточку на себя накинул, а согреться не могу.

Потом война приходила часто по ночам, во сне. Проснусь и не могу понять, где я, полежу с открытыми глазами, вслушиваясь в тишину, потом снова усну.

Работал на пассажирском автобусе, и как-то проездом оказался в Свердловске. В небольшом привокзальном павильончике купил пластинку ансамбля «Голубые береты». Поставлю в проигрыватель, слушаю мелодии войны, и сердце иногда так режёт, что дышать трудно.

Уходили на войну мальчишками, возвращались оттуда повзрослевшими мужчинами. Не трусили и не прятались за спины своих товарищей. Выполнили свой интернациональный долг, понимая, что по-другому нельзя. Теряли боевых друзей, обретали новых. Война испытывала на прочность в рейдах по горам, на прострелянных автомобильных дорогах. Вернулись домой живыми, храня память о погибших друзьях. Уходили неверующими, а вернулись невредимыми, может, благодаря безмолвным молитвам матерей.

Часть 2

Нина БОЙКО

ЖУРАВЛИ. Рассказ

Странные вещи порой бывают. Придёт на память давно позабытое, прижмётся к душе и не отпускает. То ли картиной встанет, то ли отдельными звуками, но забирает тебя целиком, и ты уже больше находишься там, чем в реальности.

Так вот случилось с Лёшей. Ехал в троллейбусе, солнце светило в окно, припекало, и он «оказался» в деревне, в апреле, встречая весну под крик журавлей. Летели они широко, стая большая, и крик был счастливым. Следом за ними Лёша увидел свой дом возле школы, мать в огороде, увидел отца, он шёл от конторы, — старый пиджак на плечах, линялая кепка...

«Сколько мне было? Лет семь? Застреха была с воробьями, один воробей по утрам садился на банную крышу и без конца повторял своё имя: «Филипп! Филипп!»

Встало то утро перед глазами. Травка-муравка в росе, сверкает как электрическим светом, отдельные капли особенно сильно, даже смотреть тяжело. А возле бани лежит под телегой Франтик — маленький золотой жеребёнок.

Он чуть не проехал свою остановку. Вышел у рынка, где собирался купить что-нибудь. И когда шёл меж рядами под ясным июньским небом, всё думал: «Надо бы съездить, глянуть на бывший наш дом. Может, знакомые кто-то остались? Васька сосед. Рыжий такой... Была ещё девочка Люба с тонкими ножками...»

Вернувшись домой, Лёша всерьёз решил ехать в деревню. «Да хоть развеюсь, уже опостыло всё».

Жена удивилась, услышав, что он собирается ехать.

— Дурью-то маешься! Там уже нет никого. Может быть, даже деревни нет. Что ты, не знаешь, что с деревнями творится?

— Ну, если и нет никого, так хоть журавлей услышу.

— Был ты Лёшей, и Лёшей останешься!

Он был токарем высочайшего уровня. «Дайте мне чертежи, я хоть чёрта вам выточу!» Ночь ли, полночь, во время авралов за ним приезжали с завода: «Лёша, давай выручай!» И он вставал у станка. С ним расплачивались отгулами.

— Хоть бы раз тебе премию дали! За «Лёшу» держат, — ругалась жена.

Но ему нравилось, что он Лёша, он как-то моложе себя ощущал, хоть было ему почти пятьдесят.

Нина Павловна БОЙКО родилась 23 октября 1950 года в городе Губахе ныне Пермского края. Окончила Пермское музыкальное училище по классу фортепиано. Жила и преподавала на Урале, Алтае и в Грузии. В творческой деятельности тяготеет к прозе. Публиковалась в различных периодических изданиях, в т. ч. альманахе «Литературная Пермь». Автор нескольких книг. Член Союза писателей России (1998). Дипломант Международного фонда славянской письменности и культуры (номинация «Рассказ», 2005), обладатель звания «Серебряное перо Руси» (номинация «Очерк», 2010), лауреат литературной премии им. А. Платонова (номинация «Рассказ», 2011). Кавалер ордена Достоевского II степени (2014). Живёт в городе Губахе Пермского края.

— Зато, если надо куда, не отказывают!

— Нет, я не знаю, ну как это можно не настоять на оплате! Что у нас, лишние деньги? Были бы лишние, я бы не занималась панно.

В шкафу у жены среди старых газет и книг о болезнях компартии стояла коробка с крапивой. Не ленилась ходить к бывшей конторе рыбхоза рвать там крапиву с куколками. Время от времени в коробке начинало шуршать — из куколок выводились бабочки, ползая по засохшим листьям. Бабочки были жалкие, мелкие, жена брала их за сложенные крылышки, нажимала на грудки, и бабочки умирали. Обтянув холстиной картон, из сухих листьев и трав она создавала некий пейзаж, лепила на него бабочек и украшала стеклом и рамкой. Продавала на рынке, где в дальнем углу торговали картинами. У неё покупали, — оригинально.

— А знаешь, — Лёша вскипел, — мы даже у кошки бабочек отнимали, отпускали на волю!

— А люди берут, люди берут... — отбивалась жена.

— Ты бы ещё лягушек ловила, сдирала с них кожу и набивала трухой! Тоже возьмут.

Жена заревела.

И вот он ехал на поезде. Плацкартных билетов не было, только купе. Он ненавидел купе — клетка два на два на четырёх человек, а если старуха едет, то даже дверь не открыть — будет стонать, что продует.

У него была нижняя полка. Напротив сидела скучная дама, жевала от нечего делать. Вместе с ней ехали девочки: одной лет тринадцать, другая постарше. Им не сиделось на месте, надевали высокие туфли без пяток и ковыляли в них в коридор. Лёша брезгливо смотрел на их шорты с почти оголёнными попами, на бледные спины и животы, прикрытые сверху. Не выдержал, высказал женщине:

— Что вы как пугал-то их наряжаете?

Та перестала жевать.

— Они не мои, к бабушке едут; мать попросила, чтоб я приглядела за ними, нам по пути. — И отвернулась к окну.

Девицы всё шлялись куда-то, а к ночи явились пьяные в дым. Следом за ними вошёл проводник.

— Из ресторана их вытолкал. Надо смотреть за своими детьми! Женщина дёрнулась, встала. Младшую девочку вырвало.

— Тряпку в уборной бери и ведро! — проводник прошагал к себе.

Пока, чертыхаясь, босая соплюха елозила тряпкой по полу, вторая залезла на полку, и, не сдержавшись, плеснула рвотой.

— Я застираю, я застираю... — залепетала.

Обе сестры долго плескали в уборной, выползли мокрые, с простыни на пол стекала вода.

Лёша стоял в коридоре. Целую ночь провёл у окна, чтоб не дышать перегаром в купе. «Вот же поганки! — не мог побороть злость на девчонок. — Сопли ещё не обсохли, а в ресторан потащились! Лет через пять истаскаются в стельку. Мать-то родная что смотрит? Тоже, наверно, «продвинутая»? А в ресторане ослепли, не видят, по сколько им лет? Выручку надо. Скоты!»

Он только однажды присел в эту ночь — когда проводник пригласил его чаю попить, — сжалился, видно.

В восемь утра Лёша забрал свою сумку. В купе было душно. С полки свисала непросохшая простыня. Младшая девочка, жалко согнувшись, лежала лицом к двери. Женщина ровно храпела.

«Чурка и чурка!» — подумал о ней.

На станции вышел.

Мирно тут было и как-то особо приветливо. Сел на скамейку. Ноги, уставшие за ночь, смогли отдохнуть.

Прошёл на вокзал справиться, где автостанция.

— А вам куда?

Лёша назвал.

— В двенадцать пойдёт.

— Откуда?

— От магазина «О'КЕЙ!»

— Где это?

— Рядом.

Пришлось bestолково бродить по нищенским улицам, где ещё были бараки в два этажа. Заглянул на базар — там продавали калоши, парниковые огурцы, эмалированные тазы, хлеб. Купил два огурца и лаваш. Поел. В село он приехал в третьем часу. Направился к школе, помня, что там был их дом. Но, увы, — школа стояла на месте, а дом их исчез. Да и улица тоже: дом — и пустырь, дом — и пустырь. И никого во дворах! Хоть бы куры бродили.

«Где Васька жил? — Лёша чуть не заплакал. — Кажется, там, наискось? А Люба от Васьки близко».

Начал смотреть по дворам, кликать хозяев. Из дома с кривой верандой вышла в галошах на босу ногу девушка.

— Вам кого, дяденька?

— Да вот приехал... Когда-то здесь жил. — Он не нашёлся, что говорить. — Васю увидеть хотел, дружка моего. Вот тут где-то дом его был.

— А он уехал. Давно. Дом у него на дрова раскатали.

Он обернулся, куда она показала: куча заросшего мусора.

— А Люба? Девочка с нами дружила.

— А-а-а, то моя мама, она умерла.

— Как умерла?! Почему?

— Спиртом она торговала, вот сама и запилась. Повесилась на чердаке.

Лёша невольно вздрогнул.

Из дома шмыгнула девочка лет девяти, заинтересованно открыв рот. За ней показались ещё две девочки — маленькие; смотрели на Лёшу как на диковинку.

— Мама, мама, кто к нам пришёл?

Лёша окинул девушку взглядом и не поверил, что дети её.

— Ваши ребятки? — спросил.

— Да, все мои.

— Гм... У кого бы мне встать на постой? На сутки.

Девушка сморщила лоб:

— Да вон, ближе к озеру, наш богатея живёт. Может быть, пустит.

Лёша направился к озеру. Помнил его, помнил, как с Васькой и Любой там разводили костёр, небольшой, чтобы только поджарить на палочке хлеб. Помнил, как глухо шумели над озером сосны — красные, мощные.

Сосен теперь уже не было.

«Вырубить лес! — ужаснулся. — А водоохранная зона?»

Озеро словно раздели и насмеялись над ним, беззащитным.

Дом богатея стоял на пригорке, был обнесён крепким забором с еле заметной калиткой. Лёша окликнул хозяев, — раздался бешеный лай. Долго никто не являлся. Но, наконец, вышел мужчина — плотный, румяный, спросил:

— Что нужно?

Лёша ответил. Мужчина повёл его в дом, отгоняя огромных псов. Вышла из дома хозяйка — полная, белая.

— Место найдётся, — сказала, узнав, для чего он пришёл.

— Я заплачу!

— Не надо, не бедные.

Пригласила к столу, поставив сырники с мёдом.

— Пасеку держите? — Лёша взглянул на неё.

— Да. Овцы, корова, всё у нас есть.

— А село умирает, я вижу.

— Поди, не умрёт до конца. Но плохо живётся людям.

Она подала ему чай, булку и масло.

— Заводик здесь был, — сказал Лёша. — Делали масло, сгущёнку.

Мама работала там.

— Было, всё было, — женщина шумно вздохнула. — И неплохая зарплата была. И не пили по-скотски, как нынче. Зачем уничтожили? Муж мой пытался наладить хозяйство, да разве что сделать? Ещё ни гроша прибыли нет, а уж налоговая с облавой. А следом — «крутые» свои проценты требуют. Тут ведь даже коров не продать. Свои не возьмут, а чужие — опять только через «крутых» да «крыши». У нас по соседству деревня была: школа большая, ферма, дома на совесть построены. Колька блаженный пас частное стадо. Ох, вы бы видели, как он встречал журавлей! Летят по весне, он руки по швам, да так и замрёт. А осенью машет им, плачет... Но ферма не стала брать молоко, даже задёшево — «нет, не берём». Коров извели, пропала деревня. И Колька пропал — пьяный замёрз.

Тяжко нависло молчание. Лёша спросил:

— А здесь-то школа работает?

— Двадцать один ученик. Было пятьсот. Нынче, сказали, закроют, будут детей в город возить. Бардак несусветный! Вы нашу дорогу видали? Всю лесовозы разбили. Автобус как заяц петляет. Вот по такой детей повезут!

Лёша поел, и снова хотел дать денег, хозяйка, смеясь, отмахнулась. Муж и жена стали показывать Лёше усадьбу. Лёша смотрел на цветы, парники, добротный коровник, овчарню, улы...

— Сами, всё сами. Сын вместе с нами живёт, дочь незамужняя. А вот и она. — От хлева катила тележку с навозом рослая девка. — Если не пьянствовать, можно здесь жить, земля посмотрите, как пух! Но мужики теперь стали паршивые. Женщины всё-таки тянутся, кто на пекарне работает в городе, кто санитаркой в больнице, а мужики только пить. Вы бы приехали к нам на Девятое мая, что тут творилось! Начали пить за неделю до праздника, да и потом неделю хлестали.

— Мы сейчас вот что, — сказал хозяин, — поедем немного, я покажу вам окрестные сёла.

Вывел машину из гаража.

— Аня, закрой за нами! — крикнула женщина дочери.

Та подбежала, ждала, когда выедут за ворота. Захлопнула их и заложила засовом.

...То, что увидел Лёша, не укладывалось в сознании. Стеной на полях стоял борщевик в два человеческих роста и выше. Сухие бу-дылья, как руки скелетов, топырились вверх, зелёная масса покрыла всю землю!

— Тракторы, тракторы надо! Перепахать на три раза! — хозяин дёрнулся к Лёше, сидевшему рядом. — А у нас ягодники перепахали! Какой земляничник, малинник, брусничник был! Так ведь давили без жалости, уничтожили даже подлесок! Я сколько пытался бороться, писал во все стороны, — только отписки приходят: «всё по закону». Мне бы юриста хорошего, да вот нету его, придётся уж самому. Но терпеть это больше нельзя! Выпилка леса идёт со страшным размахом! То ли совсем обнаглели, то ли почуяли что. Наверное, то и другое.

— Дмитрий, оставь! — взмолилась жена. — Всё у них схвачено! Только греха наживёшь.

— Больно, Маруся, больно! Кто разрешает выпилку леса весной, когда размножаются звери и птицы? Какие тут сосны были! Сосны им надо! Я побывал в прошлый месяц на вырубках: всё испохаблено! Ни одна певчая птица не подала голос. Лес уничтожен полностью! Под-чистую рубят! Речки пересыхают, болота, журавлям некуда деться.

— А прилетают? — встрепенул Лёша.

— Пока прилетают, но каждый раз мы с Машей прощаемся с ними, как навсегда.

— Два года назад что тут было! — охнула Маша. — Курлычут, домой возвратились! Ведь сколько они натерпелись в пути! Вдруг слышим — совсем человеческий крик! Страшно кричали! Как люди, когда у них избу сожгут.

Дмитрий по-женски вытер под глазом:

— Теперь далеко гнездятся. Я к ним подобрался однажды, ползком, по оврагам, опушкам. Час наблюдал. Отчего-то обнять их хочется.

Проехали мимо двух сёл как после бомбёжки: коровники рух-нули или разбиты, дома без дверей и без стёкол, сиротские стелы с именами погибших в войну сельчан... Лёша смотрел и не верил, что это возможно!

Вернулись в село. Лёша решил заглянуть к Любиной дочери: может быть, есть фотографии Любы?

— Несчастливая женщина Люба, — сказала Маша. — Муж был гулящий, ни дела ему, ни работы, только по бабам бегал. Дочь родила в восьмом классе, Люба тащила семью, как могла. Дочь ещё дважды сходилась с парнями, дети от них.

Высадив Лёшу, Дмитрий с Марией уехали.

Лёша прошёл к кособокой веранде и собирался окликнуть хозяйку, но услышал в сарайчике шум. Заглянул. Хозяйка сливала из ведер воду в котёл, вмазанный в печку. На лавке стояло корыто.

Окликнул её:

— Нет ли у вас Любиных фото?

— А, это вы, — обернулась она. — Вроде бы есть.

Вместе зашли на веранду и в дом.

Бедность такую Лёша ни разу не видел. Рваная обувь, пыльные банки, такие же пыльные половики... В доме стоял телевизор на тумбочке без одной дверцы, на телевизоре ваза грошова, в вазе цветы из тряпья, какие приносят на кладбище.

Хозяйка нашла фотографии.

— Вот моя мама.

Лёша вгляделся. Худая высокая женщина возле сарая.

— Как вас зовут, простите?

— Наташей. Вот ещё мама, в гробу.

Это он видеть не мог, отвернулся.

— Кладбище тут далеко? — спросил.

— Да нет.

— Вы не пройдёте со мной?

— Давайте, пошли! — Наташа окликнула девочек.

На могиле у Любы стоял, накрываясь, деревянный облупленный крест.

— Эх, Люба, Люба! — склонился к могиле Лёша. — «Да неужели даётся нам жизнь, чтобы только узнать её горечь? А радость-то где? Большая, да чтобы пожить в ней хоть месяц...»

Девочки начали бегать между могил, он поклонился Любе, дал денег Наташе, и тихо пошёл к селу.

Фёдор ВОСТРИКОВ

МОЙ ДРЕВНИЙ СНЕЖЕНЬ... Стихи

ЗЛОДЕЙ

— Навальный! Навальный! Навальный! —
 Клокочет толпа в полстраны.
 А он хулигански, нахально,
 Не ведая в этом вины,
 Громит ветерана войны!
 Хула воровского злодея
 Летит, как зимой холода,
 В глаза корифеев суда...
 И Красная площадь краснеет
 От немощи злой и стыда...

* * *

Взычились крещенские морозы —
 Градусов, наверное, в полста!
 Сгорбившись, растрескались берёзы,
 Как во время вечного Христа.
 Род людской от стуж не умирает —
 В каждом доме в небо курит печь,
 Но вот прежде чем в кровать лечь,
 Открывает чуточку сарай,
 Чтоб сорок от холода сберечь.

* * *

Январь, февраль — и зимушка долой,
 А там взбунтует дали половодье.
 Запахнет ряской, талою ветлой,
 Хлебами закачаются уголья.
 И заживём не как-нибудь, а всласть.
 Возлюбим крепче матушку-природу.

Фёдор Сергеевич ВОСТРИКОВ родился 6 февраля 1942 года в совхозе «Батрак» (ныне пос. Авангард) Алексеевского р-на Куйбышевской (ныне Самарской) обл. Окончил Куйбышевское культурно-просветительное училище, Пермский университет марксизма-ленинизма, отделение журналистики. Первый поэтический сборник «Отцовское поле» вышел в Перми (1979). Член Союза писателей России (1993). Автор более тридцати книг. Сотрудничает с композиторами, переводит с азербайджанского. Дважды лауреат Пермского края в сфере искусств и культуры, награждён Почётной грамотой Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ, золотой медалью Российского фонда мира, кавалер ордена Достоевского I степени, Почётный гражданин Алексеевского р-на Самарской обл. Более 30 лет ведёт литературное объединение «Тропа» в Пермском городском Дворце детского (юношеского) творчества. Живёт в городе Перми.

Да будет так, коль вскормленная власть
Протянет руку русскому народу!

БОССЫ

Деревню спасли б огороды,
Да вздулись оброки на них.
Теперь-то земля не народу,
А служит для боссов крутых.
Но главное, сердцу тревожно,
Что вовсе не благо страны
Они конституцией сложной,
А может, и чуточку ложной,
Уверенно защищены!

УКРАИНА

Легла под Штаты Украина,
А если коротко — слалась.
Победный путь Руси отринут,
Мечта бандеровцев сбылась.
В кроваво-мерзких перегидах
Рыдает каждая верста.
Во власти сплошь одни Иуды,
Как те, что предали Христа!
Народ стоит под образами,
А не его ли в том вина?
И не волнами, а слезами
Кричит днепровская волна.

ОБИДА

Берёт несказанно обида,
Живя у родных берегов.
Да что ж ты не судишь, Фемида,
России заклятых врагов?
Не стало ни жара, ни пыла,
Лишь топчем словесную грязь.
Не верю, чтоб ты позабыла,
Как била фашистскую мразь!
Восстала из дыма, из пепла.
Года пролетели, как миг:
Хочу, чтобы снова ты крепла
Для верных потомков своих!

* * *

Февраль, февраль,
 мой древний снежень,
 Мы снова встретились с тобой!
 Как в детстве, тают даль и межи
 За огородной городьбой.
 Пурга клокочет в буйной пляске,
 Земное пряча в миражи.
 Но как ты, вьюга, ни кружи,
 А всё забывчивее сказки
 И всё моя короче жизнь...

ЯЗЫК РУСИ

В твореньях зауми не надо —
 Язык Руси цветаст, богат.
 Он дан поэту как награда,
 И даже высшей из наград!
 Гордись им в праздники и в будни,
 Не зная страха и преград,
 Он вечный твой по жизни путник
 В года величья и утрат!

* * *

Словесной грязью мажут нас
 И пачкой санкций волю душат,
 Чтоб наш славянский род угас
 И задохнулись в схватке души.
 А путь желаний русских прост:
 Вершить, как честь, святое дело,
 Чтоб жизнь не плакала, а пела,
 И мы, вставая в полный рост,
 Рвались вперёд, как прежде, смело!

СОВЕСТЬ

Хоть вроде медленно, но верно
 Теряем совесть — вот беда.
 Подобной новомодной скверны
 Мы знать не знали никогда.
 Стихи читали, сказки, повести...
 Изрёк мне дед, проживший век:
 — Не может человек без совести —
 Иначе он не человек!

ЖИВИТЕ, ЛЮДИ

Живите, люди, долго-долго,
 Любите крепко и тепло.
 Бунтуйте так, как в шторме Волга,
 Искореняйте ложь и зло!
 Во имя солнечного мира,
 Который ярк и во мгле,
 Во граде крупном и в селе,
 И никакой коронавирус
 Не будет страшен на Земле.

КАВКАЗ

Армения с Азербайджаном
 Дерутся насмерть меж собой.
 Младых людей теряют страны,
 А клич всё прежний: снова в бой!
 Небесный свод во взрывах тонет
 Кровавой битвы огневой.
 И слышно, как пространство стонет
 И кровоточит шар земной.
 И гибнут истинные горцы...
 Но в обстановке непростой
 Я верю в то, что в битве той
 Спасут кавказцев миротворцы
 Моей Руси в веках святой!

* * *

Поэт, как все, живёт и дышит,
 Встречая полночь и рассвет,
 Родным, знакомым шлёт привет,
 Но не как все, а лишь поэт
 В миру неслышанное слышит!..

ВОЙНА

Была кровавая война —
 Войны кровавей не бывает.
 И потому моя страна
 Победу в ней не забывает.
 Пройдут года и времена
 Веков поистине великих,
 Тогда не только имена,
 А церковь высветит сполна
 С икон святых героев лики.

ЛЕТЕЛА МУЗА

Меня теперь не удивишь —
Я повидал всего такого,
Что буря превращалась в тишь,
А тишь — в пленительное слово.
И стихотворные слова
Врастали музыкою в песни,
От них кружилась голова,
Как птица в синем поднебесье.
Легка, вольна и глубока,
Как светоносная река,
Летела муза, а пока
Господь вешал благому миру,
Благословляя на века,
Свиродо-пушкинскую лиру!

КОРОНАВИРУС

Коронавирус всех достал,
И даже тех, высокочтимых,
Кто встал на главный пьедестал,
Как говорят, на самый зримый.
Того гляди, падём во тьму,
А с нами грады и селенья.
Причина, думаю, тому:
Давно живём в своём дому
Не по господнему веленью!

* * *

После жуткого зноя
Небо тучами вздулось.
Разродившись, вернулось
Диким ливнем, грозюю.
Улетучились броды —
На земле наводненье.
Пусть хотя б на мгновенье,
Наконец-то природа
Обрела вдохновенье!

* * *

Последний день седого декабря
Уходит в предсказуемую вечность.
Подчёркивает, звёздами горя
Пути земного вроде бесконечность.
Но вот дороги бесконечной нет —
У каждого своя земная доля.

А кто когда покинет белый свет? —
 На то, как в Библии, Господня воля.

* * *

Проходят дни, проходят годы,
 Но горько то, что и поныне,
 Известно каждому в стране,
 В моей Руси, а значит мне,
 Что власть майданной Украины
 Не богу служит, не народу,
 А кровожадной Сатане!

ГОРЬКИЕ СТИХИ

Ни солнца, ни воли, ни света —
 Отсюда и горьки стихи.
 Мы лето прожили без лета —
 Наверно, за наши грехи.
 Историю недругам сдали —
 Во лжи потонул интернет.
 Отечество полупродали —
 Земли у крестьянина нет.
 А мы ведь ещё при Советах,
 Как скажем всегда, от сохи
 Взлетели к вселенским планетам!..
 Теперь же ни воли, ни света,
 Не быть патриотам-поэтам —
 Отсюда и горьки стихи.

* * *

Земля теперь не для народа —
 Землёй владеет богатей!
 Ему осталось в жизни сей
 Приватизировать природу,
 А с ней, в придачу, и людей!

МОЕЙ РУСИ

Самоотверженно и здраво
 Вершила добрые дела,
 Крепя крестьянскую державу,
 К победе праведной вела!
 Хотя в пути бывало худо,
 Казалось, жизнь на волоске,
 Но ты сметала зло и Гуды,
 Как слово подлое в строке.

Любых врагов встречала стоя...
К тебе, как прадеды, я рвусь.
По праву ты слывёшь святою,
Моя божественная Русь!

ВРЕМЯ

Осеннее солнце. Лето уходит.
Рябинные гроздья, тая, дымят,
И листья парят в цветном хороводе,
И к ним прилипают стаи опят.
Качается в небе клин журавлиный,
Его отражает жизни река.
Реальность, увы, вливаясь в былинку,
Собой будоражит седые века!

ПУТИ К СОЛНЦУ

И. П. Гурину

I

Ах, Иван, люблю тебя до слёз —
Слово правды высоко вознёс!
И писателей сугубо местных,
По Уралу вроде бы известных,
Ты давно, дружище, перерос —
Врос в Россию, как великоросс!

II

Бывает и небо нахмурено,
Но ты, мой дружище, свети.
Я верю в талантище Гурина,
Что к солнцу находит пути!
Лети ж несгибаемым соколом
Во славу Великой Руси,
Писателя званье высокое,
Как святость, по миру неси!

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ И. П. ГУРИНА

I

От нас ушёл Иван, ушёл навеки —
Оттуда нет ни тропок, ни дорог.
И без него теперь бунтуют реки
И старится родительский порог.
Угомонилось страстное творенье,
Горой Голухинской труды сверша.

И обрела, дай Бог, успокоенье
Его судьбы ранимая душа!

II

Когда уходит настоящий друг,
Как горло выжигают суховеи.
Природа на мгновение немеет,
Становится безжизние вокруг.
И на глазах Вселенная темнеет,
Когда уходит настоящий друг.

ИСТАЯЛ КРУГ ДРУЗЕЙ МОИХ

С уходом Гурина Ивана
Истаял круг друзей моих.
Искать других? Весьма туманно.
Да где найдёшь теперь других?
А те, которые и вживе,
К иным припали берегам,
Хотя их путь тупей и лживей —
Я разобрался в этом сам:
Приидут к власти анархисты,
Во след — любые аферисты,
А либералы тут как тут,
Служить во благо им начнут.
В России, некогда желанной
И почитаемой, и званной
Беда случилась, да не в миг...
С уходом Гурина Ивана
Истаял круг друзей моих.

ПРОСТРАНСТВО

Пространство братается с лесом,
С крутыми вершинами гор,
С благим поднебесным заветом,
Как мининско-ангельский хор.
Пленительных звёзд не считая,
Вращается с шаром земным,
А значит — бессмертье листая
Общается с Богом самим.

БАБУЛИ

Шесть утра. Хоть для города рано,
Но бабули во парке сидят
И в бездонное небо глядят.
Мне весьма показалось странным:
Почему же бабули не спят?

По-простому я, как говорится,
 Самому уж годов перебор,
 К ним подсел и зачал разговор:
 «Отчего ж вам, бабули, не спится?
 Не сочтите вопрос мой в укор».
 Мне в ответ: «Лишь не надо смеяться —
 Вдруг неожиданный в речах поворот,
 Рот крестя по-крестьянски: — Так вот,
 Мы успеем ещё отоспаться,
 Но когда нас Господь призовет...»

ПЕСНОПЕНИЕ

Июль дождями завершился,
 А солнце — август подарил.
 Как мир крылатый всполошился
 И песнопеньем воспарил!
 Слышны романсы и сонеты,
 Частушек дивный перезвон...
 Лишь нет в помине тёмных светов —
 Поставлен нынче им заслон...
 И наслаждаясь песнопеньем,
 Хочу, хотя б в конце пути,
 Его вплести в стихотворенье,
 На свой язык перевести!

ВЕЧЕР

Вечер летний смиренен и тих,
 Солнце слабо, но всё-таки светит.
 Тень ползёт от деревьев густых,
 Тропы робко росинками метит.
 Чётко слышится, как родники
 Шебуршат под высокой горюю.
 Скоро скрипки ночные сверчки
 На сонетные песни настроят!
 И потонет в сонетах трава,
 И потонут урёмные пуши.
 Может, к музыке этой слова
 Мне нашепчет Господь всемогущий?

И ПРИРОДА ЗАДЫШАЛА...

Вздилось небо. Задождило.
 Погромыхивает гром.
 В спешке ива пробудилась,
 Завозился водоём.
 Стаи лилий закачались,
 И давай волну хлестать.

Рыболовы, опечалюсь,
 Стали удочки мотать.
 Так июль весьма удало,
 Разухабисто и шало
 Развенчал земной покой.
 И природа задышала
 Поэтической строкой!

В ПУТЬ ПОСЛЕДНИЙ...

Дождь всплакнул. Опустела округа.
 Ветер клёны от сна пробудил...
 Я вчера закадычного друга
 В путь последний, увы, проводил.
 Знаю, будет подобное с каждым,
 Но у каждого — свой лишь черёд.
 Вспомнит эти слова не однажды,
 Кто, возможно, случайно прочтёт.
 Да и всякому ясно без чтенья,
 Как в реке есть и омут, и брод,
 Что и сам он когда-то умрёт,
 Но запомнит, как радуг цветенье,
 Что бессмертен и вечен народ!

СТЕПЬ — ПРИСТАНИЩЕ МОЁ

Я родился не в рубахе —
 Жизнь меня не берегла.
 Жил в недуге и во страхе,
 Перенёс в избытке зла.
 На родных я не в обиде —
 Помогали как могли.
 Им спасибо, что увидел
 Свет божественный земли!
 На земле я словно пахарь,
 Что выводит на жнивье,
 Где оратай он и знахарь,
 Где его житьё-быльё...
 Пусть родился не в рубахе,
 Степь — пристанище моё.

АЛЬМИРА

А. М. Кардапольцевой

Душа Альмира, чувствлянка,
 О как твой мил и нежен лик!
 Ты светоносная славянка,
 А труд твой ярок и велик!

Библиотечные творенья
 Вершиной каждый называл.
 А за Астафьевские чтенья
 Восторга всякий не скрывал.
 Ты чусовлян влюбила в книжки —
 Без книг не можешь жить сама.
 Не зря ж девчонки и мальчишки
 От встреч в читальне без ума!
 В небе не главное награды,
 Хотя наград не перечесть.
 Ты больше добрым людям рада,
 В которых совесть, труд и честь!
 Ты лучезарна и красива
 И в будни, и на юбилей.
 Не потому ль живёт Россия
 В душе чувствительной твоей?!
 Желаю счастья, чусовлянка,
 А мы — из преданных друзей,
 Да несгибаемый Маслянка
 И с ним — Астафьевский музей!
 Да будь во всём неповторимой —
 Тебя мы славим не впервой,
 Как город твой, тобой любимый,
 Великолепный Чусовой!

УШЁЛ ПОЭТ

Памяти А. Л. Решетова

Уже пятнадцатая осень,
 Как в мир иной ушёл поэт,
 А ветер так же тучи носит,
 Дожди туманят белый свет.
 И птицы плачут, улетаю
 В благие, тёплые края,
 И век безжалостный листают,
 Как миг, листы календаря.
 И жаром дышит край родимый —
 То не костёр в лесу горит,
 А им любимая рябина
 Его стихами говорит!

ИДЁМ В ГОСТИ

И. Л. Волкову

Добрый день, мудрейший Волков,
 Мой дружище дорогой!
 Нас давно сроднила Волга,
 А сдружил — Урал седой.

Мы и сами-то седые —
 Нашей дружбе лет с полста,
 Но в твореньях — молодые
 Будем, верю, до креста!
 Наша общая планида —
 Всем дарить добро и свет.
 Нас ценил и Леонидыч,
 Божьей милости поэт.
 По душе его заветы —
 Не столкнуть с дороги нас.
 Гордо мы идём по свету,
 Слыша Решетова глас!

ИДЕОЛОГИЯ

Идеология необходима
 В непризнанной и признанной стране,
 Тем более в Руси моей любимой
 Необходима, верю я, втройне!
 Пожалуй, нет величье державы,
 Свершившей в мире тысячи побед!
 Прошли мы голод, войны и пожары,
 В истории оставив добрый след.
 Грома оглохли, оттрубили бури,
 Расти же Русь, и в крепости радей!
 Писатели: Распутин и Проскурин,
 И мой приятель, пермский классик Гурин,
 В одной семье талантливых людей!
 У каждого из них святое слово,
 Которое из сердца не избыть:
 Патриотизм — любых основ основа,
 Отечество и славить, и любить!
 То слово, Русь, для нас необходимо,
 А без него, как поле без травы,
 Как небо без господней синевы.
 Ещё сравнение, что очень зримо:
 Как человек, но лишь без головы.

ПАРАД

Май без парада — как Русь без наград,
 Будто бы свадьба без громких застолий.
 Гнали мы немца под злой бомбопад
 С наших великих славянских раздолгий.
 Воины видели муки и ад,
 Шли по дорогам кровавым и длинным.
 Встали с колен Сталинград, Ленинград,
 Флаг победителя встал над Берлином!
 Был несказанно, волнуяще рад
 Каждый народ и Европы, и мира!..

Май без парада, как Русь без наград.
Мы проведём юбилейный парад,
Лишь победим, как Германию, вирус!

УГРОЗА

Нависла вируса угроза
Не только над моей страной.
Охвачен им, как пошлой прозой,
И шар единственный земной.
Порядок карантина строгий —
В домашнем, стало быть, плену
Сидим и слушаем в тревоге
Зловещей грома тишину.
И не от щучьего веленья,
И не от солнечных лучей,
Не от намоленных свечей —
Я верю, грянет исцеленье
От чуда божьего — врачей!

* * *

По-майски вытянулась роша,
Журчат последние ручьи.
А солнце в озере полошет
Животворящие лучи.
И превращаясь, волны, в небыль,
Звенят искристым серебром...
Стрижи крылами чертят небо,
Как Пушкин некогда пером!

НАРКОМАН

Июльская радуга красит
Наш путь, что от Господа дан.
Но страшно на трассе бывает,
Когда за рулём наркоман.
Ему океан по колено —
Залиты дурманом шары.
Не ищет он выход из плена —
Бесовские видит миры.
Не жертва, а мот и ублюдок —
Собою коптит небосвод,
Как встарь, наркоманит и пьёт.
Но гибнут хорошие люди,
А он — сволочуга — живёт!

В нашем веке — не вдали.
Уходя, они восстали,
Патриотами земли!
Нет Евгения, Ивана.
В память их воздвигнем сад!..
Жаль, что рек из океана
Не вернуть уже назад.

ГРОЗА

«Люблю грозу в начале мая...»
Ф. И. Фютчев

Да кто ж её, грозу, не любит,
Когда весною май звенит,
Цветами даль степей голубит
И душу песней полонит?!
А песня вихрится всё выше,
За нею вслед спешит строка,
Всегда лирична и звонка —
Казалось, Тютчева я слышу
И неподвластны мне века!

ОБ ИСКУССТВЕ

Нынче гибнет русское искусство,
А с искусством — наш родной уют,
Всюду авангардному искусству
Лучшие музеи отдают.
Нас весьма обжуливают ловко.
Я к чему, сограждане, клоню?
Даже мировая Третьяковка
Размещает Гельмана мазню!
Мы прошли и «кубы», и «квадраты»,
И другие шизомиражи.
Неужель безумие Маратов,
Как хулу — точнее их мерзкий лепет —
У России хватит крепких слов,
Чтобы сбросить тяжести оков...
В небесах возрадуется Репин
И, конечно, Павел Третьяков!

СЛОВА

«Онлайн», «потрясно», «супер», «круто», «Раша» —
От слов подобных ненависть не скрыть,
Телеведущих надо бы корить...
Постыдно то, что мы в России нашей
По-русски разучились говорить!

Надежда ТРОНИНА

ДЛИННАЯ ДОРОГА ДОМОЙ. Рассказ

Ольга Леонидовна работала уборщицей в деревенской школе. После того как она закончила мыть полы в школьных классах, придя домой, приготовила ужин и с лёгким сердцем села на мягкий диван вязать мужу носки. На нос водрузила большие очки с толстыми линзами, за которыми проглядывались серые вдумчивые глаза. У неё поверх фланелевого халата с витиеватыми узорами надет передник. Возле ног на полу лежал клубок овечьей шерсти. Провязав несколько рядов, она решила немного передохнуть. Вздохнула от каких-то грустных мыслей, сняла очки, положила вязку на колени и посмотрела на мужа. Он сидел возле окна за круглым столом и сосредоточенно читал свежую районную газету, сдвинув на лбу густые брови.

Они вдвоём коротали вечерние часы. Дети выросли и упорхнули из родительского дома в город. Дочь Маша, окончив школу, поступила учиться в медучилище на фельдшера, а сын Павел, отслужив срочную службу, побыл немного дома и сдал экзамены в сельхозинститут. Дети хотели вернуться после учёбы обратно домой...

— Слышь, Гриша, ну что мне делать с Муськой? Посмотри-ка, опять она со своими острыми когтями диван нам подрала, — раздражённым голосом сказала и показала на спинку дивана. — Ведь совсем недавно купили, не знаю, как приучить её, чтобы не царапала.

— Что ты предлагаешь? — понял, чем может закончиться история для кошки, Григорий Иванович, отложив газету в сторону, поднял на жену усталые глаза. — Грех на душу не хочу брать больше...

В последний раз, когда у кошки появился помёт из трёх котят, он подождал, когда стемнеет, надел зелёные сапоги с длинными голенищами, накинул рабочую спецовку и пошёл к пруду с целлофановым пакетом. Жена туда положила слепых котят. Обрато он возвращался понурый, с пустым пакетом.

— В деревне, к примеру, никто нашу кошку не возьмёт. У всех своей живности хватает, — Ольга Леонидовна вспыхнула лицом, немного подумала, собралась с мыслями: — Ну даже не знаю, как и быть...

Муж посмотрел сердито на жену исподлобья, почесал голову:

— Завтра я поеду в соседнюю деревню, там её и оставлю. Небось кто-нибудь и подберёт. Всё же красивая она у нас, трёхшёрстная.

Надежда Николаевна ТРОНИНА родилась 10 марта 1960 года на Черновском лесоучастке Воткинского района Удмуртской Республики. Закончила отделение физмата Глазовского пединститута. Работает учителем математики в сельской школе Воткинского района. Почётный работник общего образования Российской Федерации (2015). Автор четырёх поэтических сборников стихов, книги рассказов для детей, методического пособия по информатике и компьютерной текстологии. Печаталась в газетах «Московский литератор», «Советская Россия», в журнале «Берегиня», в литературно-художественном альманахе «Моя талантливая Русь», в российских и региональных сборниках. Член Союза писателей Российской Федерации (2018) и Удмуртской Республики (2011). В 2020 году награждена Дипломом лауреата 2-й степени Всероссийского созидательного движения «Русский Лад» в номинации «За подвижничество и просветительскую деятельность».

Должна счастье приносить, так в народе говорят. А нам что-то не подфартило. Может, ещё подождём? — с робкой надеждой в голосе сказал Григорий Иванович. Ему не хотелось отвезить кошку и отдавать в чужие руки. Но знал, что перечить жене нет никакого смысла, она всё равно настоит на своём.

— А чего ждать? Нужно просто кошку отвезти, и делов-то, — как отрезала Ольга Леонидовна и подняла на него голову. Встретившись взглядами, Григорий понял, что жена настроена решительно. Потом она посмотрела на кошку, которая сидела на подоконнике и умывалась.

— Муся, жаль мне тебя, да, видимо, придётся всё же расстаться. Уж больно много с тобой хлопот. Везде шерсть: и на ковре, и на диване, и на креслах. Я намучилась пылесосить да чистить покрывало.

Кошка, услышав голос хозяйки, прекратила умываться, стала смотреть на неё круглыми глазами, кончик хвоста слегка дёрнулся. Несколько раз тихо мяукнула, как будто не соглашаясь с хозяйкой.

На следующий день у Григория Ивановича выдался выходной, он по графику работал на тракторе «Беларусь» на деревенском свинокомплексе. Ближе к полудню, перекусив на быструю руку, он глянул в окно, небо было затянуто низкими тучами. «Как бы дождь не пошёл, в одном месте есть глиняная дорога, как раз когда поднимаешься на косогор. Можно забуксовать», — подумал он и засобирился в путь. Вышел во двор, где стояла машина, протёр чистой тряпкой ветровое стекло, завёл машину, сходил в сени, взял мешок, где сидела притихшая кошка, и поехал к свояку Василию в соседнюю деревню. Дорога тянулась возле скошенного поля, а дальше сворачивала в лес. Притихшие осенние поля шетинились коричневой стерней. Стояло несколько стожков, облитых недавним дождём. Проехав по ухабистой дороге с блюдцами воды, свернул в лес. Мелькнул крупный ворон, сильно ударя крыльями, и исчез из вида в густоте леса. Пожухлые листья с деревьев сорвал порывистый ветер, гоняя по небу тяжёлые тучи, которые, казалось, заденут лес. «Не иначе, скоро пороша землю покроет», — ему поднадоела затянувшаяся холодная осень с частыми дождями и хотелось уже прихода зимы со снегом и морозами. Прибавил скорость. На заднем сиденье машины в мешке Муська царапалась, сиюсь вырваться на свободу, но мешок был сверху завязан крепкой верёвкой. Машину порой подбрасывало на лесных кочках, и возня в мешке продолжалась. Полчаса дороги незаметно прошли. Жигулёнок несколько раз чихнул где-то в выхлопной трубе и скоро выскочил на бугор, оттуда до деревни совсем рукой подать.

Увидел во дворе свояка Василия. Это был худошавый мужчина сорока лет, одетый в тёплую фуфайку, он пилил дрова. На земле лежало несколько толстых брёвен. Ногой, обутой в резиновый сапог, с силой упирался в бревно, чтобы не вихлялось. Бензопила так громко тарыхтела, что, казалось, звук долетает до небес. Увидев подъехавшего на машине Григория Ивановича, Василий сразу же заглушил пилу, поставил рядом. Подождал, когда тот подойдёт ближе.

— Здорово, Василий! — Григорий Иванович, сняв рукавицу, протянул руку.

— Здорово, Григорий! — широко улыбнулся он, блеснув вставленными зубами, и протянул свою тёплую жилистую руку. — Что-то давненько к нам не заезжал! Я-то думал, нас совсем позабыл! —

поправил на голове чёрную вязаную шапочку, из-под которой выбивались седые волосы, поинтересовался: — Какими судьбами к нам пожаловал?

Григорий Иванович бросил взгляд на свою машину, потом, склонив голову набок, собрался с мыслями и начал разговор как-то издалека:

— Не нужен ли вам бесплатный товар? И мыши вас одолевать не будут.

Он знал, что Василий вместе с женой Галиной давно уже держат двух коров. Сеновал большой. И деревянный ларь, обитый железом, для хранения сухого корма — посыпки для скота есть. Значит, мыши обязательно водятся.

Догадавшись, к чему клонит Григорий Иванович, Василий ухмыльнулся. У него слегка дрогнули уголки глаз, в них блеснуло огоньком, ухмыльнулся:

— Да у нас у самих такого добра хватает, — показал на серую полосатую кошку, как раз в это время пробегавшую мимо собачьей конуры. Полкан высунул свою лохматую сердитую морду, увидев незнакомца, глухо и злобно рыкнул.

— Тихо, Полкан, это свои! — окрикнул его Василий, потом повернулся к Григорию Ивановичу лицом: — Ну не везти же тебе кошку обратно домой?! Попрошу Галинку, чтобы она поспрашивала деревенских, а пока оставь её в доме.

— Помочь тебе? — с готовностью предложил он Василию. Ему хотелось размять уставшее от дороги тело.

А тот радёхонек. Даже лицо посветлело.

— Да, пожалуй, не откажусь. Вдвоём работа всегда веселее. До вечера надо допилить, а то мне нужно идти сторожить гараж, — ответил он и дёрнул шнур у бензопилы.

Через два часа управились с брёвнами, осталось только чурки расколоть. Потом они пили горячий чай с мёдом за столом, говорили о разных жизненных новостях. Так время быстро пролетело, и Григорий Иванович засобирался домой.

Выехав из деревни на косогор, он из окна жигулей увидел, как солнце закатывается за дальний лес, и только слабая багряная полоска света прижалась к горизонту.

Приехал домой в густых сумерках. Зайдя домой, он почувствовал пустоту, жены не было, видимо ушла в магазин. Раньше, как только он закрывал за собой дверь, Муська, увидев его, соскакивала с дивана и бежала к нему навстречу. У него даже ёкнуло сердце и спёрло дыхание. Подумал, что не нужно было отвозить кошку, жила бы с ними. Пошёл на поводу у жены.

Пройдёт некоторое время, и Ольге Леонидовне будет казаться, что вот с печи мягко спрыгнет кошка, замурлычет и подбежит к её ногам. За какое бы дело ни взялась, всюду она перед глазами. Уже не раз корила в душе себя за этот поступок. Звонила несколько раз свояку, спрашивала, в надёжные ли руки её отдали. На что Василий, успокаивая, отвечал:

— Не беспокойся, Ольга. Всё в порядке, унёс её на соседнюю улицу к приятелю. Он с женой держит своё хозяйство, молоко есть.

— Ну, хорошо тогда, — вздыхала с некоторым облегчением, услышав ответ Василия.

Время шло, вот и наступил ноябрь. Небо затянулось свинцовыми низкими тучами. С севера потянуло холодом и первым колючим снегом. Ольга Леонидовна мыла полы в школе, чего-то нехорошо на душе стало, видимо, предчувствовала неладное. Ей снова захотелось позвонить Василию, спросить насчёт Муси. Она пошла в учительскую и, пока там никого не было, набрала номер.

— Здравствуй, Василий! Слушай, чего-то я места не нахожу никак, всё думаю о нашей кошке. Дознавался ли ты сейчас, как она там?

— Здравствуй, Ольга! Да я на неделе видел Нину, которой отдали Мусю. Говорит, что вдруг куда-то исчезла. Везде её искали, звали, так и не нашли. Так что тебя предчувствие не обмануло... В телефонной трубке возникла пауза.

Ольга Леонидовна собралась с духом, спросила:

— Что же делать, Василий?

Василий не сразу ответил. Потом сказал глуховатым голосом:

— Ну что теперь поделаешь. Муся может вернуться, а может и нет. У кошек ведь всякое бывает. Если хотят умереть, то они уходят из дома в лес.

— Но у нас Муся ещё не старая, чтобы умирать... — Василий услышал, как Ольга Леонидовна всхлипывала.

— Да ты не переживай сильно, Ольга. Если что, можешь ещё кошку завести.

На этом разговор закончился.

Вечером, придя с работы, включила верхний свет, взяла спицы и принялась за вязание. Муж сидел в кресле и пультом телевизора переключал каналы, ему хотелось найти последние новости.

— Мне всё кажется, что сейчас с клубком начнёт играть Муська. Чего-то мне её не хватает, — с грустью сказала она, опустив руки на колени, и вдруг предложила: — Слышь, Гриша, а давай возьмём у кого-нибудь котёнка. Чего-то скучно без живности в доме.

Муж отвёл глаза от экрана телевизора, повернулся к ней с сердитым выражением лица:

— Вот тебя никак не поймёшь: то тебе надо кошку, то не надо... — укоризненно сказал жене. — Потом только не говори мне, чтобы я куда-нибудь её сбывал.

— Да куда тебя я не пошлю! Сейчас уже снег выпал. Если кошку завести, она грязь в дом не будет приносить.

В начале декабря установились морозы, намело под окна пушистого снега. Днём Ольга Леонидовна была занята на кухне, и услышала тихое, жалобное мяуканье. Подумала, что это ей показалось. Она как раз в это время пекла блины на плите. Через некоторое время снова слышит — кто-то мяукнул. Пошла отворять дверь. Возле порога стояла Муська, вся ободранная, худая, только кожа да кости. Она смотрела на хозяйку грустными глазами, одно ухо с запекшейся кровью было порвано. Кошка от испуга прижалась к полу, в дом не стала заходить. Ольга Леонидовна от радости всплеснула руками, на глаза внезапно навернулись слёзы:

— Ты ли это, Муся?! Ну где же ты была, что невозможно узнать?

Кошка всё ещё не решалась зайти в комнату.

— Подожди-ка, сейчас я тебя отмою... — быстро накинула на себя телогрейку и, схватив старую тряпицу с вешалки в прихожей, взяла кошку и понесла в баню. В котле вода была тёплой, она налила

в тазик, побулькала рукой и стала Муську натирать хозяйственным мылом. Та сначала брыкалась, пыталась вырваться из рук, но потом успокоилась, поняла, что хозяйка не сделает ей ничего плохого. Затем Ольга Леонидовна насухо вытерла кошку полотенцем и, прижимая к себе, понесла домой, ласково приговаривая:

— Ну теперь я тебя никому не отдам! Это же надо, нашла дорогу до дому за двадцать километров! — она гладила по сырой шерсти, радуясь такому повороту.

Придя домой, осторожно опустила кошку на пол, а сама заторопилась на кухню подогреть ей молока.

— Вот глупая я, ох и глупая женщина! Ты же счастье моё! И впрямь мне без тебя было плохо. Я постоянно о тебе думала. Ты уж извини меня, — причитала она тихим голосом, чувствуя свою вину перед Мусей.

Кошка подняла мордочку, пристально посмотрела на свою хозяйку, как будто с осуждением, и пошла на кухню к блюду с молоком, оставляя сырые следы на полу.

Илья ДОМНИН

ПОДРАНОК. Рассказ

Устало перешагнув порог в избу после долгой дороги, я первым делом сдёрнул с плеч рюкзак и прилёг на диван. Собака жадно и шумно лакает воду из плошки. Августовская погода согревает и утомляет одновременно. Моя изба окнами смотрит на запад и север, поэтому в горнице в жару комфортно и прохладно.

Едва я начал разбирать содержимое рюкзака, как снаружи с крыльца послышались гулкие шаги. В избу ввалился, тяжело дыша, сосед Евгений в камуфляже.

— Здорово! Бери собаку, и пошли искать подранка. Вчера я возвращался с обхода на поле за деревней и стрелял косача. Он плюхнулся посреди поля, но я его не нашёл... Были сумерки уже. Некоже его лисе отдавать. Ждал твоего прихода с собакой как манны небесной! — хохотнул Женька.

Что ж, надо выручать соседа.

— Бери ружьё и выходи на околицу. — Сосед умчался к себе в дом, грохоча берцами.

Моя Берта, ирландский сеттер, в свои три года уже имеет опыт поиска птицы, выучку и послушание. Неукротимой прыти в ней столько, что хватит отужожить десять полей поиска, что за околицей, и ещё останется.

Я не стал переодеваться с дороги и вышел следом.

Ласточки со своими слётышами облюбовали провода около дома. Они громко чирикают, покачиваются туда-сюда, ловя встречный ветерок. Ветер есть, значит и поиск собаке будет рабочим.

Сосед уже дежурит за старым плетнём от заросшего огорода соседней избышки. Ну, пошли искать.

Высокая трава на зарастающем поле уже полегла. Там да сям кучкуются сколки ивняка и ольхи. Неплохое укрытие тетереву от ястреба. Посередине поля подозрительно торчит одинокая ёлочка, широкая и низкая, как шатёр.

— Где ты его стрелял?

— Здесь, — Евгений рукой обрисовал зону поиска.

Я завёл собаку на ветер шагов за пятьдесят и запустил её в поиск. На левом рукаве челнока собака осеклась и потянула. Затем встала.

— Женик, не зевай!

После посылы собаке, из ивняка кряхтя поднялся и запетлял в деревьях рыжий вальдшнеп.

Илья Алексеевич ДОМНИН родился 6 июля 1959 года в Перми. Окончил физический факультет Пермского государственного университета (1981). Трудовую деятельность начал на пермском заводе «Телта». Увлекается охотой, рыбалкой. Творческой деятельностью начал заниматься с 2011 года. Публиковался в альманахе «Литературная Пермь», в газетах «Пермский писатель», «Российская охотничья газета». Живёт в городе Перми.

Женя опустил ружьё — не время ещё, пусть жирка подкопит.

Берта подняла голову и стремительно сквозанула к ёлке. И вот уже стоит у края юбки нижних веток.

— Дай!

Собака обежала ёлку, не в силах протиснуться меж густыми ветвями, и снова застыла.

— Жень, он здесь, крыло волочит — нелетучий. Давай мы с тобой топнем в куст с противоположной стороны, петух ломанётся к собаке, и она его прихватит.

Сказано — сделано. И вот уже Берта держит в пасти петуха — молодого тетерева, в азарте вращая глазами.

— Не нынешний. Года два ему будет, — констатировал Евгений, взвешивая рукой трофей. — Ну пойдём, цапапнем за трофей! — Он, довольный результатом, широко улыбнулся.

— Жень, ну мы же до двенадцати ни-ни!

— Ну хорошо, заходи в 12:01.

— Со своим свежим огурчиком, коли уж ты нынче огорода не раскопал.

Я свистнул собаке и пошёл к дому.

Берта добежала до сидячих ласточек и принялась подпрыгивать к ним с лаем.

— Дурища! Тебе уже почти четыре года, а никакой серьёзности в поступках. Ты же рабочая собака! стыдно!

Я укоряю собаку в вольности, а в душе теплится мысль о её нужности и важности для владельца. Без неё промысел теряет результативность. Лет пять назад, на этом же поле, я стрелял косача, подранил и не нашёл... Собаки тогда у меня не было.

Наталья ГУМЕРОВА

И ПОТЕПЛЕЕТ НА ДУШЕ. Стихи

* * *

Я знаю о твоей неверности.
Поверь мне, больше не болит...
Не будет ни нелепой ревности,
Ни криков, ни пустых обид...

Ни причитаний удушающих,
Лети! Я больше не держу...
А уголёчки из пожарища
В шкатулку мысленно сложу...

А если вдруг от стужи севера,
Теряя чувства, задрожу, —
Достану этот клад и, веруя,
К больному сердцу приложу...

И оживут воспоминания,
И потеплеет на душе,
И возвратится из изгнания
Любовь, забытая уже...

* * *

По зелёным волнам разнотравья
Мне хотелось бы в детство сбежать,
К роднику прикоснуться во здравье,
Колокольчики к сердцу прижать...

Пусть звенят вековым перезвоном
На моей обнажённой душе,
То задорно порой, то со стоном,
То как тысяча звонких драже...

Пробежусь по духмяному лугу
И ромашек сорву на лету,

Наталья Евгеньевна ГУМЕРОВА родилась 30 января 1972 года. Окончила строительный факультет Пермского государственного технического университета (1994). Работает в АО «Газпром газораспределение Пермь». Увлекается декоративно-прикладным искусством: мастер-кукольник. Занималась в литературной студии «Тропа» при Дворце детского (юношеского) творчества города Перми. Лауреат нескольких поэтических конкурсов, в т. ч. Пермского краевого — им. А. Решетова (2011). Публиковалась в различных сборниках и альманахах, в т. ч. в «Литературной Перми». Автор поэтических сборников «Когда приходит вдохновение» (2006), «Я нарисую бесконечность» (2008), «Туда, где царствует любовь» (2016), «Улыбнись восходящему свету» (2019). Член Союза писателей России (2020). Живёт в городе Перми.

На девчоночью тонкую руку
Несравненный браслетик сплету.

Надышусь горьковатой полынью,
И с разбегу — в хрустальный ручей.
Закружусь под бездонною синью
Среди сотни цветущих свечей.

Пусть со мной от души поиграет
Свежий дух васильковых полей...
Жаль, что краски наземного рая
Тем бледнее, чем сердце взрослей...

* * *

Вот так ливень! Только посмотри —
Улицы как будто побежали,
И в траве, нагретой изнутри,
Тонкие прожилки задрожали.

Радуются свежести земной,
Жадно пьют живительную влагу...
Дождь везде — на небе, подо мной, —
И ступить нельзя, не сделать шагу!

Босоножки тонкие долой! —
Босиком по лужам необъятным.
Кружит ветер юркою юлой
С песней, только облаку понятной...

И такая сырость — благодать,
После истомляющего зноя...
Почему ж так хочется рыдать?
Уж не летний дождь тому виною?..

* * *

Вот это май, вот это — красота!
Подобного и правда не бывало!..
Погода, словно спутала места, —
На двадцать дней жару наколдовала...

За трое суток выросла листва,
Ещё за день — трава заколосилась...
За десять дней такого волшебства,
Уральская земля преобразилась!

И не сумел черёмуховый цвет
Нарушить эти странности природы, —

Жара входила в солнечный рассвет
И оставалась ровно до захода...

Кружила, ворожила каждый день,
Спадая лишь с усталостью полночной...
Ах, как цвела персидская сирень! —
Лиловым, фиолетовым, молочным...

Нарядный, освежающий, густой,
На запахи богатый и на краски,
Не уходи! Ещё денёк постой,
Как братец Май из старой доброй сказки...

* * *

Сирени дух вдыхаю в лёгкие
И с каждым вдохом, как во сне,
Воспоминания далёкие
Волной проносятся во мне...

Я вижу улицу знакомую,
С большой колонною забор,
И понимаю: дома, дома я —
Цветник, терраса, милый двор,

Крыльцо резное со ступеньками,
Перед окном сирень цветёт,
И дрожь неволью под коленками —
Навстречу бабушка идёт...

Живая, ласковая, светлая,
В винтажной шляпке на бочок.
И что-то доброе, приветное,
Рождает внутренний смычок...

Душе легко, спокойно, радостно!
Ловлю с надеждой каждый звук...
И аромат струится сладостный,
Заполняя мир вокруг...

* * *

Погода нынче только радует,
На удивленье удалась...
Ты посмотри, какая радуга
На горизонте вознеслась!..

Грибным дождём спустилось облако,
Насытив кроны тополей.

И не узнать бывшего облика
Жарой захваченных аллей...

Блестит асфальт, как будто палуба,
Озоном дышит небосклон,
И ароматом сладким балуя,
Шиповник отдаёт поклон...

И так легко душе, что верится —
Вот-вот подует ветерок
И унесёт, как цветик с дерева,
На свежий радужный пирог...

* * *

Нет слаще времени такого,
Когда в саду цветёт жасмин,
И месяц гладкою подковой
Глядит с чернеющих глубин,

И тишина, и бесконечность,
И несказанный аромат...
И тихо-тихо дышит вечность,
Обняв уснувшие дома.

Умолкли ветреные речи,
От длинных странствий подуств,
Лишь голосит ночной кузнечик
В густых люпиновых кустах.

О чём-то грезит ли, мечтает, —
Наверно, шепчется со мной.
И так легко, что сердце тает
От этой нежности земной...

* * *

Дождь прошёл, и снова ясно,
Снова ласковый июнь
Расплескал палитру красок —
Так же свеж, красив и юн...

Солнце ласковой рукою
Гладит голову мою,
И рифмованной строкою,
Я мечтаю и пою!

Льются дивные наброски
На пустой тетрадный лист:

Здесь — и пчёлки, и стрекозки,
И кузнечик-фольклорист,

Несравненные пионы
И ромашки на меже,
Колокольчиков трезвоны
Отзываются в душе.

Одуванчиков ватага,
Диких трав зелёный шёлк, —
Словно с жизни на бумагу
День июньский снизошёл...

* * *

Справа солнце, а слева луна,
И природа такая, что впору
Выпить взором до самого дна
Гладь полей и родные просторы.

Напитаться ромашкой степной
И волнующим цветом сурепки,
И дурмящей липы настой
Принимать вместо горькой таблетки:

Вдохновенный, медовый, родной, —
Время будто прошло по спирали...
Помнишь, в летний полуденный зной
Цвет душистый с ветвей собирали?

А зимой, под метельные сны,
Согревались целительным чаем...
Как же сильно мы ждали весны,
Как по тёплому лету скучали!

И оно незаметно пришло,
С южным ветром, с жарой, с сенокосом,
И во взрослой душе расцвело
Босоногим ребёнком курносим...

Светлана ЭСТ

СОВСЕМ ПРОСТОЙ СЛУЧАЙ. ИЗ ЦИКЛА «ЭПОС О ВЕЛИКОМ ЭКСТРАСЕНСЕ». Рассказ

ЗАПЕВ

«Великий Экстрасенс, действующий президент МАЭ — Международной ассоциации экстрасенсов; крёстный отец Синего Кристалла; потомственный колдун; гипнотизёр-профессионал; заслуженный чернобылец; народный целитель; зарядчик воды; посланец внеземных цивилизаций; Главный Оператор биоэнергетики; профессор астрологии Университета Джона Хопкинса (штат Мэриленд, США); Шаман Двенадцатого Неба; почётный Мамбо Вуду республики Буркина-Фасо; избранный рабби Бен-Гершен...» и ещё три десятка званий и титулов должны находиться на моей визитке.

Так как основное место работы и занимаемая должность всё равно бы не поместились, я заказал себе только укороченный вариант: «Генеральный директор ЦЭ НИИ...» И уже от руки, пингвиным молоком и симпатическими чернилами, написал в новой визитной карточке:

«Экстрасенс-скептик; дон Си Крис; диетолог — волшебник изумрудного голода; японский фокусник Кио-Кио-сын; мутант, выпавший из четвёртого блока Чернобыльской АС вместе с радиоактивными осадками; тибетский лама Памир-Гималайский, шарлатан чистой воды, заряжаемой Ионами серебра во чреве китовом; |ϕ|ϕ|Σ|⊗|Σ|Σ|ϕ|J|ϕ|⊗|ϕ|ϕ|ϕ|ϕ|ϕ|; пасланец внеземных цивилизаций; оператор машинного доения биоэнергетики; астролог-венеролог высшей категории; шаман; мамбо вуду; Слава Бен-Гершен ибн Экстрасенс Интернейшнл...»

Это не для узких специалистов, а для широкой публики — для пациентов, пришедших лечиться от ожирения. И имя им легион — народ бальной пошел, однака, осинь бальной! — поэтому временами мне хочется улететь обратно к себе в космос, ведь никакого иного лекарства, кроме доброты, я не знаю.

Только без паники!.. Придите все! Что-нибудь да придумаем...

Светлана Евгеньевна МУКСИНОВА (псевдоним — ЭСТ) родилась 17 декабря 1983 года в городе Чердыни ныне Пермского края. Окончила факультет физической культуры Пермского государственного педагогического университета (2006), экономический факультет Пермского государственного университета (2007). Профессиональный фотограф. Детский писатель. Публиковалась в различных периодических изданиях, в т. ч. в альманахе «Литературная Пермь», газете «Пермский писатель». Автор книг «Совриголово» (2009), «Браслет раджи» (2010). Лауреат литературного конкурса «Большие надежды» журнала «Уральский следопыт» (2001). Дипломант Независимой литературной премии «Дебют» (2002), Международной литературной премии им. В. П. Крапивина (2007). Финалист конкурса фантастического рассказа «Золотая чаша» (2009). Член Союза писателей России (2009). Кавалер ордена Достоевского II степени (2020). Живёт в городе Перми.

Песнь 1. СОВСЕМ ПРОСТОЙ СЛУЧАЙ

Чтобы не запутываться в регалиях, однажды я посетил своё прошлое и будущее на машине времени и собрал все почётные звания и соответствующие им ипостаси в один пучок.

Из него сейчас же высунулся специалист по неинструментальной детекции лжи — техник Косенко:

— У тебя же нет машины времени!..

— Есть, — парировал я. — Спорим?..

«Разводить» — русский национальный вид спорта, в программу которого входит разбавление пива — водкой, и правды — ложью.

— Спорим... — легко согласился человек-полиграф, считавший, что он досконально изучил великого экстрасенса. Он и не подозревал о «плавающей» (на спине) тридцать девятой ипостаси, которая давала мне фору.

— Спорим-спорим... — сразу же начал распеваться сказитель. Двадцать вторая моя ипостась отслоилась от двадцать первой, Поэта Всея Руси с его предтечей — слепым менестрелем господина маршала де Мирпуа, из-за национальности: смеси французского с нижегородским. И ещё потому, что сказителю надоело ждать, когда тот зарифмует запов: «Великий экстрасенс — па-па-па совершенств...»

— Так спорим или не спорим, что у тебя нет машины времени? — заторопился Косенко.

— Вот! — я протянул руку и взял со стойки диск с песнями Андрея Макаревича. На обложке альбома певец в гидрокостюме и маске для подводного плавания держал хвост пистолетом-макаром. «Раскудрявый, гад зелёный, лапы врозь...»

— Видишь, «Ма-ши-на вре-ме-ни», — по слогам прочитал я. — Макара любит рок, водку, женщин и дайвинг — всё это его опьяняет. Да, ещё он готовил еду в телепрограмме «Смак». Помню один рецепт: «Свежемороженный ёж легко чистится, почти не содержит холестерина и вкусом напоминает нутрию. Особенно хорош ёж с вермишелью».

— Именно этот рецепт послужит поводом для травли Макароныча в последующие годы, — вмешалась в наш разговор ещё одна моя ипостась, по-моему, «ясновидящий». — Особенно будут злостововать ежи!

— ...И вермишель, — добавил великий экстрасенс.

* * *

«Хорошего человека должно быть много»: всего у меня тридцать девять ипостасей. Но у посланца во внеземных цивилизациях наложен сакральный запрет на цифры, поэтому мыслящий пар позиционно, без «номера п/п», находится между тибетским ламой Памир-Гималайским и дельфином мауи по кличке Мауи. Последних — в буквальном смысле — всего-то ничего в мире: с полсотни особей. Ученик великого экстрасенса Алексей Казанкин придумал им ники для чатов и форумов: Ака Демик, Ака Ция, Ака Кий, Ака Пулько и так далее, — но Мауи упёрся, и всё тут:

— Немцу предложи новый ник: Отто Пырин!

И свистнул полхолодильника любимых Лёхиных роллов через дешифратор алгоритмов мозга... Да уж, про мою уникальную аппа-

ратуру не слышали ещё разве только слепые... А так-то слава о гениальном экстрасенсе, который снимает порчу и венец безбрачия, камлая полонез Огинского в переложении для бубна и деревянной шепочки, пошла уже вихлясто гулять по интернету в компании других фейковых новостей и сплетен. И хотя мои предписания и советы пациентам, которых я называю «страдальцами», обычно не выходят за рамки здравого смысла, от репутации нового мессии мне лучше не отказываться, ведь чем больше больной верит в компетентность врача, тем эффективнее лечение. Можно назвать такую закономерность «принципом бородавки». Обычные и плоские бородавки дерматологи прижигают жидким азотом, но существует и альтернативный подход — гипнотерапия. Помню, как в детстве мама натёрла мне бородавку листом обыкновенного комнатного цветка — традесканции. При этом главным было, чтобы у ребёнка сформировалась уверенность, что круглая блямбочка на мизинце должна исчезнуть. И конечно же, она пропала, только я долго потом боялся, что палец рассосётся тоже.

* * *

Экстрасенсорика — псевдонаука, поэтому истинных экстрасенсов — раз-два и обчёлся... И «раз» — это, конечно, врач-психотерапевт К. — первый советский экстрасенс; можно сказать, Гагарин от экстрасенсорики. «Он сказал: "Прыихалы! Даю остановуку!"»

Я его очень уважаю, и даже в какой-то мере считаю своим учителем. «Винницкий маг», с симпатичным лицом Антонио Бандераса и накачанным торсом «Рэмбо» Сталлоне, был совершенно неотразимым «в телевизоре» в 1989 году.

[Вступает хор. Любое героико-историческое повествование, такое как «Эпос о великом экстрасенсе», всегда ещё и народное.]

Комментарии в интернете:

evgeniy: хотел добавить что внешне он производит оч странное впечатление — маленький (рост 160–165 см), широкоплечий (занимается тяжёлой атлетикой), с крашеными волосами, ходит неторопливо так, выглядит достаточно спокойным уверенным в себе мужчиной.

Владислав: Видел я этого... Каспера. Небольшого роста, с ОЧЕНЬ злым и пронзительным взглядом, и противным голосом. Накачан, волю за 1 км видно. В психушке работать — самое место...

[Соло. Возвращается сказитель.]

Зато мужчины невысокого роста энергичны и деятельны. Из-за повышенного содержания тестостерона — мужского полового гормона — они прекращают расти раньше сверстников и быстрее созревают. Именно поэтому лица кавказской национальности сексуально активнее вытянувшихся от огорчения лиц уральской национальности.

Была такая команда КВН из Челябинска «ЛУНА»; их лучшая шутка: «...Всю водку отправляем в тринадцатый век к татаро-монголам, и Золотая орда идёт не на Русь, а на шашлыки».

Комментарии в интернете.

kuzmin.g3n: В субботу в 15.00 в КДЦ «Мотовилиха» пройдёт бесплатный мастер-класс по лезгинке «Живи, танцуй». В программе будут показательные танцы.

Капкан63: Хм, лезгинка — русский народный танец.

123: а караоке?

Тут, конечно, можно поспорить. Ведь и до К. была плеяда целителей-мошенников-фокусников: Гришка Распутин, Мессинг, Роза Кулешова, Нинель Кулагина, Ванга и Джуна. Но К. не только первый, но и самый «правильный» экстрасенс: с соответствующим медицинским образованием и успешной многолетней практикой. Рубцы у его пациентов действительно исчезали, и пропадала седина, и излечивались, казалось бы, неизлечимые больные. В общем, у К. статус основоположника.

В первом классе маленький Каспер учился в школе деревни Жировицы... И уже в те времена владел гипнозом.

Как вспоминал одноклассник К.: «Толик подходил к какой-нибудь приглянувшейся ему девочке и говорил ей, глядя прямо в глаза: "Ты мне нравишься. Я тоже нравлюсь тебе"». [*Комментарий**. И привязывал её на верёвку.] После этого девочка от него весь вечер ни на шаг не отходила. [Так как женщины быстро привязываются.]

После школы К. поступил в Винницкий медицинский институт. Он занимался тяжёлой атлетикой (штангой) на уровне мастера спорта. Из-за постоянных соревнований и тренировок студент 4-й группы К. пропускал занятия, поэтому до сих пор не знает, чем надпочечники отличаются от подпочечников. Но он и не собирался стать акушером-гинекологом международного уровня, как Михаил Галустян, — он хотел быть психотерапевтом. Как говорится, «врач — тонкий психолог, а санитар — толстый».

Самые известные из высказываний К.:

«Что до астрологии, то я верю только математической астрологии, которая объясняет явления через взаимодействие планет и вспышки на Солнце. А остальное — чепуха. Как у Пушкина: "Переполох в созвездьях зодиака, лев козерогом стал, а дева — раком"».

«В России мне не разрешает работать Минздрав. Курение он не запрещает, а ко мне прицепился».

В психотерапии выбранное К. гипнотическое воздействие на телевизионную аудиторию называется «методом Кречмера – Эриксона»: «Психотерапевт "вяжет сетку слов" и только периодически вставляет фразу, которая содержит прямую суггестию [внушение]. Эта фраза (или слово) действует с особой силой, так как у пациента создаётся впечатление, что он сам активно участвует в процессе лечения».

Комментарии в интернете.

Swetlanca Bel: ...вылечил мне простуду на губе за 1 сутки!!)

* В дальнейшем слово «Комментарий» при ремарке в квадратных скобках будет опускаться. Как низко, я не знаю. — Прим. авт.

Весь недельный процесс заживления прошёл за 1 сутки! А у дяди подруги на даче перед телевизором на глазах изумленных родственников зарубцевалась рана от огромного пореза.

Andrew Mazur: А у меня выросла третья нога.

Почему нас с Кашпировским тоже внесли в перечень опиумов для народа?.. Всех экстрасенсов вносили — и нас внесли. Ногами вперёд.

* * *

Так как в экстрасенсорике множество направлений: телекинез, «цветной слух», левитация, ясновидение, наложение и снятие порчи, распускание бутона розы взглядом, биоэнергетика, считывание ауры, «кожное зрение», лозоходство, — мне одному трудно было бы разобраться во всех случаях. Требовалось читать учебники и справочники, получать консультации у специалистов — у того же певца Юрия Лозы, — поэтому великий экстрасенс начал обзаводиться ипостасями — специфическими чертами характера, или наборами навыков, или оттенками мировоззрения. Постепенно они отпочковались в отдельные личности....

Не могут же быть одной национальности долгожитель Сандро Донадзе, проживший столько же, сколько семь поколений скальных ящеров, и семь раз менявший пол [хотя вру, шесть — дубовый паркет у меня долго лежал...] и живущий слева направо и наоборот >Боб Редер<?! Ясно же, что Сандро Гурамович — горец, как Дункан Маклауд, а >Боб< — >казак< слева направо и наоборот. Хотя что-то общее в них, несомненно, есть! [Буква «о» в имени.]

Кошерный еврей Ярослав Бен-Гершен ибн Экстрасенс Интернейшнл возник во время моей поездки в Израиль к тёте Циле; знойная африканка, гибкая, как ядовитая змея чёрная мамба, помогла в «любовной истории» светской львицы Сухотской [там был такой скептицизм, что понадобилась запредельная экзотика культа вуду].

А техник Косенко, к примеру, появился среди «меня» после покупки детектора лжи для нужд детективного агентства Шамиля Чагаева. В лихие девяностые годы для этой цели служил нагретый паяльник, а сейчас говорить правду и ничего, кроме правды, пациентов вынуждает полиграф. Основа современного детектора лжи — видеокамера на штативе, ноутбук со специальной программой, за баранкой которого и находится техник Косенко, ну и пара километров проводов к датчикам измерения давления, пульса, потоотделения и ещё нескольких физиологических показателей. Всюду таскать за собой это барахло мне не хотелось, поэтому я отправил Косенко на курсы распознавания лжи по мимике. Так он (а значит, и я!) стал человеком-детектором.

Чтобы не быть смутной тенью отца Гамлета, Косенко присвоил себе внешность полиграфолога из кинофильма «Основной инстинкт» — высокого худощавого мужчины в очках без оправы, с незапоминающейся внешностью (после легендарной сцены допроса, в которой Шэрон Стоун сдвигала-раздвигала свои ноги, не вспоминалась не только внешность Косенко, но и красивое лицо самой актрисы). Он говорил сухим тоном и даже в жару одевался, как полагается детективу, в дешёвый костюм, тёмную рубашку и галстук. Единственной вольностью в его аскетичном образе были косые диагональные полоски на галстуке.

Большинство моих ипостасей обходится без псевдонимов, приспособившая под свой менталитет исходные фамилию, имя, отчество «Донских Ярослав Георгиевич»: профессор из Америки Мэтью Д. Дональдсон, экономист Я. Г. Донштейн... И я думал, что псевдоним «Косенко» и прозвище «Коса» ведущий специалист по инструментальной и неинструментальной детекции лжи взял себе как раз из-за полосок на галстуке. Но выяснилось, что Коса нашла на Камень.

Самой значительной работой Косенко явилось разоблачение киноактрисы Шэрон Стоун. Оказывается, звезда много лет лгала о своём «ай кью» — коэффициенте интеллекта: он у неё был не 154, словно у Альберта Эйнштейна, а 54.

И об этом свидетельствуют её многочисленные афоризмы:

«Я живу с одной и той же грудью на протяжении всей жизни». [С такими деньгами, могла бы уже и вторую «пришить» у пластических хирургов.]

«Женщины, может, и имитируют оргазм. Зато мужчины имитируют отношения». [А актрисы — интеллект.]

«Я никогда не была ребёнком. Я пошла и заговорила в 10 месяцев». [И закурила в 12.]

«Когда [в 50 лет] я честно объявила, что мне стукнуло 40, голливудские продюсеры, видимо, ослышались и решили, что я объявила себя чумой. Если они не хотят работать с актрисами старше 40 лет, они самые большие кретины в мире». [Жизнь после сорока пяти начинает заканчиваться.]

«В постели я больше всего люблю читать сценарии». [А кажется, что тыкать мужчин ножом для колки льда, как в фильме «Основной инстинкт»!]

«Мужчины не выносят гремучей смеси красоты и ума». [Но вам откуда это знать, миссис Стоун?! Вы опозорили всех красивых и умных женщин в мире! Теперь мужчины думают, что в постели их хотят убить. А хотят-то всего лишь заставить ЖЕНИТЬСЯ!]

Лишних 100 баллов «ай кью» к образу писательницы-бисексуалки Кэтрин Трамелл, которую играет Шэрон Стоун, «пририсовал» кинокамерой режиссёр Пол Верховен. На съёмках фильма «Вспомнить всё» у него был роман со Стоун, поэтому она и была приглашена в основной инстинкт... э-э-э... в основной состав следующего фильма слабого Пола. Позже Верховен не раз заявлял, что Шэрон Стоун «лжёт хронически» и про то, что её обманом заставили сняться в «той» сцене, и о заметном шраме на своей шее.

Итак, правды нам никто не скажет, поэтому догадаемся сами. Как детектив Ник Каррэн догадался, что на писательнице Кэтрин Трамелл нет трусиков, потому что видел, что она их не надела.

По одной версии Шэрон Стоун, шрам у неё появился в пятилетнем возрасте в результате скачки на необъезженном пони. По другой — в двадцать лет, потому что Шэрон упала с коня (подвариант — с велосипеда, ещё один подвариант — с жеребца по имени Велосипед). Следовательно, лошади здесь не при чём. По сведениям некоторых из биографов, в четырнадцать лет Стоун делала аборт

и могла после этого попытаться покончить жизнь самоубийством. Непонятно, была ли это петля времени или бельевая верёвка, но вариант «попытка суицида через повешение» — основной инстинкт... э-э-э... то есть основная версия. [Ещё одно предположение: шрам ей «оставил» Сами-Знаете-Кто. Как и Гарри Поттеру.]

Когда техника Косенко спрашивают: «Почему вы занялись этой экспертизой?» — он обычно врёт про научный интерес. Ему неловко признаваться в том, что он перепутал Шэрон Стоун и Мэрилин Монро.

Вот так Коса наскочила на Камень, ведь основной инстинкт... э-э-э... основной перевод слова «стоун» на русский — «камень», и, соответственно, «Шэрон Стоун» означает «Настя Каменская».

* * *

Ожидавших приёма у великого экстрасенса было всего двое: Он и Она. Их внимательные взгляды лазерными лучами скрестились на моей фигуре, как только дверцы лифта разошлись, но тотчас же безразлично выключились. Ну не похож я на победителя третьего сезона «Битвы экстрасенсов» Мехди Эбрагими Вафу или на Вольфа Мессинга, который носил звание великого экстрасенса до меня: ни тебе орлиного носа, ни пышной шевелюры... И шаманский бубен в правой руке, лозу — в левой, и магический хрустальный шар в зубах я обычно не ношу.

На стене, напротив двери в мою квартиру, красовалась надпись, сделанная алой, горящей от накала страстей аэрозольной краской: «Майкл, какой же ты ублюдок! Цеппелин». Пунктуация уже была кем-то исправлена шариковой ручкой: в итоге получилось «Майкл, какой же ты! Ублюдок Цеппелин», что я посчитал справедливым судя по размеру граффити, ублюдками всё-таки были оба. Но поскольку про меня не упомянуто, закрашивать принципиально не буду — надоели систематические ремонты.

«Здрасьте, забор покрасьте!» — «За миллион?.. Да за такую цену хоть Великую Китайскую стену!»

Мысленно «сфотографировав» парочку, я начал доставать ключи, одновременно проявляя плёнку предварительных впечатлений и печатая с неё выводы. Всё в старых добрых традициях, без цифровых технологий.

Она — брюнетка с симпатичным, но уставшим лицом без следов макияжа. Почему не красится? Мужчины шутят: «Если ты думаешь, что твоя девушка употребляет слишком много косметики, значит ты ещё ни разу не видел её без косметики». Женщины этим не шутят. Не успевшие отдохнуть за ночь от беличьего колеса забот, они вдохновенно рисуют себе в начале дня свежие энергичные мины и смывают их только поздним вечером. Исключения из одного правила небольшие: старушки и бомжихи. Наверное, моя страдаллица не уверена в себе, закомплексована, о чём свидетельствует и головной убор не по моде. Пальто вполне современное, а неувядаемый классический берет с ним не сочетается. Тут подошла бы шляпа, но многолетние сомнения в своей внешности заставляют Её быть консервативной. Как любила приговаривать баба Ванга: «Нам, болгарам, всё равно...» Разрез глаз и некоторая скуластость пациентки указывает на изрядную примесь татаро-монгольского ига в крови — нужно ожидать и соответствующего темперамента.

Ну и погодка сегодня! Мокрый снег залепил улицы; сыро было даже в кармане, из которого я никак не мог выковырять связку ключей.

— Вы тоже... туда? — женщина осторожно покосилась на мою дверь. — Вы за нами! Тут ещё несколько человек занимали очередь, но не стали ждать... Как думаете, примет нас экстрасенс сегодня или нет?

Живой характер заставлял Её вступать в приватные разговоры, а комплекс неполноценности перфорировал паузами обращённый ко мне вопрос.

— Не беспокойтесь, — отозвался я. — Примет... Сначала чего-нибудь горяченького вовнутрь, а потом и вас.

...В отличие от своей жены, — а в том, что ко мне на приём пришла перессорившаяся парочка, сомневаться не приходилось, — Он был светловолосым «шведом» со светлыми северными глазами. Сдвинутая на одно ухо шапка открывала млажавое, но нарезанное мелкими морщинками лицо. Об индивидууме и его повадках морщины говорят многое: множество неглубоких горизонтальных на лбу указывают на любовь к сплетням, угловатые резкие над бровями характерны для агрессивных натур, а радиальные, щелями, около рта, будто на куриной гузке, со временем появляются у робких. Эти закономерности я выявил уже давно, а вот интересно: если шапка на голове сидит криво, означает ли такой признак, что мозги тоже набекрень? Нужно понаблюдать и обобщить.

Любопытно, что кожа страдалца, обветренная и наждачно грубая, успела уже чуть загореть — для зимы, когда люди принимают ультрафиолет только из ламп дневного света, явление нетипичное. Вывод: к нам прибыл представитель бродячей профессии, в общем, что-нибудь разэтакое романическое, короче — геолог. Профессиональные приметы хорошо прописаны только в произведениях Артура Конан-Дойля: «Если ко мне в комнату входит джентльмен, пропахший йодоформом, если у него на указательном пальце правой руки чёрное пятно от ляписа, а сбоку на цилиндре шишка, указывающая, куда он запрятал свой стетоскоп, нужно быть совершенным глупцом, чтобы не признать в нём деятельного представителя врачебного сословия».

В обстоятельном и неторопливом девятнадцатом веке все ходили с множеством примет, а сейчас прямо беда! Нет бы моему пациенту геологический молоток приволочь, да не в рюкзаке, а в прозрачном полиэтиленовом пакете, или сейсмоприемник достать из кармана...

Гадай теперь: может, Он не геолог, а просто без ума от подлёдного лова; загорел на рыбалке; когда слышит, как течёт вода из неисправного смесителя, мечтательно закрывает очи; знает, сколько глоточных зубов у ззя, а сам работает в соседнем с нашим ЦЭ НИИ корпусе, — допустим, у программистов в лаборатории параллельных информационных технологий. Почему бы и нет, ведь я там никого, кроме их шефа Вавилова, не знаю; его-то, конечно, ни с кем не спутаешь — вальяжный барин и кличку имеет подходящую — Казанова. Это вам не плебейское «ублюдок Цеппелин». Хотя, конечно, ник Десятый Уровень Лехи Казанкина, ученика великого экстрасенса, не переплунешь: там +500 к «Здоровью», шесть аптчек и бесконечные патроны.

* * *

Самые маленькие из тридцати девяти моих ипостасей — четверняшки Ксюша, Маша, Даша и Саша. Им по три года, и они трогательные, как котята. Наблюдать за ними — всё равно что смотреть мультфильм...

Беленькая Даша рисует, фломастеры уже почти пустые и красят слабо. Флегматик Даша говорит им:

— Сейчас отдам вас мамочке!

Фломастеры (Дашиным милым, добрым голосом):

— Даша, мы не хотим к мамочке.

Рядом брюнетка Ксюша, острый, как чёрный перец, холерик, трясёт свою коробочку, но фломастеры застряли. Ксюша злится:

— Они не выходят!.. Стыдно им!!!

И снова остервенело трясёт коробку.

Сангвиник Маша в такт с движениями руки качает тёмно-русой головёнкой. Ей всегда весело — она изображает каких-то толстых, довольных урожаем капусты зайцев:

— Это зайчья семья!

Меланхолик Саша сопит в ответ:

— А это снежно-человечичная...

«Прибежали к тятё йетти...» — снежный человек у Александры больше похож на утопленника: шерсть уныло свисает с боков, в глазах — тоска. Сейчас будет плакаться, что в горах мало снега. Ага. И камня.

Девочки появились среди моих ипостасей после того, как я поменял темперамент кинорежиссёру Михаилу Нечаеву. Они — эталонные образцы. Характера-то ещё нет.

* * *

Распахнув наконец бронированную, словно в бомбоубежище, дверь, которую мне бесплатно поставил директор фирмы «Сезам», так как я открыл ему Третий глаз на то, что его главбух подделывает отчётную документацию и ворует деньги, и, не дожидаясь, когда меня примутся окликать, я дружелюбно покивал супругам, Ему и Ей: заходите, мол, вэлком, пипл — добро пожаловать!

Не люблю пугать своих гостей резкими высказываниями и резвыми движениями, потому что вид у них и без того стал потерянным. С теми, кто идёт к знаменитому экстрасенсу за помощью, приходится быть предельно точным в обращении и, безусловно, серьёзным, что даётся мне с некоторым усилием. Над имиджем я специально поработал с Нечаевым, имеющим обыкновение в творческих муках выворачивать свою съёмочную группу наизнанку. Поскольку смех и экстрасенсорика несовместимы так же, как несовместим смех с сексом, то от «себя» я оставляю только доброжелательность, а чувство юмора заталкивается мной подальше в гипоталамус. Пусть полежит — целее будет. Я имею в виду свою голову.

— Раздевайтесь и проходите в кабинет, — предложил я супругам, быстро отсекая в уме так и просившееся с языка: «Пожалуйста на аменины!»

Прихожая всегда слегка жала мне в плечах, поэтому я заказал встроенное в шкаф-купе зеркало и такое же — заднего обзора — повесил напротив. Пусть их серебристая, мерцающая как русалочья

чешуя поверхность оптически раздвигает пространство. Для этой же цели было повешено и полотно Айвазовского в золочёном багете — подарок одного омолождённого мною коллекционера. Благодаря моим титаническим усилиям старый мухомор был превращён в молодую бледную поганку, но с выдававшей его возраст устоявшейся лексикой: «...Я следы плоскостей очень люблю на зачётах спрашивать, понимаете ли. Они у студентов слёзы, понимаете ли, вызывают. Экономист у меня один сдал, так он пять раз не выдерживал, понимаете ли. Потом наконец выдержал, так только потому, что я не выдержал, понимаете ли». Нечего удивляться, что его по-прежнему называют не «профессор Крапивенский», а «профессор Кровопивенский!». Не хотел я его омолаживать, да потом, как тот экономист, не выдержал, понимаете ли.

Мне самому — 351 год. Конечно, я пока молод и не «дотягиваю» до графа Калиостро, носившего звание великого экстрасенса (великого розенкрейцера) до Вольфа Мессинга, — графу было 2125 лет: он плавал в ковчеге вместе с Ноем и с «каждой тварью по паре». Когда камердинера графа Калиостро спрашивали о возрасте Калиостро, слуга должен был отвечать: «Не знаю, я служу его сиятельству всего лишь последние четыреста лет...»

И ещё про «аменины»: когда мы праздновали мое 36-летие, торт и свечи покупала принцесса Цветана из династии Коленкур, приехавшая к тому, что за неё всё делал поварский цех на полигоне, и, когда в супермаркете почему-то не оказалось свечек «б» — наверное, их расхватили шестилетки, праздновавшие последний год на свободе перед школой, — Цветана растерялась. Это же вам не в человека в упор выстрелить! Что вот ей было делать?! Она купила свечки «3», «5» и «1». «5+1» получится «б». А потом и фотографию с великим экстрасенсом (спасибо, что не голым), тортом и свечками разместила в «Инстаграме». И вот так, после дня рождения и русского национального праздника «По сто грамм за Instagram!», мне оказался 351 год! Хотя я выгляжу всего на 350...

* * *

В зазеркалье прихожей, передразнивающей нас, толпа моих отражений была особенно впечатляющей. Внешность у меня мало соответствует представлениям обывателей о медиумах: во-первых, рост — 191 см, причём если с метром девяносто можно было бы смириться, но ещё и один — это, по-моему, уже наглость! Откуда, спрашивается, он взялся? Есть версия, что меня вытянули за уши как раз, когда праздновали мое 351-летие. Во-вторых, у великого экстрасенса угрюмо-серьёзный вид, выращенный Нечаевым, но совсем не отражающий внутреннего настроения.

Помогая женщине снять пальто, я отметил, что моя простая вежливость её смутила: она украдкой оглянулась на мужа — видит ли Он, что с ней обращаются как с леди? «Но знатная леди и Джуди О'Греди во всём остальном равны». Ничего Он не заметил, милая, у флегматиков свой темп жизни, как в замедленной киноленте.

— Подождёте немного? Сейчас сварю нам кофе, — сказал я и хотел взять курс на кухню, но Она остановила меня вопросом:

— Извините, а вы много берёте за консультацию? У меня с собой только пять тысяч рублей, — женщина начала судорожно открывать

замок сумочки, но его заело. «Чего Она, интересно, хочет: мне купюры показать или сама на них полюбоваться?» Её лицо пошло жалкими неровными пятнами. «Так-так, у нас имеет место крайний идеализм и в тоже время растерянность перед настоящим. В отеле для Неё никогда нет мест, стой хоть все этажи полностью пустыми, потому что — дорого; и медсестра орёт на неё в процедурной, несмотря на присутствие врача, интеллигента в тридцатом поколении». Пока Она беспомощно скребла «молнию» сумки, Он оставался спокойно-вялым. Лучше бы было, если б тоже заволновался или вознегодовал на Неё за заминку. Равнодушие — весьма опасное для семейной жизни состояние.

Всё, диагноз я поставил: это супружеская пара, пришедшая во взаимных обидах к развилке, откуда дальше одолевают дорогу жизни в одиночку. А у них дети. Двое. Младшей девочке три года. Она недавно болела, и зовут её Татьяной.

— Я не беру денег, — глядя точно в зрачки страдальице, сказала моя благородная сущность.

Она оставила открытую было сумку в покое и застеснялась ещё больше своих жалких пяти «косарей».

Я ей соврал. Беру. «Ай-лю-лю, ай-лю-лю, а я денежки люблю». Когда чувствую, что вот для этого пациента единственно убедительным доказательством того, что я великий целитель, будет только круглая сумма, которую он заплатит за труды мои тяжкие, то, больше того, с гильденов я и начинаю. Как после этого страдальцы начинают уважать меня, кто бы знал! А себя! За то, что ничего не жалеют для своего здоровья. В общем, деньги я обычно беру. Правда, в основном оплата традиционно идёт через кассу и терминалы в регистратуре ЦЭ НИИ. И далее тратится на зарплаты сотрудников, налоги и тому подобное. Много ушло и на благотворительность, например на организацию компьютерного клуба в детском доме, расквартированном в Кубичах. Недавно навещался к ним — ничего, сидят, колотят по клавишам, таскают друг у друга диски с компьютерными играми. Славный народец — сплошь дети алкоголиков.

Иногда мне кажется, что то, чем я занимаюсь, шарлатанство: ни соответствующего объёма знаний, ни систематического образования в области психологии у меня нет, потому что на мехмате, который я окончил, уважают совсем другие дисциплины, а тут — межличностные отношения, болезненные состояния, патология. Но не могу же я каждому пришедшему, а их до десятка человек за вечер бывает, жаловаться на то, что меня неправильно понимают. Слава про Славу-экстрасенса сама расползается по городу. Да что там скромничать: едут со всей России. Из-за моей аппаратуры, что ли? Приставка у меня и впрямь мощная — аналогов, у нас по крайней мере, ещё нет. Но и традиционную держу в керамическом кашпо. И аспирин есть, крашенный в дикий ржавый цвет луковой шелухой — им я лечу тех, кто хочет бросить курить.

...И люди всё идут и идут, выстраиваются в очередь перед моим кабинетом в ЦЭ НИИ, звонят в дверь и по телефону:

— Алло, Славка, ты уж извини меня, голуба, но я тут одним твой адресочек дал. Посоветуй им не делать глупостей... Как жена? Хорошо! Ждём второго. Родится сын, назовём в твою честь Ярославом, родится дочь — Ярославной. Представляешь — плач Ярославны!

Максим и Олеся Амелянны чуть не развелись, а ведь семья у них крепкая, только излишне современная, что в большой степени замешано на обыкновенно эгоизме и социальной апатии. Терпения и терпимости молодым явно не хватает.

Я временами со своей жиденькой психологией перебираюсь на более толстую и основательную ветку, социологию, чтобы покачаться на ней и заодно посмотреть по сторонам. Сплошные генетические развалины! Не единожды в истории России были выбиты её лучшие сыны — остался один я да Лёшка Десятый Уровень. Таким образом, шёл отбор, только не естественный, согласно дарвиновской теории, а противоестественный, по Берии. Сейчас у славян ущербный генофонд, и нужно пригласить несколько дивизий американцев из НАТО на совместные манёвры в районе Нечернозёмной полосы, чтобы улучшить породу.

Впрочем, первым эти мысли высказал не великий экстрасенс, а писательница Людмила Улицкая, по образованию биолог-генетик: «За последние сто лет мы прошли через отбор, который я бы назвала отрицательным. Власть уничтожила целые слои населения — всю аристократию, большинство священников и интеллигенцию. Затем она уничтожила самых способных крестьян: самых богатых, самых трудолюбивых, которых называли кулаками. В сущности, репрессии коснулись всех тех, кто независимо и свободно мыслит, выдающихся людей, у которых было обострённое чувство достоинства. Из пяти поколений выжили те, у кого был сильно развит инстинкт самосохранения, кто был готов пожертвовать всеми принципами».

Власть уничтожила благородных и умных, война выбила всех смелых и мужественных, а лень всегда была самой сердцевинной загадочной русской души — и что мы имеем в остатке?..

Комментарии в интернете.

Вячеслав: А вы поинтересуйтесь, сколько в России мужчин за 30 и в даже в 40 лет ещё являются девственниками. Вот мой товарищ, очень эффективный мужик: высокий, сильный, образованный и очень симпатичный...

Риса: Неужели такие ещё есть? Верится с трудом. ПряМ полезное ископаемое:)

«Начнем с Неё. Женщины более контакты», — подумал я и распорядился вслух:

— Пойдёмте на кухню, поможете мне с кофе.

Я тронул Её за локоть, направляя к застеклённой радужным витражом двери.

— А вы посидите пока в кабинете, — последняя фраза была адресована мужу, и перед употреблением мною быстро «подстрижена», потому что в полном виде моё предложение звучало бы так: «А вы посидите пока в кабинете с компьютером в обнимку...»

Мне постоянно приходится редактировать себя, так как на незнакомых людей весёлость их врачевателя может подействовать удручающе.

— Как ваша младшенькая — Танечка? Выздоровела уже?.. — спросил я, доставая турку для кофе.

— А откуда вы знаете, что она болела? — растерянно спросила Она.

Я и сам иногда пытаюсь анализировать: «а откуда»? Как я могу сказать Ей, что вывод о том, что у Неё двое детей, я сделал, глядя на её живот — он был растянут двумя беременностями, никак не меньше. Почему я считаю, что Танечке — три года, а не 2–3 месяца? Потому что хлопоты по уходу за маленьким ребёнком занимают все силы и время — и по экстрасенсам «шляться» некогда. Когда женщина возилась с замком сумки, из прорехи торчал сложенный пополам голубенький больничный лист с отметкой, сделанной шариковой ручкой про уход «...за дочерью Татьяной». Какой там был указан возраст, я не успел рассмотреть, но вероятность того, что из двоих детей болел не старший ребёнок, а маленькая Таня — процентов 90. Что ещё? Она недавно вышла из отпуска по уходу за ребёнком, оставив Танечку на няню или бабушку, ведь взят больничный лист для работодателя.

Пока я включал электроплиту, Фаина, которая к этому времени представилась великому экстрасенсу, рассказывала о болезни дочки: какая ужасная была ангина, как долго держалась температура, про плёнки в горле и не помогавшие антибиотики...

Кофе приготовился, и можно было наливать его в напёрстки из кофейного сервиза. Есть у меня такой в хозяйстве — презент кандидата физико-математических наук Кирилла Вавилова, который привёз его из Страны Восходящего Солнца; на фасаде чашечек (их пять, а не шесть, как в русской сервировке) были изображены «джапаниз герлз» — две японские девушки в кимоно, гэта и с велосипедными спицами, торчащими из мозжечков.

Когда я снова повернулся к Фаине, она плакала. Из глаз с таким же узким разрезом, как у моих гейш, катились крупные слёзы, оставляя блестящие дорожки, какие гримёрши в кино делают из глицерина, когда примадонна совсем выдохнется на дублях, умоляя Нечаева-Станиславского, чтобы он не говорил больше: «Не вижу. Не верю». Тупой плачет дважды.

— Ну вот... — ласково-утешительно сказал я и пересадил Фаину на более уютный угловой диванчик. — Давай-ка, расскажи, что у вас там случилось?

Переход на «ты» в такой плачевной ситуации был необходимостью, а не пробелами в моём аристократическом воспитании. Моя мама, наотрез отказавшаяся уезжать из небольшого уральского города, где я родился, и всё ещё работающая там врачом-педиатром, никаких ошибок в воспитании единственного сына допустить не могла.

Комментарии в интернете.

Альбина: Взрослыми становятся, не когда перестают слушать маму, а когда понимают, что мама была права!

Денис: Взрослыми становятся, не когда перестают слушать маму, а когда понимают, что ты и есть мама!

[Лакуна. Две страницы эпоса безвозвратно утеряны из-за разгильдяйства десятого уровня — их «подорвал» Лёха, играя в «Сапёра». Как такое возможно, не объяснил бы и сам Билл Гейтс.]

[Вставка.]

На этих страницах я сообщаю взволнованным читателям, что ошибся: первым русским экстрасенсом нужно считать не Кашпировского, а Григория Распутина, и первым великим экстрасенсом — не Вольфа Мессинга, а Джуну. И кстати, список «Титулатура ВЭ» я сделал как раз по следам «Бременских музыкантов».

Комментарии в интернете. (С сайта «Проза. ru». Из книги Владимира Бровка «Правда и вымысел в жизни Джуны».)

...Даже редакторы Википедии не выдержали манипуляций со страницей ДЖУНА и возмутились вот такой заметкой:

https://ru.wikipedia.org/wiki/Википедия:Юмор_не_по_месту_3

«За две недели августа было сделано правок сорок, и пока не было откачено, статья являлась, по сути, кандидатом в Абсурдопедию. Некоторые цитаты из откачанного:

...Является двоюродной сестрой Жанны Агузаровой.

...В 13 лет отменила крепостное право.

...Позже училась в Колумбийском медицинском университете по специальности «царица Ассирийского народа».

...С 1980 года живёт и работает на Марсе.

...Причислена к лику святых. Канонизация проходила под руководством Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II и Г. Каспарова.

...В июне 1994 года избрана вице-канцлером открытого интернационального университета комплиментарной медицины в Коломбо сроком на 505 лет.

...В 1998 году стала обладательницей золотой медали в соревнованиях по бобслею на XVIII зимних Олимпийских играх в Нагано. (Состав команды России: Великая Джуна, Брежнев, Иоанн Павел II (папа римский), Тарковский).

...Золотая медаль Комитета защиты потустороннего мира».

Правда, Десятый Уровень утверждает, что это уже нерабочая ссылка — страницу удалили. Так что великой Джуна осталась в памяти современников только потому, что, пьяная, треснула Аллу Пугачёву пепельницей по голове. Но потом склеила края раны взглядом.

[Песнь 1 эпоса. Продолжение.]

...Жалобы самые разные, и мне приходится вгонять: кого — в транс, кого — в тоску. Жаль, что в мединститутах нет заочных отделений — я б пошёл. Труды по психологии я, конечно, штудирую, но в повседневной практике это мало помогает. Наркологами всего света написаны горы книг об алкоголизме, а сколько рецидивов после классического варианта излечения бывает, лучше не говорить. Кубичи мне ночами снятся!.. И Лёхиного папаню я всё равно поймаю и вылечу, повторного курса не понадобится, потому что систему я разработал эффективную, но очень уж принудительную.

Оставив Фаину на кухне допивать кофе, я отправился на собеседование к её мужу. Он сидел перед компьютером в моём знаме-

нитом кресле, обтянутом чёрной солидной кожей и установленном на металлической подставке, позволяющей креслу вращаться вокруг оси. Я давно заметил, что кто бы в него не садился, даже люди сдержанные и предельно корректные, все начинали легкомысленно крутиться вправо-влево: одни с большей амплитудой, другие еле заметно, как сейчас Фаин муж. Например, Андрей Воропай, мастер спорта по альпинизму, пришедший ко мне договариваться о поездке в Домбайский альплагерь, час на нём крутился, чуть напрочь не свернув вестибулярный аппарат. Почему, спрашивается? Отгадка проста. Подшипник кресла я хорошенько смазал машинным маслом, вот оно и вертится от каждого движения, хочешь ты того или нет.

Я сел напротив Николая и сказал:

— С твоей женой мы во всём разобрались. Больше всего Фаю обижает то, что ты якобы считаешь её глупой... Ты с ней никогда не объяснялся на эту тему, и вот результат! Она думает, что ты попрекаешь её низким интеллектуальным уровнем. Она не понимает, что тебе трудно выражаться быстро и ясно, не хватает понятных и убедительных слов. Пока ты их ищешь, она уже начинает сердиться. Ведь так?

Мгновенный переход от спокойного рассказа об ангине к слезам был в этом плане очень показателен: Фаины реакции были мгновенны.

— Мы не всегда понимаем друг друга правильно, — продолжил я, расхаживая по кабинету, как учитель во время диктанта. — Знаешь, в истории науки был такой случай: к Резерфорду как-то пришёл журналист. Он хотел написать статью о ядерной физике для популярной газеты. А у Эрнеста Резерфорда характер был такой же взрывчатый, как у твоей жены. В ответ на просьбу журналиста о помощи в написании статьи Резерфорд кинул ему через стол пачку листов — наброски расчётов — и саркастически заметил: «Что вы можете понять в моей работе?» Тогда журналист достал свой репортерский блокнот со стенографическими записями и тоже бросил его Резерфорду: «А что вы можете понять в моей?» Резерфорд засмеялся, и с тех пор они начали сотрудничать... Так и вы с Фаиной: кажете друг другу свои блокноты, но понять, что в них написано, не можете. Пойдём на кухню, Коля, и давай объясни ей наконец, что она ошибается — душой ты её не считаешь...

Я уверен, что они разобрались бы и сами, без экстрасенсов. Случай-то был простой, без квадратуры круга и любовных пышно-бедренных треугольников; в его основе — явное недоразумение.

Но если бы меня спросили, каким образом я это понял, то поставили бы в затруднительное положение. Догадался как-то нечаянно. Ведь высказывания мужа, те, которые Фая мне передала: «Мне трудно тебе объяснить» и так далее, можно трактовать двояко, и второй смысл будет противоположен первому. Не её он считает глупой, а себя — кретином, который не успевает наскрести нужных слов, и такой расклад я начал проверять. «...Что ты якобы считаешь её глупой», — сказал великий экстрасенс, а сам наблюдал, как Николай прореагирует. Он удивленно вскинул брови — ему такое и в голову не приходило.

Тут мне вспомнилось, как я получил свой самый почётный титул: «великий экстрасенс». Однажды меня в шутку назвали «Гудвином Великим и Ужасным, волшебником Изумрудного города». Потом кто-то тоже неправильно понял, всё лишнее отсохло, и остались только

шестая ипостась «Хлебников Я. Г., диетолог-волшебник изумрудного голода» и звание «великий».

Мы все вместе ещё раз попили кофе на кухне, разобрались во всём окончательно, и несколько смущённые собственной бестолковостью супруги засобирались домой.

Я проводил их и на прощанье сказал Фаине:

— Танечку покажите кардиологу-ревматологу...

Через день Фаина позвонила мне и сказала, что я был прав: у девочки прослушиваются шумы в сердце, правда еле слышные. В детской консультации ничего не заметили, и только специалист из кардиологического центра установил нарушения сердечной деятельности. Таню поставили на учёт и будут наблюдать. И ещё она сказала, что поражена моими способностями: ставить диагноз на расстоянии, ничего не зная о больной и ни разу в жизни её не увидев — это феноменально.

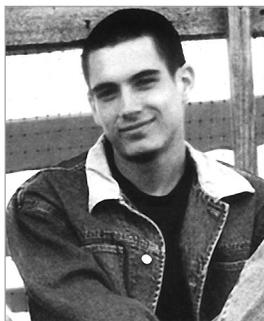
— Какие же у вас необычайные, совершенно невероятные способности! — сказала мне Фаина.

На способности я не жалеюсь, но они всё же ограничены. Например, я не могу поставить диагноз человеку, который живёт в пригороде. А в соседнем доме — пожалуйста! Если, конечно, мне расскажут, чем он болеет, всезнающие пенсионеры, выпасающие внуков на детской площадке.

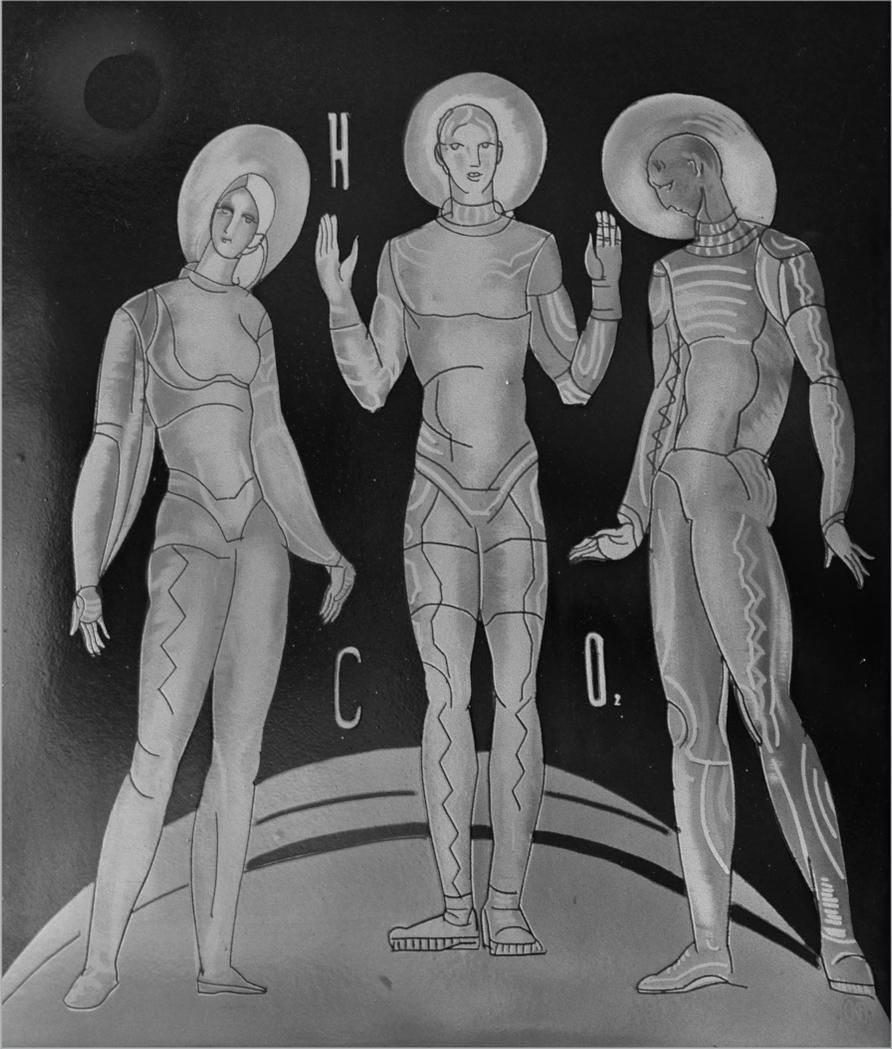
Какая тяжёлая форма ангины была у Танечки, Фая сообщила мне сама, отметив, что долго держалась температура. И если имеешь представление о загруженности педиатра в зимнее время после нескольких недель погодной пляски, становится очевидным, что участковый врач мог и не заметить осложнение...

А приставку — дешифратор алгоритмов мозга — придётся всё-таки починить. Год уже стоит сломанная: что-то произошло с линейным выходом на лобовые электроды. Я с ней работать не люблю из-за подозрения, что она может нехорошо на меня влиять: вдруг польсею?! Или, наоборот, лохматость у великого экстрасенса повысится? Хотя, конечно, аппарат, дающий возможность читать чужие мысли, в моей практике необходим. Особенно в сложных ситуациях, а у этих двоих случай был совсем простым...

Приложение 1

Н. х. Портрет Славы-экстрасенса
в технике крупного брызга. Х., м., бутерброды.
Пер. пол. великого экстрасенса

Часть 3

Виталий БОГОМОЛОВ

ЖИЗНЬ ЗАСТАВИТ. Статья-отзыв

Мы как проводим время? Во всяком житейском попечении, в суетной жизни, бегаем по магазинам, пялимся в телевизор, ведём бесконечные пересуды друг друга по телефону, «барахтаемся» в трясине Интернета. А в это время рядом с нами есть человек, который ведёт кропотливую затворническую работу, подобно пушкинскому летописцу Пимену в «Борисе Годунове», собирает, выискивает сведения об ушедшей и уходящей нашей жизни. Тем более о жизни, эпохе такого слоя людей, народа, который всегда был в униженном (чуть не сказал — рабском) состоянии. И вот результат невидимого труда этого человека — книга.

Она передо мною, эта книга, с названием «Всему начало — плуг и борозда».

Невозможно, казалось бы, представить, что в отдалённой глухой и теперь медленно умирающей деревне, которая когда-то была большим, богатым селом, могла появиться эта увесистая (1,8 кг) книга в 606 страниц, напечатанная на прекрасной мелованной плотной бумаге. Казалось бы, невозможно, но она есть. Вот она. Фолиант! Книга-памятник крестьянству. Бесценное достояние Ординского района, а уж про Вторые Ключики, где книга появилась и вобрала в себя всех жителей, и говорить нечего...

Вырос я в деревне. Я — крестьянин. Пахал землю, засеивал её зерном, на комбайне СК-4 убирал урожай. Пусть это длилось недолго, всего четыре года, ровно столько, чтобы, соприкоснувшись, познать цену крестьянскому труду, хлебопашеству, и сделать наиважнейшее открытие моей жизни: пахарь, хлебороб, крестьянин — главная фигура на земле. Неспроста в русских былинах сильнее всех богатырей, повторюсь, выведен именно он, пахарь, Микула Селянинович, который легко несёт в своей маленькой перемётной сумочке «земную тягу», которую даже Святогор, самый могучий богатырь, не в силах от земли приподнять...

Четыре года, нечем хвастаться, потом призвали в армию, охранять эту землю... А тут люди отдали всю свою жизнь крестьянскому труду. И Валентина Викторовна Тёплых — автор этого огромного труда — пропела гимн этим людям. Знаю, с каким трудом, с какой маетой она искала название книги. И это чудо, что нашла самое

Виталий Анатольевич БОГОМОЛОВ родился 13 мая 1948 года в городе Тавде Свердловской области. Детство и юность прошли в Ординском районе Пермской области. Трудовой путь начал в колхозе. Служил в армии, работал на заводах. Окончил филологический факультет Пермского государственного университета (1978). Трудился в колхозе, позднее работал на заводах Перми, в книжном издательстве, в ВОХР, в редакциях местных изданий. Первая творческая публикация относится к 1978 году. Первая книга вышла в 1987 году в городе Москве — «Глухариное утро». Автор двух десятков книг прозы и стихов. Член Союза писателей СССР/России (1990). Лауреат нескольких литературных премий и конкурсов, в т. ч. Всероссийского конкурса им. В. Шукшина (1998). Кавалер орденов Достоевского I и II степени (2013, 2011). Живёт в городе Перми.

точное, самое нужное название — строчку из стихотворения поэта Сергея Викулова. Это стихотворение полностью она поместила на четвёртую сторону обложки: золотое на зелёном фоне. А на первой стороне обложки, на золотистом фоне, украшенном колосьями пшеницы, — величественная картина уборки хлебов: малооблачное голубое небо (как бы предостерегающее — спешите, хлебороб, ловите погоду!) и три комбайна, запечатлённые в работе.

Потому описываю внешний вид книги, что вы её, дорогой читатель, вряд ли увидите, тираж-то крохотный. А потому себестоимость книги огромная. Да и такой тираж, может, не появился бы на свет, если бы не Виктор Михайлович и его сын Сергей Викторович Зелёнкины, столичные жители, навестившие свою малую родину, предки которых — коренные крестьяне — были раскулачены и уничтожены. Вот Зелёнкины, подлинные патриоты, и профинансировали данное издание. Увековечили земляков.

У Валентины Викторовны — учителя истории — эта книга четвёртая в ряду её кропотливых краеведческих изысканий по истории села Вторые Ключики. До этого выходили издания о войне, о камнерезном заводе, о школе. Автора, несомненно, пора зачислить в почётные жители района. Вот бы награда Ключикам была!

Время беспощадно и неостановимо, оно стремительно уходит вперёд. И слава Валентине Викторовне, что она хотя бы малую часть информации о людях, ушедших в вечность, успела ухватить, зафиксировать: благодаря её бесценному энтузиазму эти люди не канули в небытие безвестно. О ком-то биографическая информация укладывается в несколько строк... Порой и фотографий не осталось от человека. Но если бы не Валентина Викторовна с её дотошным поиском хотя бы того малого, что осталось от человека, не было бы и этого малого, и оно бы пропало. А ведь эти люди прожили такую нелёгкую трудовую, полную невероятных лишений жизнь. Об этом мы можем судить по тем развёрнутым материалам, которые автору ещё удалось собрать. Жизнь-то всех людей того поколения была примерно одинакова — война, голод, каторжный труд! Тут будет уместно вспомнить Ф. М. Достоевского, который ещё в 1877 году в своём «Дневнике писателя» предугадывал плоды будущей революции: «...Тирания эта, неслыханная в истории мира, будет основана на **всеобщем принудительном уравнении**» (выделено мной. — В. Б.).

Книга бесценна тем, что материалы не высосаны из пальца, а составлена книга на основе архивных документов и воспоминаний людей, в большинстве своём отдавших колхозному производству всю свою жизнь. Это «история становления и развития колхозного строя на территории с. Вторые Ключики и д. Межовка Ординского района» — сказано в аннотации к книге. Это своеобразная летопись.

Открывает книгу, если не брать во внимание предисловие, глава «Из истории землепользования», в которой автор отдаёт дань уважения и благодарности краеведу Ф. П. Пшеничникову (1904–1992) и труженикам Ординского музея за книгу-исследование «Орда. Преображение». В этой главе рассказывается, как проходило заселение, какие споры вплоть до судебной тяжбы происходили из-за земли, даже с такими могущественными владельцами, как Демидовы.

«Земельные споры с татарами длились более ста лет, — пишет Валентина Викторовна. — На спорные земли между рекой Межа и рекой Иренью селились только самые отчаянные смельчаки, так как слишком велика была вероятность нападения со стороны татар».

В 1744 году в Ашапе открылся Демидовский завод. Крестьяне Покрово-Ясылской волости, в которую входили Ключики, были приписаны к этому заводу. В книге (с. 24) автор даёт интересное в деталях описание завода по описи 1808 года. Эксплуатация была жуткая.

Не буду пересказывать содержание книги, желающие могут найти её в районной библиотеке и ознакомиться с интереснейшими краеведческими подробностями. Например, об ашапской помещице Л. В. Козловой, имя которой было на слуху даже ещё в моём детстве. Старики рассказывали, как в её угодьях заготавливали в зимнюю пору строевой лес и везли его на лошадях за многие километры. За день — один рейс, одно бревно...

Интересны разные названия прилегающей ко Ключикам местности, закрепившиеся в народной памяти.

Вторая глава рассказывает нам об истории колхоза «Заря» за 1929–1959 годы. Автор приводит страшную схему раскулачивания крепких крестьянских хозяйств, а по сути — уничтожения самого трудоспособного слоя (с. 39 и далее). Накладывали штрафы за неплату налогов. А откуда крестьянин мог взять деньги? Уже этим он изначально был обречён на уничтожение. В первую очередь, уничтожали тружеников. Да ещё при этом примешивались зависть, обиды, месть активистов, возвышенных условиями коллективизации, вознесённых во власть.

Ещё удивительно, как все эти обиженные крестьяне России встали в годы войны на защиту страны, а не повернули оружие против своих угнетателей.

Действия, нередко по безрассудному раскулачиванию, по сути, подрывали народное хозяйство страны, саму страну. Нет прощения Сталину за презрение и ненависть к крестьянству! Нет!

Репрессиям подвергались даже люди пожилого возраста, 60-летнего и старше. Ссылались целые семьи, страдали дети. Сколько человеческих судеб перемололи жернова коллективизации! К примеру, — род Зелёнкиных (с. 73–79). А ведь все эти «кулаки» были люди «неутомимого трудолюбия», как пишет Валентина Викторовна.

По коллективизации существуют мнения самые разные. Но мне ближе такое: голод 1930-х годов — прямое следствие коллективизации, разорения и уничтожения крестьянства, причина смерти миллионов замученных в ссылке и расстрелянных пахарей-кормильцев народных. Эти миллионы, отправленные на тот свет, были лишены возможности созидательного труда на благо Отечества. Несомненно, время требовало объединения крестьянских хозяйств в единую производительную систему, но надо было вдумчиво искать гуманные способы этого объединения, а не тиранические... Уничтожив «кулаков» как класс, сломав несговорчивым хребет, начинать поднимать сельское хозяйство приходилось с нуля, о чём свидетельствует глава книги «Трудности первых лет». Конечно, постепенно жизнь налаживалась, но какой ценой...

А вскоре грянула война. Невероятными тяготами рухнула она на плечи народа. И если учесть, что армия состояла в основном из

крестьян, то нетрудно представить, что пережила деревня, когда женщинам и подросткам приходилось пахать и боронить землю-матку на коровах...

«Мужья (мужики) — на войну, а нам, бабам, оставили детей на шею да работу свою на плечи! Мы теперь, как каторжане, должны спину гнуть: армию накорми, детей накорми, а самим есть нечего! Всё отдай в налоги, есть это или нет: масло, молоко, мясо, яйца». (Наш совр. N 4, 2015, с. 136).

Людская кровь лилась потоком, солдаты неисчислимо гибли на фронтах батальонами, полками, дивизиями... Пространство от Волги до западных границ усеяно русскими костями. А сколько воинов погибло ещё и на чужбине!..

Война нанесла невосполнимый урон нашему народу. Если собрать кровь 27 миллионов погибших, учитывая, что её средний объём в теле человека 5 литров, то можно этой кровью заполнить 45 железнодорожных составов по 50 шестидесятитонных цистерн каждый.

Всё вынес наш народ, всё претерпел. Слава ему!

Огромное число таких людей-тружеников содержит книга Валентины Викторовны — членов колхоза «Заря». И не только периода коллективизации, военного времени, но и послевоенного поколения, потомков тех первопроходцев, участников реорганизации, укрупнения-разукрупнения, буквально до последних дней существования колхоза. Эту книгу можно часами сидеть читать, вглядываясь во множество фотографий знакомых и незнакомых людей, документов, вдумываясь в непростые судьбы ушедших колхозников.

В материале под названием «Подведение итогов» (с. 342), читателя непременно рассмешит описание спора шофёра с милиционером ГАИ о том, люди или нет колхозники.

Около двухсот страниц своей книги Валентина Викторовна уделила колхозникам деревни Межовка — участка колхоза «Заря». В Межовке она несколько лет учительствовала в свои молодые годы, ежедневно отмеряя ногами по тропе от Ключиков до Межовки пять километров пути. Она взвалила на себя огромную дополнительную работу, потому что разыскать материалы по умирающей деревушке оказалось невероятно трудно. И от горстки оставшихся здесь жителей — земной поклон Валентине Викторовне!

Колхозы, за создание которых народ заплатил в XX веке невероятную цену, были поставлены на стыке XX и XXI веков в безвыходное положение и постепенно прекратили своё существование. Если где-то ещё остались коллективные хозяйства, то держатся они исключительно на энтузиазме беззаветных руководителей-подвижников.

В этом плане очень показателен в книге материал СПК «Помоздино», написанный В. А. Рогожниковым, уроженцем Ключиков, который с 1985 года руководил крупным совхозом «Помоздинский» в Республике Коми, а в должности руководителя нескольких крупных сельхозпредприятий он проработал плодотворно 25 лет. Имея колоссальный опыт, Владимир Анатольевич пишет, что, по утверждению «специалистов, на 80% в банкротстве виновато правительство России и его антикрестьянская политика». Впрочем, очевидно это для всех, кто работал на земле.

Исходя из убеждения, что крестьянство — это ноги государства, на которых оно стоит, надеюсь, что когда-нибудь наше правительство

обратит научно продуманное и мудрое внимание к земле-кормилице, к сельскому хозяйству, к его труженику. Жизнь заставит.

А погибшим советским колхозам и их труженикам Валентина Викторовна книгой «Всему начало — плуг и борозда» возвела достойный памятник.

Владимир КРУПИН

О РАСПУТИНЕ. Письмо издателю. Очерк

Вы всё время напоминаете мне, чтобы я написал книгу о Валентине Распутине. Я постоянно об этом думал, но пришёл к выводу, что написать её не смогу. В той мере, какую заслуживает его личность. И постараюсь это объяснить.

Судите сами.

Я познакомился с ним поздней осенью 1972 года. Был тогда редактором в издательстве «Современник». И меня командировали в Иркутск, на конференцию молодых писателей. Она называется «МТС». Название меня насмешило: до армии я как раз успел поработать именно в МТС, машинно-тракторной станции.

— Чего заулыбался? — спросил мой начальник

— Я слесарем по ремонту в МТС работал.

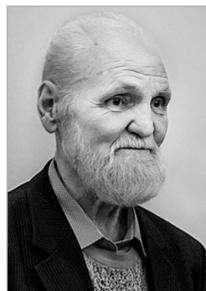
— А, нет, это конференция «Молодость, Творчество, Современность», такая МТС. Там сильная молодёжь.

Добавлю, что издательство «Современник» (создано в начале 1971-го) свершало великое дело помощи писателям и поэтам России. Это ветераны Союза писателей хорошо помнят. Когда меня демократы старались укунуть за уязвимый, по их мнению, факт моего пребывания в партии, это мне как награда. Откройте архивы, темы наших партсобраний, протоколы партбюро: о чём были наши радения? Именно о помощи писателям из провинции. Строго спрашивали с редакции прозы, поэзии, критики и литературоведения, национальных литератур именно за издание книг не просто писателей с мест, а непременно за поиски молодых талантов. А то, что они были везде, сомневаться не приходилось: это же Россия, это же русская литература, это же литература народов Российской Федерации!

И вот я полетел. В самолёте не спал ни минуты. Летели часов семь с посадкой в Омске. Разница в Иркутске с московским временем пять часов. Открытие конференции было в день прилёта. А я вторые сутки без сна. Конечно, уснул прямо в президиуме. И вдруг меня толкают в бок. Оказывается, что мне предоставляют слово. Но так как я в самолёте думал о выступлении, то легко его проговорил. Произнёс вызвавшую аплодисменты заготовленную фразу:

— И точно так, как в зиму 1941 года пришли в Москву сибирские полки и защитили её, так и сейчас сибирские писатели приходят в литературу России и спасают её.

Владимир Николаевич КРУПИН родился 7 сентября 1941 года в посёлке Кильмезь Кировской области. Окончил филологический факультет Московского областного педагогического института (1967). Преподавал в школе. Работал редактором. Преподаёт в Московской духовной академии. Неоднократно бывал и выступал в городе Перми. Первая книга вышла в городе Москве в 1974 году — «Зёрна». Автор большого количества прозаических книг. Член Союза писателей СССР/России (1975). Лауреат различных литературных премий, в т. ч. Патриаршей литературной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Кавалер ордена Дружбы народов, ордена Достоевского I степени (2012). Живёт в городе Москве.

Мне было что сказать: имена иркутян были в планах нашего издательства — Геннадий Машкин, Вячеслав Шугаев, Станислав Китайский, Евгений Суворов, Альберт Гурулёв, Глеб Пакулов, Дмитрий и Марк Сергеевы. Значился и Валентин Распутин. Но я у него ничего не читал. Хотя слышал самые хорошие отзывы о его повестях «Последний срок» и «Вверх и вниз по течению».

Перед торжественным ужином по случаю открытия конференции он сам подошёл, протянул руку. Как-то легко и улыбочиво с ходу мы стали на ты.

— Я видел, что ты спал, это же понятно, такая переброска во времени. Но хоть бы что — тебя объявляют, вышел, отбарабанил.

— Такие речи может и табуретка говорить.

— Но мыслящая.

Он просил обратить внимание на молодого прозаика Валерия Хайрюзова, который как раз числился в моём семинаре.

Ещё из того приезда запомнил, как смотрел с третьего этажа из окна гостиницы «Ангара» на уходящего Валентина. Ветер, метель, а он в лёгоньком пальто, лёгких ботиночках, даже без перчаток, прижав локтем к груди изрядную стопку книг и рукописей, пересекает огромную центральную площадь.

Ну вот, вернулся я в Москву, и на следующий день наутро увидел около своей кровати жену, которая прижимала к груди книгу Распутина. Она спросила:

— Ты проснулся?

— Да.

— Ты знаешь этого писателя, ты с ним знаком?

— Да, — отвечал я, — он же книгу-то подписал. Хороший парень. Обещал, когда будет в Москве, зайти в гости.

— Какой парень?! — потрясённо сказала жена. — Ты понимаешь, что это великий писатель?

— Да я пока ничего у него не читал. Хотел в самолёте почитать, но эти иркутяне так провожают, что потом улетаешь от них как в тумане. А что, хороший писатель?

— Не то слово! Я же сказала — великий!

Тогда же прочитал я «Последний срок», и понял: жена моя, учитель литературы, права.

Когда Валентин прилетел в Москву, позвонил, мы встретились, я сказал:

— Ну вот, как мне теперь дальше жить? Я же тебя уже на ты называю, а теперь прочёл, и не смею.

— Нет уж, пятиться не будем, продолжай на ты называть.

Я и продолжил.

И продолжал все последующие сорок два года. И теперь, в тоскливом одиночестве после его ухода в жизнь вечную, понимаю, что ничего о нём не смогу написать. Не от бессилия, от нехватности его личности. Ведь это же только представить, и представить даже невозможно эту прожитую жизнь в дружбе с ним: обилие встреч, сотни заседаний на всяких съездах и пленумах, комиссиях, совместные поездки в десятки стран, тысячи и тысяч звонков, сотни писем и записок, тысячи и тысячи чаепитий, радости выхода книг, премьеры спектаклей и кино. Сами эти мероприятия как-то облагораживались от одного его присутствия. Бывали они иногда в не очень дружеском

окружении. Вот мы, члены Комитета по Ленинским и Государственным премиям, приходим на первое заседание. Валя, осмотревшись: «Видимо, нас сюда посадили для прибавки процента русских».

В 1986 году на съезде писателей СССР нас избрали секретарями правления. Пришли на первое заседание, входим, ну — генералитет! Пробрались подальше от начальственного стола. И тут сразу подошёл председатель правления Сергей Михалков: «Это что такое? Это что за галёрка, что за оппозиция? Ну-ка пошли со мной! — Привёл на первые места, приговаривая: — Вы здесь по праву, вы никого не выживали, никого не подсаживали, тут всегда и будьте». А были мы тогда самыми молодыми членами секретариата СП СССР.

С одной стороны, Валентин Григорьевич был неисправимый пессимист, с другой — помню его и шутником. Летим в Венецию. А тогда очень читаемым был роман «Увидеть Париж и умереть». Идём на посадку и долго, совсем низко летим над волнами, так и кажется, что булькнем. Валя хладнокровно смотрит в иллюминатор, поворачивается, смеётся: «Увидеть Венецию и утонуть».

Приём в Ватикане у папы Римского. Кардиналы в лиловом (шёпот на ухо: «Этот цвет показывает почтение к вашему визиту») деликатно просят не занимать папу беседой более двух минут. Валя мне: «Бери мои две минуты и говори с ним четыре».

Первый раз мы вместе за границей были в 1976 году в Финляндии. И там наговорили много кой-чего. То есть ничего такого не говорили, но для того времени и это казалось смелостью. Валя: «Вообще, я думаю, надо меньше писать. Всё уже написано. Надо больше читать. И меньше издавать новых книг. Будет экономия древесины, сохраняются леса. Сейчас писателей в Советском Союзе всё больше. Явный рост по сравнению с царским временем. В Орловской писательской организации пятьдесят человек (здесь он для красного словца увеличил цифру), пятьдесят, а до советской власти было только три писателя: Бунин, Лесков и Тургенев». Я же, в свою очередь, добавлял: «Мы уезжали из Москвы, и там был холодный проливной ливень, а вот у вас в Хельсинки сияет солнце. Значит, небеса более благосклонны к капитализму, нежели к социализму». Такие шутки надолго (мне вообще на десять лет) закрыли нам выезды за рубеж.

Много чего можно вспомнить. Хотя бы две уносившие время и здоровье эпопеи: борьба против поворота северных рек на юг и «Байкальское движение» за чистоту вод. Но что это добавит к показу личности Распутина? Главного всё равно не ухватить. Главное — невозможность выразить тайну его воцерковления. И значение этого в его жизни. Именно она давала ему силы в борьбе за возрождение Православия в нашем Отечестве. Крестился он осенью 1980-го в Ельце по благословию нашего первого общего духовника-схиеромонаха Нектария (Овчинникова). Крестил архимандрит Исаакий. Были при этом только мы с Маргаритой (Ренигой) Григорьевой и келейница архимандрита. Раб Божий Валентин в своей новой белой рубашке прямо светился. И несомненно, Крещение стало одухотворять его труды.

Вера православная помогала ему сохранять великую скромность на заоблачных высотах власти и одновременно питала нестигаемую твёрдость в отстаивании позиций, когда дело касалось вопросов русской культуры, русского самосознания, русской самобытности.

Нет, пусть всё это останется только во мне, те места и события, когда мы были вместе: схождение Благодатного Огня в Страстную субботу в храме Воскресения Господня в Иерусалиме, и та ночь на Поле Куликовом, и Прохоровское поле, могилы: отца в Аталанке, дочери и жены в Иркутске, Ольхон, и та морозная лунная ночь на Байкале, Япония и Монголия, Венеция, Ватикан, поездки в мою Вятку, Питер, Белгород, Мурманск, где был ранен его отец, Петрозаводск, Орёл (могила Воронцова), Киев и Минск, Вологда (иначе как нам без Василия Ивановича), и научные центры подмосковных городов. И отдельно — Сергиев Посад, Задонск. И Новгород, и Кострома. И ночь у костра рядом с белеющим в темноте Ферапонтовым монастырём. Нилова пустынь... Всё это сияющее пасхальными свечами царство никогда мне не выразить, и пусть оно доживает и доживёт только во мне. Не от того, что не хочу им делиться, просто оно настолько велико, что не сумею. Нет уже сил, не смогу. А скорее всего, и не хочу. Вот и подаренный им письменный прибор «Пушкинский», вызвавший к жизни рассказ «Четыре немецких пишущих машинки». Что теперь!

А как вспоминать последние его земные годы? Эти болезни, вызванные двумя нападениями на него: в Красноярске и Иркутске. Его же убивали в самом прямом смысле этого слова! Особенно ужасно было видеть следы страшного удара по лицу. Когда даже лобная кость сломалась и потребовалась сложнейшая операция для выравнивания её.

А то московское утро, когда услышал об аварии самолёта в Иркутске и сразу позвонил ему, и спросил, не погиб ли кто из знакомых. «Куда уж знакомее: Маруся ушла».

А потом и Света, венчанная жена, ушла. И восполнить такое ни сын, ни внуки, ни товарищи, ни друзья не могли. Одиночество обрушилось на него. Одиночество и болезни. Он так много перестрадал, что хватило бы на десятерых.

И последняя встреча. Мы пришли к нему с иеромонахом Заиконо-Спасского монастыря отцом Иоасафом. Валя исповедовался и причастился. Лежал, весь выболевшийся и просветлевший.

Дорогой издатель, судите сами, как обо всём этом написать? О том, как нас привели в алтарь храма Христа Спасителя, где показали мраморную доску с именами членов первого Совета по Возрождению этой святыни. Там были и наши фамилии.

— Ради этой надписи стоило жить, — сказал Валентин.

А уже через недолгое время в этом храме свершались отпевания членов Совета Георгия Свиридова и Владимира Солоухина. Настала очередь и раба Божия Валентина. Именно в день своего рождения он ушёл в жизнь вечную. Ведь в Иркутске уже было 15 марта, когда в Москве 14-е. Близилась полночь. Что-то во всём этом есть промыслительное. Особенно то, что 15-е марта — это день Державной иконы Божией Матери, спасающей доселе Россию.

Ничего уже не вернётся. И умрёт вместе со мной. Но оно же было! Как и та ночь, когда мы сорвались из застолья в гостинице «Русь», схватили частника и поехали на могилу его друга Сани Вампилова, погибшего за три месяца до нашей встречи. Машина буксовала, я швырял под колёса свою вятскую ямщицкую дублёнку.

Вернулись в город ночью. Валя не сразу меня отпустил, привёл к себе домой. Тогда они жили на бульваре Гагарина, ближе к Ангаре. Мы потихоньку прокрались на кухню. Валя достал из холодильника вкуснейшую байкальскую уху, сваренную его женой, великой мастерицей Светланой.

Согласитесь со мной, что всем нам пока не под силу осмыслить появление Валентина Распутина в России и его значение для её нравственной жизни.

И вот вроде уже закончил оправдание своего бессилия написать о Распутине, как озарилось в памяти ещё одно воспоминание: Оптина пустынь, 1980 год, разрушенный монастырь. Школа механизации. Ночуем в скиту. Постелили нам на полу в доме, в котором был Достоевский, а до этого были в келье преподобного Амвросия, у которой стоял Толстой. Там жил мужичок, который из пребывания в келье святого извлекал для себя житейскую радость жизни. «Парни, — говорил он, — я же вижу, что вы неспроста. В смысле, здесь появились. Вообще, парни, закуска у меня есть, а сбегать ещё кое за чем, это я в момент».

Выдали ему сумму. Пока он бегал, пошли к колодцу, умылись и напились. Такая тишина стояла.

Валя, поглядев на вершины сосен, сказал:

— Вот взять и остаться. А? Ведь всё то же самое, только сосны подросли.

— Да река крови пролилась.

— Да, в России всегда так. Эта река и Россию спасла. Бог спас. А у него смерти нет.

РАСПУТИНСКОЕ СЛОВО. Рассказ-эссе

А вдруг всё это приснилось, всё, что началось в день его рождения, с пятнадцатого марта? И этот предполуночный звонок, и ночное радио, и утреннее телевидение, и храм Христа Спасителя, и люди, люди, люди, и гроб, утонувший в цветах, и Патриарх, и облегчающее душу отпевание, и долгий перелёт навстречу рассвету. Ангара, Знаменский монастырь, и снова люди, люди, люди, и митрополит, и холм жёлтого песка, и резной крест, и гора цветов над могилой, и шеренги венков у стен церкви, — вдруг всё это приснилось? И это холодное мартовское солнце. И этот мужчина у могилы, земляк писателя, который горестно восклицал, обращаясь к фотографии: «Валентин, а чего же Григорий-то и Нина не приехали? А ты ведь столько им помогал».

И этот осиротевший Иркутск. Было ли?

Да, всё было. И тяжелейший обратный путь из Сибири к закату.

Давным-давно, не помню от кого, услышал я выражение: «В мире одно счастье — Бог, остальное страдания». Вначале всё во мне сопротивлялось: а как же радости жизни, и улыбки, и книги, реки и моря? Но ведь это всё вечно только для Бога, для нас — мгновение, вскрик в ночи. Как ни живи, а впереди смерть. Если ребёнок родился, он умрёт. Чему радоваться?

И второе, уже евангельское: «Мир во зле лежит. Злу не положено предела». Да, так. Конечно, мы верим, что Господь поразит зло, но Он поразит его в полном объёме, а для этого оно и должно открыться в своей полноте. А наше дело — спасти себя. Мы на земле в командировке, посланы в неё, чтобы заработать вечную жизнь. Она же есть! Не умер же преподобный Сергей Радонежский и все святые, они с нами!

Валентин Распутин очень любил святого Сергия. Исследователи творчества писателя проходят мимо главного в распутинских трудах, в их духовной наполненности. Она и всегда была. Маленький ранний рассказ «Мама куда-то ушла» говорит о страданиях мальчика, который проснулся и увидел, что он всеми оставлен. Ему кажется, что он одинок, но кто-то же его видит, жалеет его? Конечно, Господь. Тогдашний автор взял на себя всеведение Бога: он был с мальчиком, но тот его не видел. Жалость автора передалась читателям и они своим состраданием помогают ребёнку пережить одиночество.

Валентин Григорьевич предчувствовал свою земную кончину. «Он лежал и вяло и безпричинно, будто с чужой мысли, мусолил в себе непонятно чем соединившиеся слова "март" и "смерть". Было в них что-то общее и кроме звучания. Нет, надо одолеть март, из последних сил перемочь эту последнюю неделю» (повесть «Пожар»). Много мартов пережил, нынешний не смог.

Главный секрет его таланта в том, что он глубоко православный, воцерковлённый человек, раб Божий. Его вера была сокровенна. За год до 600-летия Куликовской битвы он был на Поле Куликовом и написал о нём. Затем была работа «Ближний свет издалека» о преподобном Сергии. И это были те вершины, по которым равнялись и остальные труды.

Он крестился в Ельце в 1980 году. Его духовным отцом был великий старец схиеромонах Нектарий, благословивший Валентина крестом последних оптинских старцев. Многие ли знают, что и Оптина пустынь была возвращена Православной церкви трудами Распутина? Это к слову сказать тем, которые всячески кусали писателя за «хождение во власть».

Когда мы читаем о мучениях христиан первых веков, то вот перед нами Распутин — их повторение в наших временах. Его дважды убивали, в Красноярске и в Иркутске, у него умер сын, погибла дочь, тяжело и долго умирала жена, и сам он шёл по лечебницам и больницам как измученный человек, как израненный воин. И при всём том слышал ли кто от него хоть малую жалобу на болезни? Какой там! Его продолжали мучить, от него требовали постоянного присутствия на каких-то совершенно ненужных мероприятиях, у него рвали предисловия, а вырвав, умильно говорили: «Валентин Григорьевич, берегите себя». Как беречь, если тут же нападает другой-третий, поглощает его время, изнуряет нервы. Уносит здоровье. Воистину, жил среди писателей-вампиров.

Он был чужд обид на кого бы то ни было. Знал, что во всех своих несчастьях человек виноват прежде всего сам. Знал, что жизнь даётся для подготовки к вечности. Что ничего нечистого в Царство Небесное не войдёт. Что все испытания, беды посылаются нам для очищения души. Главное — сохранить верность Богу. И что Крест не по силам Господь никому не даёт.

В 2008 году он был в Иерусалиме на схождение Благодатного огня. Как он выстоял в храме Воскресения многочасовое стояние-ожидание в жаре, тесноте, криках? Это могло быть только с Божией помощью. Ведь уже и тогда он плохо себя чувствовал. Но всегда потом с радостью вспоминал тот день.

Он человек, которого полюбили и Восток, и Запад, как русского человека, спасителя мира. В прямом смысле. Больше миру неоткуда ждать спасения. Только из России и от России.

В силе своей прозы он неподражаем. Как назвать стиль его письма, манеру? Непонятно. Всякие критики тут бессильны. — «Как я пишу? Никогда ничего не выдумываю. Просто вспоминаю».

Его проза на вершине русской классики. Она — итог не только трёхсотлетней истории русской литературы, больше, она захватывает ещё и устный период словесности. Но что главное, его проза — это ещё и прорыв к новым пространствам русского слова.

Это пространство — в заботе о спасении человека. От первородного греха. «Адам, где ты?» — возвал Бог. И возвращение человека к Богу — это и есть его главная его цель.

А для русского слова — возвращение к его главному назначению — служить достижению этой цели.

Когда будет новый Распутин? Никогда не будет. Он уже был. И остался. Лучше спросить: когда будет писатель такого же уровня? Это зависит от его ожидания. Русский язык способен помогать тому, кто верит в Бога и в Россию. Кто, как Распутин, будет понимать, что дело спасения человека не в политической системе, не в деньгах, не в оружии, не в экономике, а в очищении в себе образа Божия.

И последнее. Значит, Господь любит Россию, если подарил ей Распутина.

Александр БАЛТИН

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОСМОС КОМИ. Заметка

Стефан Пермский, используя начертания кириллицы и оригинальную графику, создал письменность для языка коми, наименованную абур.

Или анбур.

Органически использовавшуюся до XVI века; но памятниками древнезырянской письменности остались только некоторые, едва уцелевшие надписи на иконах...

Однако в первой половине XIX века возникает художественное творчество на коми языке, и родоначальником его считается Иван Куратов.

...Серебряное счастье и почти непосильная ноша — определить одной строкой сущность своей литературной работы: Иван Куратов, как алмазом по стеклу, прочертил такую в стихотворении «Жизнь человека»: «Дать счастье родному народу...»

Глобальность замысла определила его жизнь, как жизнь стиха определила строка — и жизнь, и долговечность.

...ибо без литературы невозможно ни самосознание народа, ни его самоосознание, а Иван Куратов стал основоположником литературы коми.

Происходя из духовной семьи, он логично искал в произведениях своих вечные ответы на вечные вопросы: философский ряд его поэзии дышит благородным напряжением внутренней жизни поэта — жизни, чья интенсивность поражает и завораживает.

Александр Львович БАЛТИН родился в Москве в 1967 году. Систематического образования не получил. Впервые опубликовался как поэт в 1996 году в журнале «Литературное обозрение», как прозаик — в 2007-м в журнале «Florida» (США), как литературный критик — в 2016 году в газете «Литературная Россия». Член Союза писателей Москвы, автор 84 книг (включая собрание сочинений в пяти томах) и свыше 2000 публикаций в более чем 150 изданиях разных стран: России, Беларуси, Башкортостана, Молдовы, Италии, Польши, Чехии, Германии, Израйля, Ирана, Канады, США и др. (в том числе в журналах «Юность», «Москва», «Дети Ра» и др., в антологии «И мы сохраним тебя, русская речь...»). Дважды лауреат международного поэтического конкурса «Пушкинская лира» (США). Лауреат золотой медали творческого клуба «EvilArt». Отмечен наградой Санкт-Петербургского общества Мартина

Лютера. Награждён юбилейной медалью портала «Парнас». Номинант премии «Паруса мечты» (Хорватия). Государственный стипендиат Союза писателей Москвы. Почётный сотрудник Финансовой академии при Правительстве РФ. Отмечен благодарностью альманаха «Истоки». Лауреат портала «Клубочек» в номинации «Проза» (2016). Лауреат газеты «Поэтоград» в номинации «Поэзия» (2016). Победитель конкурса «Миротворчество» (Болгария, София, 2017). Лауреат газеты «Поэтоград» в номинации «Критика» (2017). Лауреат журнала «Дети Ра» (2017). Эссеист года по версии журнала «Персона PLUS» (2018). Лауреат Ахматовской премии (София, Болгария, 2019). Лауреат газеты «День литературы» (2019). Победитель международного поэтического конкурса «Хотят ли русские войны?» (Болгария, 2020). Лауреат премии имени В. Б. Смирнова журнала «Отчий край» (Волгоград, 2020). Лауреат журнала «Эколог и Я» (Беларусь, 2020). Неоднократно выступал с чтением стихов на радио «Центр», в программе «Логос». На радио «Говорит Москва» стихи А. Балтина читал народный артист СССР Е. Я. Весник. О стихах и книгах А. Балтина писали «Литературная газета», «Юность», «Истоки», «Литературные вести», «Новый мир», «Знамя», «День и ночь», «Дети Ра», «Казахстанская правда», «Завтра» и др. Сказка «Страна гномов» вышла отдельным изданием в Канаде. Его стихи переведены на итальянский и польский языки, эссе — на болгарский и фарси. В 2013 году вышла книга «Вокруг Александра Балтина», посвящённая творчеству писателя.

Он был созерцателем бездн: и сияющей над нами, и наполненной чёрным зиянием, страшной, исполненной аспидного роения адских воль.

И не спускаясь с высот, даруемых подлинной поэзией, он занимался лингвистикой, писал грамматику коми языка.

Непосильно дать счастье всему народу — но можно выразить его в слове: его сущность, чаяния, мечты, надежды.

И Ивану Куратову это удалось.

Этнограф Г. Лыткин дал научное обоснование языку коми, и, очистив литературный язык от ненужных русицизмов, создал литературную школу «ва-коми»; но подлинное движение в недрах художественного слова начинается после Октябрьской революции.

Тут выдвигается писатель и поэт Виктор Савин, сочинявший также мелодии к своим стихам; лирические песни в народном стиле, стихотворные фельетоны, басни, национальный театр: многие труды его — как воплощение вертикального движения народа; и то, что во многих произведениях воспевалась партия — было просто логично.

Василий Юхнин пишет первый коми роман «Алая лента», где жизнь крестьян представлена языком, идущим от земли, корней, коры: всегда кажется, что покрыта она необыкновенными природными письменами, которые, если расшифруешь, заиграют иным, ещё неведомым человеку смыслом.

Юхнин был автором многих прозаических произведений, где сила стиля сочеталась с достоверностью персонажей, если и героизированных тогда, то только из высоких побуждений.

Иван Изьуров, писавший о преобразовании Севера, внёс вклад в создание литературной людской галереи: лесорубы, преобразование деревни, лесозаготовители, колхозная молодёжь...

Лирические комедии Дьяконова отливали нежной акварельностью чувств и переживаний; Николай Фролов восстанавливал героику Гражданской войны: вариант эпоса — какой народ обойдётся без него...

Многочасно играл ансамбль коми книг, и движение, некогда — в дремучих недрах истории — запущенное Стефаном Пермским, получило интересное развитие...

Литературно-художественный альманах

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПЕРМЬ

№ 28

Редактор-составитель *О. А. Черняк*
Корректор *Н. Н. Семукова*
Вёрстка *С. Э. Неведомская*

Подписано в печать 04.10.2021. Формат 70x100¹/₁₆.
Гарнитура Souvenir. Бумага ВХИ.
Заказ N 143 879. Тираж 100 экз.

Редакция альманаха «Литературная Пермь» и литературно-публицистической газеты «Пермский писатель» внимательно знакомится с письмами читателей. Каждая рукопись, присланная в адрес альманаха и газеты, принимается и рассматривается, при этом не возвращается и не рецензируется.

Указание авторами ФИО, паспортных данных, оперативных контактов и кратких сведений о себе — обязательно.

За достоверность фактов ответственность несут авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

ISBN 978-5-6044740-1-3

9 785604 474013

Адрес редакции
альманаха «Литературная Пермь»,
газеты «Пермский писатель»,
ПКОО «Пермский писатель»:
614000, г. Пермь, ул. Сибирская, 30.
Пермская краевая общественная
(профессиональная) организация
Союза писателей России.
Телефон 8 (342) 212-43-28.
Факс 8 (342) 212-31-54.
E-mail: permsprossii@rambler.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными ИП Неведомская файлами
в ООО «Ай Кью Пресс»: 614046, г. Пермь, ул. Барамзиной, 43, корп. 3.

ISBN 978-5-6044740-1-3

9 785604 474013